

Д.П.ИВИНСКИЙ

КНЯЗЬ П.А.ВЯЗЕМСКИЙ
И А.С.ПУШКИН

Д.П.ИВИНСКИЙ

**КНЯЗЬ П.А.ВЯЗЕМСКИЙ
И А.С.ПУШКИН**

*Очерк истории личных и
творческих отношений*

Москва

«Филология»

ББК 81
И253

Печатается в соответствии с решением
Редакционно-издательского совета филологического
факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

И253 Д.П.Ивинский

Князь П.А.Вяземский и А.С.Пушкин — М.: Филология,
1994. — 172 с.

ISBN 5-7552-0067-X

История личных и творческих отношений А.С.Пушкина и П.А.Вяземского рассматривается в книге в свете их мироощущения и в контексте эпохи. В научный оборот вводится ряд архивных материалов.

Для специалистов-филологов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также широкого круга читателей.

ISBN 5-7552-0067-X

ББК 81

© Д.П.Ивинский, 1994

© «Филология» макет, оформление

От автора

Взаимоотношения писателей — существенный фактор литературной жизни, особенно в эпоху, когда представление об эмоциональной и психологической достоверности текста предполагало демонстрацию дружеских отношений — во всяком случае, в рамках того течения русского романтизма, которое образовали авторы, вышедшие из школы Карамзина.

Коммуникативная ситуация в литературе времен Карамзина и Пушкина характеризовалась прежде всего установкой на возможность одновременной интерпретации текста на качественно разных уровнях проникновения в его смысл. Сложная система аллюзий, намеков, реминисценций, мистификаций и иносказаний, столь характерных для поэтики карамзинизма, была предназначена прежде всего для узкого круга друзей-единомышленников. Не «публика», а этот узкий круг посвященных, истинных ценителей изящного, воспринимал смысл текста вполне адекватно.

С этим связана необходимость специального изучения истории дружеских личных и литературных отношений писателей, унаследовавших от Карамзина указанный способ организации текста, в том числе и тех, к которым часто применяется обозначение «пушкинская плеяда».

В этой книге не ставилась задача охватить весь материал, относящийся к теме — один только более или менее полный обзор литературы вопроса мог бы занять весь отведенный нам листаж. Наша цель — наметить лишь основные вехи истории взаимоотношений кн. П.А.Вяземского и А.С.Пушкина.

Автор считает своим долгом выразить признательность всем, кто оказал ему содействие замечаниями и советами на разных этапах работы — и прежде всего В.И.Кулешову, С.И.Панову, А.М.Пескову, Г.В.Краснову, И.В.Карташевой, М.В.Строганову, М.А.Козьминой.

Предисловие

Большая часть документальных материалов, касающихся истории отношений Пушкина и Вяземского, связана с именем последнего. Его обширнейшая переписка, многочисленные печатные статьи, дневниковые записи содержат гораздо больше сведений, чем немногочисленные — хотя от этого и не менее важные — свидетельства Пушкина. Поэтому вольно или невольно историко-литературное исследование о взаимоотношениях Пушкина и Вяземского строится как повествование в первую очередь все-таки о Вяземском. Отсюда последовательность имен в заглавии.

К тому же мы не видим необходимости настаивать на верности известного представления о «пушкинском круге» писателей как о некотором литературном объединении, в котором ведущая роль принадлежала Пушкину. «Пушкинский круг» писателей, на наш взгляд, — нереализованная возможность русской литературы, если иметь в виду требование программного объединения. «[...] можно утверждать, что не существовало единой литературной платформы “Арзамаса”», — подчеркивает М.И.Гиллельсон¹. «Подобный же вывод напрашивается при рассмотрении литературного наследия писателей пушкинского круга, столь различных по своей ориентации, по своим художественным принципам, по своим эстетическим устремлениям»². Дельвиг, Пушкин, Кюхельбекер, Баратынский, Вяземский, Языков могли «объединяться», лишь сохраняя совершенную независимость от мнений друг друга; интенсивность центробежных тенденций соответствовала значительности центростремительных: романтическому представлению о свободном, радостном и гордом союзе дарований не могли соответствовать нормы литературной жизни времен «Физиологии Петербурга».

«Особый путь» — верно сказано о литературной эволюции Баратынского; и совершенно ясно, что у каждого из поэтов, близких к Пушкину, был свой «особый путь». Быть может, наиболее точен тот же Баратынский, обронивший слова: «разрозненная плеяда».

Чрезвычайно важно, что круг Пушкина и круг Вяземского пересекались в значительной степени, но никогда не совпадали. Северин, один из ближайших друзей Вяземского, в Одессе не принял опального поэта; Катенин, к которому Пушкин пришел со словами «побей, но выучи», — язвительнейший зои́л Вяземского; упомянем еще «колкого Шаховского», похваленного в «Онегине», и Вяземскому, в частности, обязанного легендой о зловещем участии своем в судьбе Озерова.

В этой связи особенный интерес представляет запись в дневнике А.И.Тургенева 31 марта 1842 года о разговоре с И.С.Гагариным: «О В[яземском]. “Камергер Пушкина, теперь в отставке”. Я объяснил ему и В[яземского] и Пушкина и их отношения. В[яземский] не поддавался ему; не во всем с ним соглашался, а спорил часто; напр[имер] за Польшу в Москве против Пушк[ина] и Ден[иса] Дав[ыдова] — соглашаясь со мною»³. Как видим, Тургенев решительно воспротивился попытке преувеличить единство во взглядах Пушкина и Вяземского⁴. В 1842 г., конечно, речь шла о том, что Вяземский «не поддавался» Пушкину; в более ранние времена возникла бы другая формулировка: в конце 1810-х — середине 1820-х гг. еще именно Пушкин «не поддавался» Вяземскому — и не поддавался почти с начала их общения. Эта независимость первоначально предполагала демонстрацию «равенства»: «Молодой Пушкин сразу же настроился на “волну” Вяземского и как-то незаметно “зачеркнул” разницу лет»⁵.

Глава I.

В допожарной Москве

Ранние литературные знакомства. — Возможность первой встречи. — Атмосфера старой Москвы. — Домашнее воспитание. — Первые поэтические опыты

В московском доме Пушкиных бывали Карамзин, Дмитриев, Жуковский, Батюшков — не говорим уже о Василии Львовиче и Алексее Михайловиче Пушкиных. Будущий поэт, замечал П.В.Анненков, «[...] всегда внимательно прислушивался к их суждениям и разговорам, знал корифеев нашей словесности не по одним произведениям их, но и по живому слову, выражающему характер человека и западающему часто в юный ум невольно и неизгладимо» (Анненков, с. 37). Сходным образом — и в том же до некоторой степени кругу — складывались литературные отношения Вяземского: «Для Вяземского никогда не существовало проблемы вхождения в литературу, — замечает Л.В.Дерюгина, — всю или почти всю русскую литературу он нашел в собственном доме, еще мальчиком, вернувшись в 1807 г. из пансиона»⁶.

Последующие несколько лет — время первой возможной встречи или даже встреч Вяземского и Пушкина. Отмечая это, Б.Л.Модзалевский⁷, как и следующие за ним исследователи⁸, ссылаются на П.П.Вяземского⁹. Впрочем, часто, следуя М.А.Цявловскому, который включил в свою «Летопись...» лишь многосторонне документированное указание на лицейскую встречу 1816 г. (Летопись, с. 94), с ней и связывают начало знакомства поэтов¹⁰. Так или иначе, по справедливому замечанию В.Э.Вацуру, «воссоздать литературную среду мальчика-Пушкина мог бы, пожалуй, Вяземский, но он не поставил себе такой задачи» (Пушкин в воспоминаниях — 1, т. 1, с. 6).

Вяземский поставил перед собой более важную задачу — воссоздать целостное представление об атмосфере культурной

жизни довоенной Москвы¹¹. Известные ему подробности отношений, скажем, Карамзина к семейству Пушкиных скупы и не слишком определены: «Может быть, ребенком видал он (Пушкин. — Д.И.) его (Карамзина. — Д.И.) в Москве у отца своего, да и то невероятно. По крайней мере, не помню Сергея Львовича в Москве ни у Карамзина, ни у себя. Карамзин, вероятно, знал его, но у него не бывал»¹².

Однако молодому Пушкину все же находится место в картине старой московской жизни, и здесь уже в рассказе о Карамзине и Пушкиных Вяземский расставляет акценты несколько иначе: «Пушкин был также родовой москвич. Нет сомнения, что первым зародышем дарования своего, кроме благодати свыше, обязан он был окружающей его атмосфере, благоприятно проникнутой тогдашней московскою жизнью. Отец его Сергей Львович был в приятельских отношениях с Карамзиным и Дмитриевым и сам, по тогдашнему обычаю, получил если не ученое, то, по крайней мере, литературное образование. Дядя Александра, Василий Львович, сам был поэт, или, пожалуй, любезный стихотворец и по тогдашним немудрым, но не менее того признанным требованиям был стихотворцем на счету. Вся эта обстановка должна была благотворно действовать на отрока»¹³.

Вяземский знал, видимо, какие-то подробности домашнего образования и воспитания молодого Пушкина. Так или иначе, оспорила М.А.Корфа, который в «Записке о Пушкине» (ок. 1852) сказал о каком-то политическом значении лицейского особенного внимания Пушкина к французской культуре, Вяземский заметил: «Если слыл он французом, то, вероятно, потому, что по первоначальному домашнему воспитанию своему лучше других товарищей своих говорил по-французски, лучше знал французскую литературу, более читал французские книги, сам писал французские стихи и проч.; но видеть тут какое-нибудь политическое значение есть предположение совершенно произвольное и которое в Лицее, вероятно, никому в голову не приходило» (Пушкин в воспоминаниях — 1, с. 461).

Из близких сфер были учителя и наставники. Петр Иванович Богданов (1776—1816), магистр, преподаватель словесности в Благородном пансионе при Московском университете, какое-то время — наставник молодого князя¹⁴. Брат Петра Ивановича, Алексей Иванович Богданов (1786—1860), священник, учил Пушкина закону божьему (Летопись, с.12; Черейский, с. 43).

Не предполагаем, что Пушкин и Вяземский делились воспоминаниями о детских годах своих: сентиментальность была не в моде, да не было и слишком радужных или восторженных воспоминаний об отношениях с родителями. Пушкин был нелюбимый ребенок в семье, и о сыновних чувствах его Вяземский говорил так: «Александр Пушкин был во многих отношениях внимательный и почтительный сын. Он готов был даже на некоторое самопожертвование для родителей своих; но не в натуре его было быть хорошим семьянином: домашний очаг не привлекал и не удерживал его. Он во время разлуки редко писал к родителям; редко и бывал у них, когда жил с ними в одном городе. “Давно ли видел ты отца?” — спросил его однажды NN (то есть сам Вяземский. — Д.И.). “Недавно”. — “Да как ты понимаешь это? Может быть, ты недавно видел его во сне?” Пушкин был очень доволен этой уверткой и, смеясь, сказал, что для успокоения совести усвоит ее себе» (Пушкин в воспоминаниях — 2, т. 1. с. 140). Вяземский с глубоким уважением относился к отцу своему, но, кажется, не любил его; между ними не было душевной близости (Гиллельсон, с. 11—16). Впрочем, князь Андрей Иванович ушел из жизни в 1807 г., когда молодому князю было около пятнадцати лет¹⁵.

Вяземский учился в иезуитском коллегиуме в Петербурге¹⁶. Предполагали поместить туда и Пушкина, однако не потому, что так советовал Вяземский¹⁷, а прежде всего потому, что «глаза всех родителей обращены были тогда на Иезуитский коллегиум, существовавший в Петербурге и приобретший известность в деле воспитания» (Анненков, с. 3). С этим проектом связана запись Пушкина в плане автобиографии: «Меня везут в Петербург. Езуиты».

Первые литературные опыты Вяземского и Пушкина обнаруживают следование одним и тем же образцам — и прежде всего Жуковскому и Батюшкову. Общим было и увлечение французской литературой, особенно Вольтером, внимание к традициям «*poésie fugitive*». Вяземский начинает пробовать свои поэтические силы в 1805 г.; первый раз печатает он стихотворение свое в 1808 г.¹⁸ Первое выступление в печати Пушкина относится к 1814 г.: семь лет разницы в возрасте примерно соответствовали несовпадению во времени начала печатного авторства. Однако сочинять Пушкин начал, кажется, немного раньше, чем Вяземский, возможно, в девять-десять лет, то есть в 1808—1809 гг. (Летопись, с. 14).

В 1811 г. в Петербурге, незадолго по поступления своего в Лицей, Пушкин впервые окунулся в атмосферу литературной борьбы. 18 августа 1811 г. Д.П.Северин писал к Вяземскому в Москву: «С Пушкиным (Василием Львовичем. — Д.И.) я вижу довольно часто; он теперь в страшных заботах: пишет новое послание к Дашкову [...] об *Истинном патриотизме*: горе Славенофилам! Здесь он часто выдерживает сильные споры. Я был свидетелем одного у графа Орлова, в кругу большого света, где Вас.Львович только что не подрался с к[нязем] Горчаковым, одним из злейших последователей ереси Шишкова. Ничего не могло быть смешнее этого спора, тем более что под конец уже не один Вас.Львов. спорил о русском языке, но даже и Сергей Вас.Салтыков, и Татищев, и Шепинг и пр. и пр. люди, едва говорящие по-русски! По обыкновению своему Пушкин успел уже играть в двух или трех пьесах у к. К.Ф.Долгорукой и сочинить несколько французских экспромptиков и буриме»¹⁹.

Пушкину в это время двенадцать лет; около этого возраста и Вяземский начинал входить в подробности полемик — и, возможно, это были полемикки с «Другом просвещения» или вокруг него, когда «граф Д.И.Хвостов и П.И.Голенищев-Кутузов, участвуя в журнале “Друг просвещения”, кажется, впервые сделали какой-то раздел в нашей московской литературе», — как писал о том М.Н.Макаров²⁰. В.Э.Вацуро заметил, что эпиграмма Вяземского на П.И.Голенищева-Кутузова «Картузов другом просвещенья...» (1812) [...] «производит впечатление прямого ответа [...]» на «Ответ» Кутузова, помещенный в № 1 «Друга просвещения» 1806 г. (Вацуро — 1989, с. 160). «По-видимому, устная традиция сохраняла детали полемики в течение нескольких лет, — говорит исследователь, — и в 1812 г. еще помнили стихи, напечатанные в “Друге просвещения”» (там же).

Вяземский впервые выступил на литературной арене за несколько лет до Отечественной войны; Пушкин — при окончании ее и после. Однако в становлении их литературных репутаций особенное место занимают стихи, связанные с войной. Вяземский уже укреплял свою авторскую репутацию, Пушкин только подступал к созданию своей. Между тем, «Надпись к бюсту Александра I» (1814) и «Воспоминания в Царском Селе» (1815) были первыми произведениями, отданными их авторами в печать за полной подписью.

Глава II.

Отечественная война

Падение Москвы. — Литературные переключки. —
19 мая и 27 июля 1814 г. — Александр I.

Камер-юнкер (с 22 марта 1811 г.) князь Вяземский вступил в ополчение 25 июля 1812 г., участвовал в Бородинском сражении в качестве адъютанта гр. М.А.Милорадовича²¹ и 25 сентября был награжден орденом св. Владимира 4-й степени²². 1 сентября, накануне занятия Москвы неприятелем, Вяземский выехал из нее с Карамзиным в Ярославль, где находились их жены. Карамзины направились в Нижний Новгород, Вяземские — в Вологду. В военных действиях Вяземский более участия не принимал: «Болезнь, захватившая меня весною 1813 г. в Ярославле, помешала мне ехать обратно в армию. Впрочем, я никогда не готовился к военной службе, от которой отвлекало меня и слабое здоровье мое. [...] С падением Москвы, после не совсем удавшейся попытки отстоять ее на Бородинском поле, мне, непризанному воину, казалось, и делать более нечего под воинскими знаменами»²³. Последнее признание особенно показательно: Вяземский чрезвычайно тяжело переживал разорение и гибель Москвы. В это время его письма проникнуты такой горечью и безысходностью, что часто близким приятелям его приходилось не соглашаться с его предельно пессимистическими оценками происходящего. «Ты не можешь сомневаться, — писал к нему 7 октября 1812 г. Д.П.Северин, — чтобы я не разделял грусти твоей о участи Москвы; но признаюсь, я не согласен с тобою, чтобы всему был конец и пр. и пр.»²⁴.

И уж конечно, восприятие Вяземским событий войны 1812 г. было лишено всякой парадности.

«Послание Жуковскому из Москвы, в конце 1812 г.»²⁵, исправленное адресатом, не имеет ничего общего с мажорно-

героической тональностью «Певца во стане русских воинов». Вяземский рисует картины запустения разоренной Москвы, обезлюдившей и унылой, упоминает о тех, «кто мрачных сил картин, сих ужасов и бедствий удаленный / [...] Летит теперь, отмщеньем вдохновленный, / Под знаменем карающих дружин!» Мотив отмщения врагу возникает у Вяземского и в стихотворении «Русский пленник в стенах Парижа» (1813)²⁶, построенном как монолог воина, мучительно переживающего свой плен: «О воины Москвы и чести! / Я вашей славы не делил, / Но в тяжком плене чувством мести / Товарищ вас достойный был!»²⁷.

«Русский пленник...» в сознании современников мог сближаться с «Воспоминаниями в Царском Селе» Пушкина: в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах» две эти вещи напечатаны рядом²⁸. Нет оснований говорить о заимствованиях Пушкина из Вяземского²⁹. Но близость или перекличка некоторых — пусть и большей частью общелитературных — мотивов все же имеет место: налицо «оссианический» ночной пейзаж с неизменными его атрибутами — ропотом волн (бегом ручья), туманом над рекою (над лесом), вечерним свежим (чуть дышащим) ветерком и, конечно, бледной луной; рифма «поля — Кремля» (у Вяземского: «О воины Москвы и чести! / Пройдите дальние поля! / Потухнет огонь священной мести / С позором древнего Кремля»; у Пушкина: «О бородинские кровавые поля! / Не вы неистовству и гордости пределы! / Увы! на башнях галл Кремля!»); мотив отмщения врагу, впрочем, разработанный по-разному и большую роль играющий в стихотворении Вяземского. Что важнее, общим оказался сам прием совмещения высокого стиля одической поэзии с элегической поэтикой.

Более значительной представляется тематическая и стилистическая близость стихов 113—136 «Воспоминаний...» Пушкина и картинами разоренной Москвы в «Послании к Жуковскому из Москвы» Вяземского; обе вещи строятся на противопоставлении бедственного положения древней столицы — и светлых воспоминаний о довоенной Москве, «где на заре цветущих лет / Часы беспечности я тратил золотые». Но и здесь нет заимствований прямых ни Пушкина из Вяземского (не исключаем возможности знакомства Пушкина с «Посланием к Жуковскому...» до окончания работы над первыми редакциями «Воспоминаний...»), ни Вяземского из Пушкина.

Для батальной поэзии тех лет, и поэзии Вяземского и Пушкина в частности, характерно устойчивое противопоставление Москвы Парижу, увязанное с мотивом мести; при этом пожар Москвы расценивался как предзнаменование падения «злодея»³⁰. Любопытно свидетельство Вяземского: «[...] когда военные действия приняли лучший оборот и с освобождением Москвы от неприятеля сердце у нас отлегло и чувство уныния заменилось чувством какого-то самодовольства и торжественности, прежние испытания были забыты, а безопасность и слава отечества просвечивалась нам в несомненном и близком будущем. Вологодский поэт Остолопов, заимствовав тогда счастливое и пророческое выражение из письма ко мне А.И.Тургенева, заключил одно патриотическое стихотворение следующим стихом:

Нам зарево Москвы осветит путь к Парижу.

Таким образом, в нашем Вологодском захолустье выведен был ясно и непогрешительно вопрос, который в то время мог казаться еще весьма сомнительным и в глазах отважнейших полководцев и в глазах дальновидных политиков³¹. Недаром говорят; что поэт есть вещей. Мог бы Наполеон вообразить, что он имел в Остолопове своего злого вещего и что отречение, подписанное им в Фонтенбло в 1814 г. было еще в 1812 г. дело уже решенное губернским прокурором в Вологде» (Вяземский, т. 2, с. 384; ср. РА, 1866, № 2, с. 218, 250—251).

19 мая 1814 г. в Москве, в доме Д.М.Полторацкого, «Обществом благородных людей» был дан праздник в честь падения Парижа³². В числе учредителей праздника был Вяземский, стихи его — со стихами А.М. и В.Л.Пушкиных — исполнялись на этом празднике. В «Польском» Вяземского получил особенно яркое выражение мотив мести за разорение Москвы:

Упал на дерзкие главы
Гром мести сильной и правдивой:
Знамена, мстители Москвы,
Шумят над Сеной горделивой [...]

Хор.

Мы празднуем твою здесь месть!
Москва! Хвала тебе и честь!
Твои развалины священны:
Оне гробницей бед вселенны³³.

На этом празднике впервые, кажется, была явлена вниманию публики и знаменитая «Надпись к бюсту Императора Александра I» Вяземского: «Декорация, изображавшая до селе лес, перемещается и представляет посреди зеленого холма, испещренного цветами, Храм Бессмертия, посреди коего на богатом пьедестале, усыпанном драгоценными камнями, виден бюст Императора. — Два Гения по сторонам держат над ним масличную и миртовую ветви; — перед пьедесталом на двух жертвенниках курится фимиам; на тумбе под бюстами огненными литерами надпись:

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель.
Какой венец Ему? какой Ему алтарь?
Вселенная! пади пред Ним, Он твой спаситель,
Россия! Им гордись: — Он сын твой, Он твой Царь!³⁴

Этому четверостишию суждена была долгая известность; именно с ним должно связываться становление литературной репутации Вяземского, это было первое стихотворение, отданное им в печать за полной подписью.

27 июля 1814 г. императрицей Марией Федоровной был дан праздник в честь возвращения из-за границы Александра I после заключения мира с Францией³⁵. «Вашу надпись («Надпись к бюсту императора Александра I». — Д.И.), обращенную в громкий хор (музыка Д.С.Бортнянского. — Д.И.), — писал Ю.А.Нелединский-Мелецкий в Вяземскому из Павловска, — будут поставлены против Павловского дворца»³⁶. Среди лицеистов на празднике находился Пушкин. Можно лишь предполагать, какую реакцию вызвали у него стихи Вяземского; отметим лишь, что в «Надписи...» был афористично реализован мотив, к которому обратится позже сам Пушкин, — мотив милосердия, проявленного Александром по отношению к побежденным («скромный победитель»).

Напомним, что текст «Надписи...», назначенный к исполнению на празднике 27 июля, отличался от авторского. У Вяземского было об Александре I, как мы видели, «Муж твердый в бедствиях и скромный победитель!» Этот вариант явился окончательным; из письма Нелединского к Вяземскому от 22 июня узнаем, что был и другой: «Вы пишете, что любите свой первый стих. Для замечания вашего скажу, что мы здесь не любим напоминать о бедствиях; и когда эти стихи до нас дошли, то при свидании нашем с Иваном Ивановичем

Дмитриевым мы вместо бедствий читали: муж твердый в опытах»³⁷. Вяземский же о бедствиях не забывал, тень их мелькала во всем, что выходило тогда из-под пера его.

«Надпись...» задолго до праздника 27 июля была напечатана в «Северной почте» с любопытной заметкой: «—Хотя в Северной почте никогда никаких Стихов не помещается, но следующая надпись к портрету Государя Императора такова, что мы не можем удержаться, чтоб не сообщить оную читателям нашим» (далее следовал текст. — Д.И.)³⁸. Конечно, более значительной была вскользь оброненная Нелединским-Мелецким в письме к Вяземскому от 22 июня 1814 г. из Павловска похвала: «Г-н Бортнянский сначала жаловался на краткость пиесы, и приставал, чтоб я надделал еще четыре стиха; но я из самолюбия отказался»³⁹. И уж совсем восторженно отозвался вообще скупой на похвалы Нелединский об упоминавшемся нами выше «Русском пленнике в стенах Парижа», писавший к Вяземскому 19 апреля 1815 г. из Петербурга по получении от него списка стихотворения: «Прекрасная ваша песня Русского пленника мне давно известна. Давно ее читаю, с новым каждый раз таланта вашего уважением. Не доставало мне только получить прямо из рук ваших: теперь и это удовольствие, благодаря вас, имею. Настраивайте лиру вашу. поприще славы открыто вновь героям нашим и певцам их подвигов»⁴⁰. Это было уже нешуточное напутствие.

В связи со сказанным особенно любопытными представляются неопубликованные заметки С.Д.Полторацкого о «Надписи...» Вяземского. Напомнив текст стихотворения по публикации в «Описании праздника, данного в Москве 19 мая 1814 ...», Полторацкий отметил: «Прекрасное четверостишие» и продолжил запись: «После них (то есть стихов Вяземского. — Д.И.) другие пииты пытались со своими четверостишиями, на то же предмет, но совершенно неудачно. Стихи Кн. Вяземского остались неподражаемыми, никто не превзошел их. — Могут ли, например, сравниться с его прелестным четверостишием, — столь удачным и по мыслям, и по силе выражений, сухие стихи Н.Семивского, напечатанные в Сыне Отеч[ества] (№ 11, 17 марта 1816, часть 28, стран. 177):

Се Царь, Отец, Герой! — Се Внук Екатерины
Бессмертный по делам! — Он воду, огонь, стремнины
Прошед бестрепетно, злодеев усмирил,
И вожделенный мир в Европе водворил»⁴¹ (л. 10—11).

Записав в тетрадь текст этого стихотворения, Полторацкий вспомнил о Пушкине и коротко сопоставил его с Вяземским: «Пушкин написал Стихотворение: на возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году. 88 стихов. — Стихотворение слабое. Читано было Вас. Львов. Пушкиным 28 апреля 1817, в заседании Московского Общ[ества] Любит[елей] Рос[сийской] Словесн[ости], и напечатано в Трудах, часть 9, 1817, книжка XIV, стр. 25—28. Но пропущено во всех изданиях Пушкина: 1) 1826 года 2) 1829-1835. 4 части. и 3) 1838-1841. 11 частей [...]» (лл. 11—12). Эта запись сделана была 1 марта 1849 г.; через несколько дней, 5 марта, Полторацкий продолжает: «Н. Остолопов сочин[ил] такое четверостишие:

Молчанье, Музы, ваш удел!
Он похвалы ни чьей не любит. —
Пускай одна лишь слава трубит,
Что он бессмертье приобрел.

(в Сыне Отеч[ества] № 36, 2 сент[ября] 1821, часть 72, стр. 131)»⁴². И далее — итог: «Вяземского четверостишие несравненно превосходило всех прочих стихов на этот предмет» (л. 12).

Это суждения человека, хорошо знавшего и Вяземского, и Пушкина, посвященного в литературные дела и, несомненно, в какой-то степени учитывавшего реальную историю восприятия тех текстов, о которых он высказался столь определенно. Во всяком случае именно Полторацкий — пусть вскользь — впервые обратился к вопросу о восприятии Александра I Вяземским и Пушкиным, как оно отразилось в их произведениях в первое время после окончания наполеоновских войн.

* * *

Победоносное возвращение царя из-за границы вызвало новую волну поэтических откликов. Принято было подчеркивать прежде всего две заслуги его, два деяния: освобождение России и установление долгожданного мира⁴³. Это были два главных результата войны, отсюда, конечно, их литературная устойчивость. При этом отмечались величие и великодушные царя-освободителя, противопоставленные «низости» его врагов⁴⁴. Все это в 1839 г. Жуковский точно обобщил в стихотворении «Бородинская годовщина»⁴⁵.

И Вяземский, и Пушкин, разрабатывая образ Александра I, вполне учитывали эту традицию. Нельзя не отметить, впрочем, что Вяземского в меньшей степени, чем Пушкина, занимал общераспространенный мотив примирения с врагом⁴⁶, что вполне соответствует его сравнительно большому вниманию к теме гибели прежней Москвы⁴⁷. Не менее существенным представляется и то обстоятельство, что Пушкин всегда связывал личные достоинства царя с совершенными им деяниями напрямую: в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814), стихотворениях «Наполеон на Эльбе» (1815), «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году» (1815), «Принцу Оранскому» (1816) отсутствуют общие комплиментарные формулы. Вяземский был гораздо менее сдержан⁴⁸. В этой связи напомним, что Пушкин и в 1814 г. не отличался каким-то особенным пиететом по отношению к личности царя. Если возможны еще колебания и сомнения по поводу авторства приписываемой ему эпиграммы «Романов и Зернов лихой (Двум Александрам Павловичам)» (Акад., т. 1, с. 317)⁴⁹, то нет никаких сомнений в авторстве рисунка, появившегося на свет на другой день после праздника в Павловске 27 июля 1814 г.⁵⁰ Рисунок, как известно, был пародией на два стиха А.П.Буниной⁵¹, украшавших во время праздника одни из триумфальных ворот, но задевал и императора⁵². Вяземского же в роли автора карикатурного изображения царя представить невозможно. Показательно, что единственное свое стихотворение, целиком посвященное Александру I, Пушкин, что отметил и С.Д.Полторацкий в приведенных выше заметках, не стремился видеть напечатанным⁵³. С другой стороны, «Надпись...» Вяземского публиковалась неоднократно.

Вяземскому суждено будет с течением времени разочароваться в царе, но как поэт он не позволит себе ни одного выпада в роли пушкинских. Пушкин же примется переделывать, исправлять те строки в лицейских своих стихотворениях, которые некогда писались им с намерением прославить деяния Александра I⁵⁴. Но дни, когда стало известно о падении Парижа и возвращении царя, Пушкин запомнил навсегда и под конец жизни из-под пера его вышли и сочувственные, и благодарные строки:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.

Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните, как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг⁵⁵.

Пушкин и Вяземский воспринимали события войны 1812—1814 гг. во многом сходно. Как мы видели, налицо и близость некоторых литературных установок и конкретных мотивов.

Заметим однако, что Пушкин, в отличие от Вяземского, не был непосредственным участником событий; образ погибшей Москвы в «Воспоминаниях в Царском Селе» и некоторых других его стихотворениях основывался прежде всего на литературных источниках. Для Вяземского, который был старше лицейского поэта семью годами, гибель Москвы означала безвозвратное крушение целой эпохи русской культурной жизни, с которой он был кровно и непосредственно связан, и, главное, в которой принимал определенное участие. Пушкин двенадцати лет оставил Москву; «допожарная или допотопная» столица и для него была символом многовековой русской истории и культуры, центром просвещения, городом Карамзина и Дмитриева, но степень личного участия в культурной жизни, объем жизненных впечатлений был, конечно, гораздо меньшим — и Пушкин не мог так же остро и глубоко переживать один из значительнейших «сломов времени»⁵⁶, каким была Отечественная война, как переживал его Вяземский.

Сблизило их другое — ликование по поводу установления нового общеевропейского мира, возвышения России, ожидание реформ. Когда Пушкин в процитированном нами выше стихотворении назвал Александра «спасителем свободы» народов, он точно определил важную сторону восприятия наполеоновских войн в давно минувшие годы: борьба за независимость русского государства мыслилась и как борьба за общеевропейскую свободу⁵⁷. Освобождение от рабства первоначально понималось как «низвержение» Наполеона, позже — как необходимость реформ в России.

Глава III.

«Арзамас»

**25 марта 1816 г. — «Легкая поэзия» и полемики. —
Еще две встречи. — Усложнение позиции.**

В феврале 1816 г. Карамзин привез в Петербург рукопись первых восьми томов «Истории государства Российского» с тем, чтобы представить их императору и испросить разрешение печатать; прибывшие с ним В.Л.Пушкин и Вяземский стремились в Арзамас. 22 января 1816 г. последний писал к А.И.Тургеневу: «Наша российская жизнь есть смерть... Я приеду освежиться в Арзамас и отдохнуть от смерти» (ОА, т. 1, с. 38). На восьмом заседании, 24 февраля, Вяземский произнес «надгробное слово» П.И.Голенищеву-Кутузову и был официально принят в «Арзамас»⁵⁸. Несколько позднее, на девятом заседании, состоявшемся в первой половине марта, он участвовал в процедуре принятия В.Л.Пушкина⁵⁹. Отправляясь назад в Москву, они с Карамзиным, а также возвращавшимся в Москву Жуковским, А.И.Тургеневым, С.Л.Пушкиным заехали в царскосельский Лицей (Летопись, с. 94)⁶⁰. На склоне лет Вяземский вспоминал: «Из Москвы в Петербург в 1816 году с Карамзиным ехал я один, Жуковский был уже в Петербурге. Василий Львович приехал в Петербург или пред нами, или вслед за нами, но положительно не с нами, а в обратный путь примкнул к нам. С ним по дороге и заезжали мы в Лицей, вероятно, по предложению Василия Львовича. Оставались мы там с полчаса, не более. Не помню особенных тогда отношений Карамзина к Пушкину. Вероятно, управляющие Лицеєм занимались Карамзиным. А меня окружила молодежь: я и сам был тогда молод»⁶¹.

Уже были известны «Воспоминания в Царском Селе». Во второй половине января — начале февраля 1815 г. «В.Л.Пушкин получил из Петербурга новое стихотворение племянника

своего. Сохранилось любопытное предание, что в один день Жуковский пришел к друзьям своим и с радостным видом объявил, что из Петербурга присланы прекрасные стихи. Это были “Воспоминания в Царском Селе”. Он принес их с собой, читая вслух, останавливался на лучших местах и говорил: “Вот у нас какой поэт!” (Друзья Жуковского доселе помнят это чтение. Один из слушателей был И.В.Киреевский, коему мы обязаны за сообщение этого любопытного сведения)»⁶². К этому времени, по мнению Н.В.Измайлова, относится и восторженный отзыв Вяземского: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо, и все тут. Его воспоминания вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай бог ему здоровья и учения, и в нем будет прок и горе нам. Задавит каналья! Василий Львович, однако же, не поддается и после стихов своего племянника, которые он всегда прочтет со слезами, не забывает никогда прочесть и свои, не чувствуя, что по стихам он племянником перед тем»⁶³. Несколько дней спустя после своей первой встречи с Пушкиным, состоявшейся между 4—7 сентября 1815 г., Жуковский писал к Вяземскому 19 сентября из Петербурга: «Я сделал еще приятное знакомство с нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал мою руку к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя смелым, не помешал себе созреть. Нам всем необходимо соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет»⁶⁴.

С начала общения Пушкина с Вяземским сказывалась однородность литературных притяжений и отталкиваний. В.В.Сиповский отмечал: «Под влиянием анакреонтической поэзии XVIII и начала XIX века, особенно под влиянием своих друзей — Батюшкова и Вяземского, Пушкин стал на разные лады повторять, что он — “резвый поэт, невольник чести молодой” [...], «страдалец чувственной любви» [...], что “в радости беспечной брели по розам дни молодые” его жизнерадостной юности»⁶⁵. Быть может, Сиповский преувеличил значения влияния Вяземского на молодого Пушкина: обнаруживаемые параллели находят соответствие также в творчестве Жуковского или Батюшкова. Так, например, образ «слепой богини», фортуны, присутствующей в пушкинских стихотворениях «Опытность» (1814) и «Послание к Галичу» (1815)

встречается не только у Вяземского («К партизану-поэту», 1814 или 1815)⁶⁶, но и у Батюшкова (Виноградов, с. 9—10). Сравнением луны с плывущим в небесах лебедем (важный элемент «оссианического» ночного пейзажа, см. «Воспоминания в Царском Селе») пользуется не только Вяземский, но и Батюшков, Жуковский, позднее Козлов и другие (Виноградов, с. 124—125). Упоминание о ложе маков, роз или лилий в сочетании с мотивом сладостной лени («Мечтатель», 1825; «Мое завещание», 1815 и др.) обнаруживается не только у Вяземского («О, дайте мне, друзья, под безмятежной сенью, / Куда укрылся я от шума и от грез, / На ложе сладостном из маков и из роз, / Разостланном счастливой ленью, / Понежиться еще в безвестности своей!» — «К друзьям», вторая половина 1814 г. См.: Вяземский — 1986, с. 72), но и у Батюшкова («А Лила почивает / На ложе из цветов [...]» — «Мои пенаты» (1811—1812), см.: Батюшков, т. 1, с. 210) и т.д.

Пушкина и Вяземского сближает сама культура «легкой поэзии», восприятия в значительной степени через посредство Батюшкова, Конечно, и здесь могут быть отмечены различия: например, для Вяземского не характерно восприятие Оссиана через призму Парни, в духе легкой поэзии, достаточно устойчивое у лицейского Пушкина⁶⁷.

В числе признанных авторитетов, помимо Парни, конечно, Вольтер⁶⁸. «К Вольтеру обращались и некоторые другие поэты пушкинского времени, — говорит П.Р.Заборов. — Однако ни для кого из них Вольтер не являлся, как для Пушкина и Вяземского, спутником всей жизни»⁶⁹. Интерес к Вольтеру — существенный элемент их литературной позиции и «Арзамаса» в целом⁷⁰. Об одном из пушкинских ранних переводов из Вольтера в бумагах С.Д.Полторацкого сохранился сочувственный отзыв Вяземского:

«Херасков перевел стансы Волтера к Сидевилу⁷¹. Вот начало:

Если то тебе приятно,
Чтобы я еще любил:
Утро мне отдай обратно,
Мой уж вечер наступил⁷².

Перевод тех-же стихов Пушкина⁷³ ученический опыт, но и тут видно, что ученик — будущий мастер. — Он не внес их в свои сочинения, а уже по смерти его напечатаны они были

в числе лицейских стихотворений⁷⁴ (от Вяземского. С.Петербург, июня 12 — 1845)⁷⁵.

Лицейскому Пушкину, конечно, были известны «арзамасские» эпиграммы и пародии Вяземского, его сатирические зарисовки, дружеские послания⁷⁶. Понятной и близкой была его позиция в литературной борьбе. Встреча Вяземского с Пушкиным 25 марта 1816 г. была встречей единомышленников, что и подчеркивал лицейский поэт в письме своем к «Шолье Андреевичу» от 27 марта, письме, исполненном арзамасского красноречия.

Обращаясь к Вяземскому с просьбой прислать «русские стихи Шапеля и Буало», Пушкин не просто предлагал комплиментарную формулу двух начал поэзии Вяземского, анакреонтического и сатирического, он и демонстрировал знание общеарзамасской его репутации⁷⁷. Обращение «любезный арзамасец», «гроза всех князей на III.» подчеркивают нетерпение ввязаться в литературные бои: «Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу любителей российского слова». Отметим еще, что, прося Вяземского прислать стихи, Пушкин обращается к нему от имени всего лицея: «Утешьте нас своими посланиями — и обещаю вам если не вечное блаженство, то по крайней мере искреннюю благодарность всего лицея» (Акад., т. 13, с. 3).

В стихотворной части послания («Блажен, кто в шуме городском...») обыгрывается отвлеченная мечтательность поэзии Жуковского — и здесь Пушкин знает или предугадывает в Вяземском своего единомышленника. Еще в 1813 г. Вяземский говорил о Жуковском в письме к А.И.Тургеневу: «Нельзя долго жить в мечтательном мире и не надобно забывать, что мы хотя и одарены бессмертною душою, но все-таки немного причастны скотству, а может быть и очень» (ОА, т. 1, с. 14).

И еще один штрих: Пушкин приводит в письме своем стихи из послания Вяземского к Д.В.Давыдову («К партизану-поэту», 1814), в то время еще не напечатанные. Цитирует он, очевидно, по памяти, чем и объясняется некоторая неточность (у Вяземского было «Не все быть могут в равной доле», у Пушкина — «Не всем быть можно...». См.: Вяземский — 1986, с. 75; Акад., т. 13, с. 3).

Отправив это письмо, Пушкин с нетерпением ждал ответа, и дядя Василий Львович в письме от 17 апреля поддерживал эти надежды: «Вяземский тебя любит и писать к тебе будет»

(Акад., т. 13, с. 4). Не знаем, отвечал ли Вяземский — и можно думать, что нет: в письме Пушкина к дяде от 28 [?] декабря 1816 г. читаем о Вяземском: «Шапель Андреевич, конечно / Меня забыл давным-давно [...]» (Акад. т. 13, с. 6). Быть может, забывчивость Вяземского связана с особенною раскованностью пушкинского эпистолярного стиля, которая подчеркивала равенство, игнорируя «разницу лет».

Внешняя сторона отношений Пушкина и Вяземского в 1816—1817 гг. достаточно скромна. После знакомства они, по-видимому, не встречались до 22 мая 1817 г., когда Вяземский вместе с А.Н.Голицыным, П.Я.Убри, Н.М.Карамзиным, А.К.Шторхом присутствовали на экзамене по всеобщей истории (Санктпетербургские ведомости, 1817, № 39). Следующая встреча состоялась спустя несколько дней после экзамена по истории, 26 мая, когда Вяземский вместе с Карамзиным, Чаадаевым и Я.В.Сабуровым навестил Пушкина в день его рождения (см.: Летопись, с. 118). Ведомости состояния Лицея хранят запись еще об одном посещении Вяземским Пушкина — 30 мая; на этот раз он был только с Карамзиным (там же, с. 119). Таким образом, в конце мая 1817 г. Пушкин и Вяземский встречались трижды, но, к сожалению, никаких данных о характере этих бесед не сохранилось. Можно лишь предполагать, что беседы эти были об «Арзамасе», где кипела бурная жизнь и намечались уже разногласия, и, быть может, также о ходе выпускных экзаменов и будущности Пушкина.

Переписка Вяземский доставляла ему некоторые сведения о Пушкине. Так, упоминает о нем в письмах к Вяземскому от 9 июня и 15 октября 1816 г. А.И.Тургенев (ОА, т. 1, с. 47, 89). 2 июня Карамзин сообщает, что Пушкин «остроумен»⁷⁸, 13 июля Е.А.Карамзина пишет, что в день именин и в день рождения Вяземского (29 июня и 12 июля) Пушкин у них пил «от всего сердца» за здоровье Вяземского (Берег, 1880. № 74, с. 17). «Из письма жены историографа к Вяземскому от 13 июля видно, — говорит М.А.Цявловский, — что «маленький Пушкин» тесно вошел в круг лиц, близких к семье Карамзина» (Цявловский, с. 111).

С этого времени, можно предположить, Вяземский в курсе лицейской жизни Пушкина. Во всяком случае, много позднее, защищая его от домыслов М.А.Жорфа, он свидетельствует: «В гусарском полку Пушкин не *пировал* только *нараспашку*, но сблизился и с Чаадаевым, который вовсе не был гулякою; не знаю, что бывало прежде, но со времени переезда в Царское

Село Пушкин бывал у них ежедневно по вечерам, А дружба с Ив.Пушциным?»⁷⁹ Какие-то сведения о Пушкине Вяземский мог получать от С.Г.Ломоносова; по крайней мере, знал отношения его к Пушкину: «Пушкин был не особенно близок к Ломоносову, — может быть, напротив, — писал Вяземский много лет спустя. — Ломоносов и тут был уже консерватором, а Пушкин в Оппозиции против Энгельгардта и много еще кое-кого и кое-чего». (Старина и новизна, кн. XIX, с. 6).

Дошедшие до нас письма к лицейскому Пушкину не содержат известий о Вяземском и вообще упоминаний его имени; единственное исключение — уже упоминавшееся письмо дяди Василия Львовича от 17 апреля 1816 г. Таким образом, все же слишком мало оснований для того, чтобы согласиться с Б.В.Томашевским, который говорил, что «[...] Вяземский держал Пушкина в курсе литературных новостей и заседаний “Арзамаса”» (Томашевский, т. 1, с. 86). Если исследователь предполагал, что были не известные нам письма Вяземского к Пушкину, то мы не имеем этому подтверждения и, кажется, можем думать обратное; если же подразумеваются упоминавшиеся нами выше встречи поэтов, то об их содержании, как уже говорилось, можно только догадываться.

* * *

Выйдя из Лицея и получив желанную возможность заседать в «Арзамасе», Пушкин, однако, не проявил себя деятельным арзамасцем. Довольно скоро насмешки над «окаянной беседой» уступили место живому интересу к направлению «архаистов». Пушкин знакомится и сближается с Катениным и начинает появляться на «чердаке» у Шаховского. В «Арзамасе» же занимает его прежде всего политическое веяние, связанное с именами М.Ф.Орлова и Н.И.Тургенева.

Это была хорошая возможность для сближения с Вяземским, который при всей своей кровной связи со старшими арзамасцами тоже захвачен был новыми политическими течениями и либералистскими настроениями. Из Варшавы он будет хлопотать об издании арзамасским кругом литературно-политического журнала⁸⁰.

Но Пушкин впервые был в заседании «Арзамаса», по-видимому, лишь осенью, между 25 сентября и 5 октября (Летопись, с. 136)⁸¹; Вяземский же еще в конце июня уехал в Москву. Таким образом, вполне возможно, что в арзамасских

заседаниях Вяземский и Пушкин не встретились ни разу; более того, ничего не известно об их встречах в Петербурге летом 1817 г. (они были возможны в период с 11 июня, когда Пушкин уехал из Царского Села в Петербург, до отъезда Вяземского в Москву).

1 сентября Пушкин пишет Вяземскому в Москву и письмо свое начинает, обращаясь к нему на «вы» и церемонно («любезный князь»), заканчивает же обращением на «ты» и надписывает «арзамасский адрес»: «Их высокопреосвященствам Василию Львовичу Вот и Петру Андреевичу Асмодею. В Москве». Быть может, в начале письма речь идет о письме Вяземского к Пушкину, которое должен был доставить — и не доставил — С.Г.Ломоносов: «Если увидите вы Ломоносова то напомните ему письмо которое должен был он мне вручить и которое потерял он у Луи [...]» (Акад., т. 13, с. 8).

Несколько дней спустя, 4 сентября, Пушкин, Батюшков, Жуковский, А.А.Плещеев в Царском Селе обсуждают назначение Вяземского на службу в канцелярию Н.Н.Новосильцова в Варшаву и сочиняют экспромт: «Кн. П.А.Вяземскому»:

Зачем, забывши славу,
Пускаешься в Варшаву?
Ужель ты изменил
Любви и дружбе нежной,
И резвости небрежной?
Но ты все так же мил...
Все мил — и неизменно
В душе твоей живет
Все то, что в цвете лет
Столь было нам бесценно... (Акад., т. 2, с. 480).

Первые два стиха здесь Батюшкова, три последующие — Пушкина, затем один стих Плещеева, прочие — Жуковского.

2 октября А.И.Тургенев читает арзамасцам «Прощание с халатом» Вяземского, а в новом, 1818 году, Жуковский напишет:

[...] Асмодей, распростившись с халатом свободы,
Лезет в польское платье, поет мазурку и учит
Польскую азбуку [...]
(Арзамас и арзамасские протоколы, с. 240—241).

Глава IV.

В Варшаве и в Петербурге

Письма к Вяземскому о Пушкине. — «Преображенский приятель». — «Вольность» и «Негодование». — «Руслан и Людмила»

В феврале 1818 г. Вяземский отправляется на службу в Варшаву и оттуда 15 марта пишет к А.Я.Булгакову: «В Варшаве телом я, а духом я в Москве» (РГАЛИ, ф. 79, оп. 1, ед.хр. 31, л. 6). Первое время он особенно скучает по Москве, и тем большее значение имеет для него переписка. А.Я.Булгаков держит его в курсе московской жизни, А.И.Тургенев — петербургской. И в первую очередь из писем Эоловой Арфы получает Вяземский сведения о Пушкине.

В середине июля 1818 г. Тургенев сообщал: «Сейчас возвратился из Петергофа, где провел время с Карамзиным, Жуковским и Пушкиным, следовательно, приятно. Посылаю тебе письмо их⁸² [...]» (ОА, т. 1, с. 108). В письме от 23 июля читаем: «Жуковского и Пушкина (поэта) вижу ежедневно [...]» (там же, с. 110). Имя Жуковского будет все чаще встречаться в письмах Тургенева в непосредственном соседстве с именем Пушкина; 1818—1820 гг. — период весьма тесного их общения. 17 апреля 1818 г. Жуковский отправил к Вяземскому письмо с текстом пушкинского стихотворения «Когда младым воображеньем» и отзывом: «Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром как привидение! (РА, 1896, № 10, с. 207). 25 апреля Вяземский отвечал — и восхищался этим посланием (Берег, 1880. № 74. с. 27—28). Прочтет стихотворение и Д.В.Давыдов, сдержанный отзыв которого находим в письме его к Вяземскому от 2 июня того же года⁸³.

Характерно, что, уточняя, какого Пушкина он имеет в виду, Тургенев говорит: «поэта». Василий Львович, «грозный Вот», уже не соперник своему племяннику, и Вяземский сказал

об этом еще в письме своем 1815 г. о «Воспоминаниях в Царском Селе».

Из письма Тургенева от 7 августа узнаем, что Пушкин помнит некоторые стихи Вяземского наизусть: «Стихи твои отыщу, или Пушкин наизусть напишет их» (ОА, т. 1, с. 113).

В письме Тургенева от 23 августа встречаем имена Пушкина и Жуковского: «Жуковский здесь, весь изленился; Пушкин — также, и исшалился» (ОА, т. 1, с. 117). Рифма, возможно, как-то дополнительно связывает «лень» Светланы и «шалости» Сверчка. Общение их видится Тургеневу не то чтобы слишком в радужном свете: «Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал; целый день делает визиты б—, мне и княгине Голицыной, а ввечеру играет в банк; вот что дружба говорит вслух также одной дружбе и просит ее помощи против лени друзей и преступной праздности гения»⁸⁴. Тургенев, впрочем, и сам пытается действовать: «Третьего дня, — читаем далее, — ездил я к животворящему источнику, то есть к Карамзиным в Царское Село. Там долго и сильно доносил я на Пушкина. Долго спорили меня, и он возвращался, хотя тронутый, но вряд ли исправленный» (там же). Н.Я.Эйдельман предполагает, что «подобные же сетования были в письме А.И.Тургенева к Батюшкову; Батюшков же из Москвы отвечал (10 сентября 1818 г.) «в карамзинском духе»⁸⁵. В письме Тургенева от 18 сентября опять упоминаются Жуковский и Пушкин: «Жуковский и Пушкин вчера были в Царском Селе» (ОА, т. 1, с. 122). Отношения Пушкина с Карамзиным развиваются; Царское Село притягивает постоянно. 25 сентября Тургенев пишет: «В воскресенье Жуковский, Пушкин, брат (Н.И.Тургенев. — Д.И.) и я ездили пить чай в Царское Село, и историограф прочел нам прекрасную речь, которую написал он для торжественного собрания Русской Академии, по поручению корешковского ее президента» (ОА, т. 1, с. 126)⁸⁶. В это время благосклоннее к Пушкину И.И.Дмитриев, обыкновенно весьма сдержанный: «Скажите также искреннюю благодарность мою, — писал он 18 сентября к А.И.Тургеневу, — и молодому Пушкину; я и по заочности люблю его, как прекрасный цветок поэзии, который долго не побледнеет»⁸⁷. Речь идет о пушкинской эпиграмме на Каченовского, в которой цитировался Дмитриев, чем в первую очередь объясняется его любезность⁸⁸.

30 сентября Карамзин пишет Вяземскому, что собирается переехать из Царского в Петербург и «пить чай с Тургеневым,

Жуковским, Пушкиным»⁸⁹. Впрочем, Н.Я.Эйдельман, процитировав эти строки, замечает: «30 сентября 1818 г. — по-видимому, последний известный нам безоблачный день в отношениях историографа и поэта» (Эйдельман, с. 292).

25 октября Вяземский, заинтересовавшийся, конечно, известием о речи Карамзина, помещает ее в балагурный список требуемого от Арфы⁹⁰: «Что ты мне не присылаешь: 1) чина; 2) “Речи” Карамзина [...], 12) Жуковского девственности [...]» (ОА, т. 1, с. 135). Относительно последней в ответном письме от 6 ноября Тургенев констатирует: «Жуковского девственность (“Орлеанская дева”. — Д.И.) в распоряжении Пушкина, а не моем» (ОА, т. 1, с. 139).

А между тем 19 ноября провожают Батюшкова в Италию: «Горевали, пили, смеялись, спорили, горячились, готовы были плакать и опять пили», — пишет Тургенев в Варшаву на следующий день (ОА, т. 1, с. 150). На проводы в Царское Село из Петербурга прибыли помимо Тургенева Пушкин и Жуковский (в письме Тургенева их имена по-прежнему рядом), Гнедич и другие (Летопись, с. 165). «Пушкин, — читал далее Вяземский, — написал impromptu, которого сказать нельзя, и в девять вечера усадили своего милого вояжера и с чувством долгой разлуки обняли его и надолго простились» (там же). Экспромт этот до нас не дошел; Тургенев «по государственным причинам» (так обозначил Вяземский мудрую осторожность Золовой Арфы в письме к Жуковскому в марте 1821 г.) не снизошел к просьбе Вяземского «прислать “Прощание” Пушкина», содержащейся в письме от 1 декабря (ОА, т. 1, с. 158).

3 декабря Тургенев пишет к А.Я.Булгакову в Москву⁹¹ и к Вяземскому в Варшаву о «Руслане и Людмиле»; Вяземского подзадоривает: «Пушкин уже на четвертой песне своей поэмы, которая будет иметь всего шесть. То ли дело, как двадцать лет ему стукнет! Эй, старички, не плошайте!» (ОА, т.1, с. 160). О «Руслане» сообщал Вяземскому и Батюшков в письме от 9 мая.

В этом же письме Тургенева речь идет о «ночной княгине», Е.И.Голицыной: «Княгине Авдотье Ивановне читал твои о ней строки, и ей это приятно было. Она благородная и, когда не на треножнике, а просто на стуле — умная женщина [...]. Жаль, что Пушкин уже не влюблен в нее, а то бы он передал ее потомству в поэтическом свете, который и для нас был бы очарователен, особенно в некотором отдалении во времени»

(ОА, т. 1, с. 159—160). Голицыной увлекались и Вяземский, и Тургенев. Пушкин познакомился с ней у Карамзиных и «смертельно влюбился» в нее, по выражению историографа, известившего о том Вяземского⁹². Упоминание о треножнике указывало на слова Карамзина, который Голицыну «[...] не любил за безапелляционность суждений и называл “пифией”»⁹³. Пушкин же еще в прошлом, 1817 г., посвятил ей стихотворение «Краев чужих неопытный любитель», в котором почти всерьез заявлял: «Отечество почти я ненавидел — / Но я вчера Голицыну увидел / И примирен с отечеством моим» (Акад., т. 2, с. 43). Известно и другое стихотворение Пушкина, посвященное «ночной княгине», «Простой воспитанник природы...», приложенное к списку посланной ей оды «Вольность» (там же, с. 56)⁹⁴. Вяземский позднее напишет: «Пушкин, в медовые месяцы вступления своего в свет, был маленько приворожен ею (кн. Голицыной). Надолго ли, неизвестно, но, во всяком случае, неправдоподобно»; впрочем, и напомнит и отзыв княгини об «Истории» Карамзина, приведенный Пушкиным в «Отрывках из писем, мыслей и замечаний» (Вацуро, Гиллельсон — 1986, с. 35—36)⁹⁵.

Вяземский между тем занят своим «Петербургом». Еще в Кракове 7/19 августа он начерно набрасывает текст стихотворения (Записные книжки, с. 99—102), а 24 августа пишет о нем Тургеневу: «[...] так Сибирью на меня и несет» (ОА, т. 1, с. 116)⁹⁶. Через месяц, доработав текст, он посылает его Жуковскому, рассчитывая на благосклонность. Жуковский стихи разносит; огорченный Вяземский сообщает об этом Тургеневу 23 ноября, не называя прямо Жуковского: «Я и назвать его не имею духа» (ОА, т. 1, с. 153), а в письме от 3 декабря просит: «Закажи Сверчку пропищать мне то, что он о моих стихах думает» (там же, с. 161). Вяземский, как видно из письма, по-прежнему растерян, разочарован реакцией Жуковского и теряется в догадках: «Скажи правду; неужели все его замечания справедливы, и своим или арзамасским был он отголоском? [...] по совести ли он так рассудил меня или против совести, как против шерсти». По получении письма Тургенев незамедлительно, 18 декабря, отвечает: «Сверчок прыгает по бульвару и по — —. До того ли ему, чтобы писать замечания на чужие стихи: он и свои едва писать успевает» (ОА, т. 1, с. 174). Таким образом, либо Пушкин отговорился, либо Тургенев к нему не обратился. Возможно и другое: Пушкин уже знал стихи Вяземского от Жуковского, с которым виделся

в это время постоянно, и высказался сходным с ним образом; Тургенев же счел необязательным пересказывать его отзыв. Почти через год (в августе 1819 г.) Вяземский будет прераба- тывать «Петербург» (ОА, т. 1, с. 277—278). В 1824 г. стихотворение с цензурными изъятиями появится в «Полярной звезде»⁹⁷.

«Петербург» — одна из первых реплик в том диалоге о Петербурге, Петре I, который позже будет продолжен Пушкиным, Вяземскому и Мицкевичем у памятника на площади Сената, отразится в «Медном Всаднике» и будет завершен, опять-таки Вяземским, в его статье «Мицкевич о Пушкине» в 1873 г. В «Петербургской повести» Пушкин упомянет другое стихотворение Вяземского, но и «Петербург» войдет в литера- турный фон поэмы. В этом отношении показательна не только близость ряда мотивов, но и само указание на возможность оживания статуи, перехода от изваяния к жизни и обратно: «Се Петр, еще живой в меди красноречивой!» (Вяземский — 1986, с. 118).

А пока что в том же письме А.И.Тургенева следует очередное известие о «Руслане и Людмиле»: «Но при всем беспутном образе жизни его, он кончает четвертую песнь поэмы. Если бы еще две или три —, так и дело в шляпе. Первая — болезнь была и первую кормилицю его поэмы» (ОА, т. 1, с. 174). Шуточное пожелание неожиданно сбывается, и в письме Тургенева от 12 февраля следующего, 1819 Г. читаем: «Пушкин слег: старое пристало к новому и пришлось ему опять за поэму приниматься. Буду навещать его» (ОА, т. 2, с. 191).

Это писалось вслед Вяземскому: в конце января он ненадолго появился в Петербурге, возвращаясь в Варшаву из Москвы, куда отправился 14/26 декабря 1818 г. и где оставался до 21 января 1819 г. Поездка эта была связана со стремлением Вяземского удалиться со службы у Новосильцова, где «[...] многое мне невтерпеж», как писал он Тургеневу 13 декабря, накануне отъезда (ОА, т. 1, с. 171). Но недолгое пребывание в Москве заставило Вяземского изменить свое намерение: «В Варшаве я живу с отоматами, а здесь дикие звери, то есть кабаны, то есть дикие свиньи. Нет, лучше скучать, чем содрогать», — читаем в письме Тургеневу уже 26 декабря (ОА, т. 1, с. 181). В Петербурге Вяземский встречался с Пушкиным; читались новые стихи, обсуждались политические происшеств- вия. 14 февраля о Пушкине расспрашивал Вяземского поза- бытый племянником Василий Львович, пронизательно замечая:

«Я уверен, что ты с ним бывал не редко» (Летопись, с.175). Но мы не имеем сведений об этих встречах⁹⁸.

Итак, Пушкин болен и пишет поэму; 19 февраля Тургенев сообщает Вяземскому: «Пушкина не видал еще, но он должен быть неприступен» (ОА, т. 1, с. 193). Вяземский 1 марта отзывается о болезни Пушкина иронически, в заданном Тургеневым ключе: «Мой поклон [...] Пушкину, зависящему от фрянок» (ОА, т. 1, с. 198). Впрочем, неделей ранее, 22 февраля, признавался, что завидует Пушкину, которого болезнь «пригвоздила к постели и к поэме» (ОА, т. 1, с. 193). А 5 марта Тургенев сообщает в Варшаву не только, что «Пушкин уже на ногах [...]», но и то, что он собирается «в военную службу» (там же, с. 200). Этот совершенно неожиданный для Тургенева проект на некоторое время совершенно овладевает Пушкиным; 11 марта у Голицыной Александр Иванович слышит уже подробности, которые на следующий день пересказывает в письме к Вяземскому: «Он (Пушкин. — Д.И.) не в шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною. Я имею надежду отправить его в чужие края, но он уже и слышать не хочет о мирной службе» (там же, с. 202). Вяземский, кажется, понял Пушкина лучше, чем Тургенев, и писал ему 24 марта: «Я думаю, что он ни хорошо, ни худо не делает, вступая в военную службу. Ему нужно волнение и сотрясение: пускай трясет он себя! По крайней мере фрянок не будет» (там же, с. 206). Впрочем, в этом письме ничто не напоминает искреннее волнение Тургенева; Вяземский отвечает едва ли не отчужденно.

На вечере у Голицыной 11 марта Пушкин читал свой «Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елизаветы Алексеевны», вскоре напечатанный в «Соревнователе»⁹⁹. Об этих стихах Тургенев упоминает в письме от 12 марта; Вяземский заинтересовывается и просит: «Пришли Пушкина стихи» (ОА, т. 1, с. 206, 24 марта). Так начинаются постоянные в дальнейшей переписке Вяземского и Тургенева взаимные просьбы переслать то или иное сочинение «молодого Пушкина». 2 апреля в письме к Вяземскому Тургенев, недавно произведенный в камергеры, приводит начало пушкинского послания: «Пушкин начал послание: В себе все блага заключая, / Ты, наконец, к ключам от рая / Привесишь камергерский ключ» (там же, с. 210). Тургенев доволен вниманием. «Ключи от рая» указывали, конечно, на деятельность его в Библейском обществе.

История общения Пушкина с А.И.Тургеневым будет необыкновенно насыщенной. Именно Тургенев станет в 1836 г. ближайшим собеседником Пушкина. А пока что он обрушивается на Вяземского в письме от 7 мая: «Сравнение твое и безбожно, и хуже этого, и в роде молодого Пушкина» (там же, с. 28). Речь идет об и впрямь не слишком изящном высказывании Вяземского в письме к Тургеневу от 1 мая: «Жуковский счастливый — то же, что изображение на кресте Спасителя с румянцем во всю щеку, с трипогибельным подбородком и с куском кулебяки во рту» (там же, с. 228). Реакция Тургенева уточняет его отношение к письменным и устным пушкинским шалостям. «Странное сближение» Вяземского с Пушкиным в этом плане в чем-то симптоматично¹⁰⁰.

В это время в Москву доходят слухи о стихотворении Вяземского «Послание к Ивану Ивановичу Дмитриеву, пришедшему мне свои сочинения». 19 мая Дмитриев пишет в Петербург к Тургеневу: «Нетерпеливо желаю узнать последнее произведение оригинального и истинного поэта Вяземского, которого, конечно, не затмит и молодой Пушкин, хотя бы талант его и достиг до полной зрелости»¹⁰¹. 1 октября, впрочем, Тургенев отошлет Вяземскому уже несколько иной отзыв Дмитриева: «Жаль, что не надеюсь дожить до полной зрелости его таланта (Вяземского. — Д.И.), равно как и молодого Пушкина. На мою долю выпал дядя, а потомству племянник» (ОА, т. 1, с. 320).

Первый из этих отзывов Тургенев приводит в письме к Вяземскому 27 мая (там же, с. 243). Вяземский в это время сам озабочен сбором дани для Ивана Ивановича и собирается к нему писать. Не получив еще письма Тургенева, 30 мая он пишет к нему: «Сделай одолжение, пришли мне скорее мои стихи со своими замечаниями, братниными и другими, какие найдутся. У меня не осталось списка, а пора отослать к Ивану Ивановичу. Хорошо, если бы отобрать какие-нибудь приговоры и Карамзина, да племянника-Пушкина! (там же, с. 245).

Пушкину до всего этого дела, кажется, нет. Он занят жизнью, что и засвидетельствует вскоре в стихотворении «27 мая 1819 года». Но доходят о нем в Варшаву и известия неожиданные; забытый племянником, Василий Львович 23 апреля с грустью писал к Вяземскому из Москвы: «Шаховской все еще в Москве. Он мне сказывал, что племянник мой у него бывает почти ежедневно. Я не отвечал ни слова, а только вздохнул» (Летопись, с. 179)¹⁰².

Вскоре Пушкин опять заболевает, и 18 июня Тургенев сообщает Вяземскому: «Поэт Пушкин очень болен. Он простудился, дожидаясь у дверей одной — —, которая не пускала его в дождь к себе, для того, чтобы не заразить его своею болезнью» (ОА, т. 1, с. 253). 25 июля помимо Тургенева, который сообщает Вяземскому, что «Пушкину легче, но был опасно болен» (там же, с. 256), в Варшаву пишет и «Пушкин-подагрик», Василий Львович: «Пожалей о нашем поэте Пушкине. Он болен злою горячкою. Брат мой в отчаянии, и я чрезвычайно огорчен такою печальною вестью. Тургенев пишет вчера, что ему немного лучше, но что опасность еще не миновалась» (Летопись, с. 182). 1 июня известия уже утешительные. Тургенев пишет: «Пушкин выздоравливает» (ОА, т. 1, с. 260).

16 июля речь вновь идет о делах литературных: «Пришлю тебе, — говорит Тургенев, — два послания Пушкина¹⁰³, уехавшего к отцу в деревню, и твоего “Вольтера”, если выручу его из цензуры» (ОА, т. 1, с. 267). 27 июля об отъезде Пушкина писал Вяземскому и Василий Львович: «Наш поэт Пушкин выздоровел и отправился в Белоруссию, очиститься в деревне от городских грехов» (Летопись, с. 185). 13 августа Александр Иванович вспоминает свое обещание, но не помнит, выполнил ли его, и пишет к Вяземскому: «Прислал ли я тебе послание Пушкина Орлову, Энгельгардту¹⁰⁴ и Щербинину? Уведомь. Если нет, то пришлю два первых» (ОА, т. 1, с. 288). Тургенев переспрашивал не напрасно, он ничего в Варшаву не посылал — и, отвечая ему в конце августа, Вяземский с энтузиазмом замечает: «Ты мне Пушкина стихов не посылал: давай!» (там же, с. 298). И Тургенев, и Вяземский, конечно, живейшим образом интересуются всем, что выходит из-под пера молодого Пушкина. Любопытно в этом отношении письмо Вяземского к Александру Ивановичу от 1 августа, в котором читаем: «Сделай милость, пришли мне скорее новые стихи Жуковского: я так давно не ел русской поэзии. А где кушанье готовит не Жуковский, не Батюшков, не молодой Пушкин, не Воейков — там у нас есть нечего: все прочее — дощечки сухого бульона; сочная живность только у них водится» (там же, с. 277). О Пушкине показательно; в живом литературном движении, по мысли Вяземского, он третий.

Пушкин в это время в Михайловском, где мечтает вернуться в круг «Зеленой лампы» и пишет «Деревню». Через десять дней он возвращается в Петербург, и Тургенев пишет в

Варшаву: «[...] явился [...] Пушкин из деревни и с шестою песнью. Здесь я его еще не видал, а там (в Царском Селе. — Д.И.), как бес мелькнул, хотел возвратиться со мною и исчез в темноте ночи, как привидение» (там же, с. 293). С возвращением Пушкина Тургенев вновь в курсе его литературных занятий, получает список только что написанной «Деревни» и 26 августа уже спрашивает Вяземского: «Прислал ли я тебе “Деревню” Пушкина?» (там же, с. 296). Рассказывает Тургенев и о других пушкинских произведениях: «Дорогой из Царского Села в Павловск писал он послание о Жуковском к павловским фрейлинам, но еще не кончил. Что из этой головы лезет! Он читал нам пятую песнь своей поэмы, в деревне сочиненную. Здесь возобновил он прежний род поэзии» (там же, с. 296; речь идет, конечно, о поэме «Руслан и Людмила»).

1 сентября Александр Иванович в присутствии Пушкина читает у княгини Голицыной «Сибирякова» Вяземского, о чем на следующий день и сообщает в Варшаву: «Вчера читал я княгине Голицыной стихи твои и был свидетелем Пушкина восхищения и ее одобрения»¹⁰⁵. Далее следует разбор стихотворения; Тургенев делает ряд замечаний, часть из которых, возможно, навеяно обсуждением в салоне «ночной княгини». Никаких, впрочем, указаний на это в письме нет. Тургенев замечает, что «есть шероховатости и неприличные выражения, но вкус Жуковского лучше укажет их. Я обращаю его внимание на некоторые». Из письма видно, что послание Вяземского известно и Н.И.Тургеневу, у которого оно также получило совершенное признание. Есть в письме и еще одно упоминание о реакции Пушкина: «Пушкин бесится, что ты отнял у него такой богатый сюжет, а я этому рад; ибо он пересолил бы самое негодование» (ОА, т. 1, с. 304). Это замечание весьма важно, так как оно указывает на восприятие политических установок Вяземского и Пушкина одним из наиболее близких к ним людей, многолетним другом Вяземского; отметим, что позиция Пушкина оценивается как безусловно более радикальная.

4 октября, через месяц, Вяземский вновь просит стихов Пушкина; его интерес к творчеству «племянника» нарастает: «Сделай милость, скажи племяннику, чтобы он дал мне какого-то своего “Монаха” и “Вокруг я Стурдзы хожу», и все, что есть нового» (ОА, т. 1, с. 323). Пушкин откликается незамедлительно, и уже 22 октября Тургенев сообщает: «Пушкин переписал для тебя стансы на С[турдзу], но я боюсь и за

него, и за тебя посылать их к тебе» (ОА, т. 1, с. 335; Летопись, с. 192, 749; Цявловский, с. 77). Вяземский 1 ноября отвечает: «Присылай же мне песню Пушкина. Что ты за трусишка такой? “Смелым бог владеет”. Я никого и ничего не боюсь; совесть — вот мое право. Пускай у стен не только уши, но и глаза, но и рот будет: я все-таки стану бить в нее горохом» (ОА, т. 1, с. 342—343);

В письме к Тургеневу от 11 октября Вяземский впервые упоминает имя Байрона в связи с Пушкиным: «Без сомнения, — пишет он, — если решусь когда-нибудь чему учиться, то примусь за английский язык единственно для Байрона [...] Племянник читает ли по-английски? Кто в России читает по-английски и пишет по-русски? Давайте мне его сюда! Я за каждый стих Байрона заплачу ему жизнью своею» (ОА, т. 1, с. 326). При письме к Тургеневу от 17 ноября Вяземский пересылает отрывки прозаического перевода четвертой песни «Чайльд-Гарольда» (там же, с. 330). Как видим, Вяземский раньше Пушкина увлекается Байроном, и это тем более любопытно, что, в отличие от автора «Кавказского пленника», он практически не испытал воздействия байроновской формы.

12 ноября Тургенев сообщает в Варшаву, что «[...] беснующийся Пушкин печатает уже свои мелочи, как уверяют меня книгопродавцы» (ОА, т. 1, с. 350)¹⁰⁶. Из этого же письма Вяземский узнал об очередной влюбленности Пушкина, на этот раз — в билетершу зверища. 22 ноября Вяземский, отвечая Тургеневу, передавал привет пушкинской билетерше и сообщал о «сопернике» Пушкина, «одном льве», который был «влюблен в нее» (там же, с. 358). 10 октября Тургенев сообщает, что «сказывал ему (Пушкину. — Д.И.) о его сопернике. Он (но не соперник, а Пушкин) написал послание [...]», то есть стихотворение «Платоническая любовь». Тургенев, по-видимому, связывает факт написания стихотворения со своим пересказом Пушкину письма Вяземского; в тексте «Платонической любви» это, однако, никак не выражено. Во всяком случае, Вяземский, конечно, заинтересован и в письме к Александру Ивановичу от 19 декабря просит переслать ему текст стихотворения (там же, с. 380), и наконец, более чем через месяц, 28 января следующего, 1829 г., Тургенев высылает стихи (ОА, т. 2, с. 11). Вяземский отвечает уже 6 февраля: «Стихи Пушкина — прелесты!» (там же, с. 14); в письме же своем к Пушкину и А.И.Тургеневу от 19 и 20 февраля благодарит автора: «[...] желаю тебе доброй ночи, обнявши

наперед от всего сердца и поблагодарив за Лидиньку», — и заключает письмо: «Присылай еще, что есть» (Акад., т. 13, с. 13).

Все это письмо — за исключением двух приведенных только что заключительных фраз — о Катенине, обратившем особенное внимание на следующую фразу из статьи Вяземского «О жизни и сочинениях В.А.Озерова», увидевшей свет еще в 1816 г.: «В Поликсене взята обильная дань с “Илиады”, и в этом смысле можно, по выражению Эсхила, назвать ее барельефом пиршеств Гомера»¹⁰⁷. Вяземский сознается в неточном переводе слова «reliefs», но и оправдывается, ссылаясь на Брюмоа (Акад., т. 13, с. 12). Далее в письме речь идет об Аристофане, то есть, конечно, о Шаховском, которого защищал в это время Катенин на страницах «Сына Отечества» статьями «Письмо к издателю» и «Ответ на замечания господина Р.З.»¹⁰⁸ Пятый номер журнала с «Ответом...» увидел свет 31 января, и Вяземский уже имел возможность обыгрывать начало его, намекая на возможность собственного участия в полемике: «Это все могло бы раскормить немного “Сына отечества”, но я не хочу, чтобы не только Москва, но и Варшава разгорелась от сальной свечки [...]» (Акад., т. 13, с. 13)¹⁰⁹. Около (не позднее) 21 апреля Пушкин отвечает — и из этого ответа видно, что он вовсе не намерен принимать сторону Вяземского. Черновик письма начинался следующим образом: «Радуюсь, милый Вяземской, что преображенной мой приятель подал мне случай придраться к переписке. Ты сделал остроумную ошибку. NN — темное, тупое и справедливое замечание» (Акад., т. 13, с. 365). В беловике этих строк нет — надо думать, ошибка не казалась Пушкину слишком остроумной, а справедливому замечанию затруднительно было казаться темным и тупым. Впрочем, полемики печатной он не хочет: «Желательно, чтоб дело на этом остановилось — он кажется боится твоей сатирической палицы [...]». Это — прямой ответ на предложение о возможности «раскормить» «Сын Отечества»; впрочем, тут же оказывается, что «сатирическая палица» бьет и невпопад: «[...] твои первые четыре стиха на счет его в послании к Дмитриеву — прекрасны; остальные, нужные для пояснения личности, слабы и холодны — и, дружба в сторону, Катенин стоит что-нибудь получше и позлее» (там же, с. 12—13).

30 мая Вяземский пишет к Пушкину, говорит о его поэме и потом вновь о Катенине, расточая остроги и предлагая

переменить разговор: «Ну полно ли? Уговор лучше денег: если ответ твой на мой ответ будет ответом на мой ответ, то не иметь тебе от меня ни ответа, ни привета» (там же, с. 16). Быть может, эти строки и привели к паузе в переписке, которая возобновится лишь в 1822 г.; Пушкин не отступался от Катенина — и тем более, что, как известно, не разделял общий взгляд Вяземского на значение творчества Озерова¹¹⁰.

Между тем над головой Пушкина собираются тучи. В середине апреля он просит заступничества у Карамзина; последний 17 мая напишет Вяземскому: «Пушкин, быв несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на свободу и некоторых эпиграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехать в Крым месяцев на пять. Ему дали рублей 1000 на дорогу. Он был, кажется, тронут великодушием государя, действительно трогательным. Долго описывать подробности, но если Пушкин и теперь не исправится, то будет чертом еще до отбытия своего в ад. Увидим, какой эпилог напишет он к своей поэмке»¹¹¹. Сообщает Вяземскому об участии Пушкина и А.И.Тургенев — 28 апреля (Пушкин « [...] едет в Крым», с ним «[...] поступлено по-царски в хорошем смысле этого слова») и 5 мая («Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется курьером к Инзову и останется при нем»)¹¹².

* * *

Как видим, Вяземский был достаточно хорошо осведомлен о петербургской жизни Пушкина. Отметим еще, что именно в эти годы последний начинает восприниматься Вяземским в качестве возможного соратника в литературной борьбе. Еще 31 августа 1818 г. Вяземский писал к Тургеневу: «Скажи поэту Пушкину, что ему непременно должно высечь мстительным стихом мерзавца Каченовского» (ОА, т. 1, с. 118—119), нападавшего на Карамзина. 18 сентября Тургенев отвечает, что Пушкин давно уже «плюнул» эпиграммой на Каченовского и посылает текст ее¹¹³. 13 октября того же 1818 г. Вяземский посылает Тургеневу эпиграмму свою на П.П.Свиньина, напечатанного в «Сыне Отечества» хвалебные стихи о Грузине (имении Аракчеева) и замечает, что Пушкин «при каждом подобном бесчинстве должен крикнуть эпиграмму» (ОА, т. 1, с. 130).

Конечно, обнаруживается и близость политических воззрений. Исследователи справедливо усматривают воздействие сатирического ноэля Вяземского «Спасителя рождением» на политический ноэль Пушкина «Сказки» (Гиллельсон, с. 263—264). Сближались эти тексты и в сознании современников, о чем свидетельствуют некоторые эпизоды их бытования. Существует список, выполненный А.П.Елагиной и неустановленным лицом в 1820-е гг., в котором вслед за «Святками» Вяземского помещен текст пушкинских «Сказок» (ОР РГБ, ф. 99, карт. 23, ед. хр. 12, л. 1—4). Вместе с тем не будем упускать из виду и то обстоятельство, что Пушкин демонстрировал предельный радикализм, предельное вольномыслие; Вяземский едва ли мог в 1818 г. аплодировать его «Сказкам». Сам он писал из Варшавы 1 апреля 1818 г. к А.Я.Булгакову о речи Александра I на Сейме так: «[...] Вы читали речь Государя. Что сказали, или что проворчали об этой речи Ваши бригадирския пузы? Я думаю, глас трубы страшного суда не более испугал бы их» (РГАЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 31, л. 8 об.).

Некоторый материал для характеристики политических воззрений Вяземского и Пушкина дает сопоставление «Вольности» и «Негодования».

* * *

Принято отмечать значение этих стихотворений в творчестве двух поэтов. Однако неизбежно возникающий вопрос о характере восприятия Пушкиным «Негодования» и Вяземским «Вольности», за отсутствием прямых свидетельств, не может быть разрешен исчерпывающим образом.

При первой публикации в полном собрании сочинений Вяземского (т. 3, с. 164) стихотворение его было датировано 1818 г. Основания этой датировки нам неизвестны; однако авторитетность ее определяется тем, что в подготовке издания непосредственное участие принимал сын Вяземского, Павел Петрович¹¹⁴. Впоследствии В.С.Нечаева изменила датировку, ссылаясь на упоминания «Негодования» в переписке Вяземского с А.И.Тургеневым, на 1820 г. (ОА, т. 2, с. 102; Вяземский — 1935, с. 443), М.И.Гиллельсон (Вяземский — 1982, т. 1, с. 115), К.А.Кумпан (Вяземский — 1986, с. 473). Впрочем, еще Ю.М.Лотман и И.А.Паперно отметили, что «[...] переписка Вяземского с Тургеневым. — Д.И.) фиксирует лишь дату

окончательного завершения работы над текстом, видимо, весьма длительной. Вполне можно допустить, что первая часть стихотворения Вяземского была написана раньше этого срока и могла им читаться близким друзьям. В этом случае то, что французский текст¹¹⁵ охватывает лишь первую половину стихотворения, может получить новое объяснение»¹¹⁶. Таким образом, вполне возможно, что именно поездка Вяземского в Москву и Петербург в конце 1818—начале 1819 г., когда он переменял намерение свое проситься в отставку, решив, что лучше скучать в Варшаве, чем содрогаться в Москве (см. выше), послужила внешним толчком к созданию стихотворения.

Задолго до завершения Вяземским работы над его текстом (то есть до первой половины 10-х чисел ноября 1820 г.) ему был известен текст пушкинской оды: уже 5 августа 1819 г. А.И.Тургенев пишет к Вяземскому и говорит о ней как о произведении, ему известном (ОА, т. 1, с. 280).

Время ознакомления Вяземского с одой Пушкина помогает, кажется, уточнить неожиданное замечание Ю.Г.Оксмана, обратившего внимание на стихи из «Негодования», в которых подразумевается «Петербург» («Свобода! Пылким вдохновеньем, / Я первый русским песнопеньем / Тебя приветствовать дерзал»), начерно набросанный Вяземским в Кракове 7/19 августа 1818 г. (Записные книжки, с. 99, 401). «Это автопризнание одного из ближайших друзей и единомышленников молодого Пушкина не могло бы, конечно, иметь места, — писал Оксман, — если бы “Вольность” Пушкина написана была не в 1819, а в 1817 г.»¹¹⁷. В 1962 г. Ю.Г.Оксману ответила Т.Г.Цявловская: «Этот аргумент не может быть признан безусловным, потому что Вяземский мог не знать, когда написана пушкинская “Вольность”: с октября 1817 г. по конец января 1819 г. Вяземский Пушкина не видел (Вяземского не было в Петербурге), а встретившись, поэты вряд ли устанавливали приоритет темы “свободы” в своей поэзии» (Цявловский, с. 70). Отсюда как будто следует, что Вяземский прочел «Вольность», не зная времени ее написания, после создания первого варианта своего стихотворения «Петербург», то есть, скорее всего, во время встреч с Пушкиным в последнюю неделю января — первую неделю февраля 1819 г. в Петербурге.

Когда прочел «Негодование» Пушкин? На этот вопрос ответить едва ли возможно, так как если усилиями М.Я.Цяв-

ловского выяснено было время создания «Вольности» (последние числа ноября — декабрь 1817 г.; См.: Цявловский, с. 81), то мы не знаем точно времени начала работы Вяземского над своим стихотворением и не представляем сколько-нибудь полно последовательность работы его над текстом.

Какие-либо высказывания Пушкина о «Негодовании» и Вяземского о «Вольности» отсутствуют, за исключением поздних помет последнего на полях «Стихотворений А.С.Пушкина, не вошедших в последнее собрание его сочинений» (2-е изд. Берлин, 1870), опубликованных Н.П.Барсуковым.

Против стиха «Хочу воспеть я вольность мира» Вяземский написал: «Кажется, лучше было бы сказать: Хочу воспеть свободу миру». Именно так и было у Пушкина; надо думать, Вяземский подсознательно помнил текст, когда-то ему хорошо известный. Против стихов «Открой мне благородный след / Того возвышенного Галла» написано: «Позднее Пушкин не написал бы этих двух Херасковских стихов». Против стиха «Ты ужас мира, стыд природы» — «Пустые слова». Наконец, к стихам «Когда на мрачную Неву / Звезда полуночи сияет» и дальнейшим до конца строфы сделано примечание: «Едва ли не лучшая строфа. Тут Пушкин был дома, живописец слова... За исключением некоторых сильных и счастливых стихов остальное довольно слабо»¹¹⁸.

Нет оснований преувеличивать возможное воздействие «Вольности» Пушкина на «Негодование» Вяземского. Ю.М.Лотман и И.А.Паперно отметили, что «стихотворение Вяземского во многом параллельно оде “Вольность”» (Лотман, Паперно, с. 130). Этот вывод подтверждает, кажется, лишь известная общность зачинов двух стихотворений, демонстрирующих разрыв с традициями легкой поэзии. Можно указать еще на известную близость стилистики. Принято говорить, например, об ориентации Пушкина — автора «Вольности» на некоторые стихотворения Державина¹¹⁹, есть следы державинского влияния и в «Негодовании»¹²⁰. Более того, и «Вольность», и «Негодование», отражая один и тот же процесс трансформации традиционных жанров, строились на взаимодействии одической и элегической поэтики. При этом, заметим, если Пушкин вводил элементы элегической поэтики в оду, то Вяземский, наоборот, усложнял «одизмами» стиль элегии.

Столь же важно, что в этих стихотворениях отразилась одна и та же политическая концепция, основанная на идее конституционной монархии.

Впрочем, исследователи, как правило, настаивали на большем радикализме Вяземского. Еще в 1932 г. С.Н.Дурылин подчеркивал, говоря о «Негодовании»: «Это — гневный “Аполлон” Рыльева во “Временщике”, а не умеренный и конституционный “Аполлон” Пушкина в “Вольности” — причем “Аполлон” нашего поэта не боится цензуры; стихи Вяземского как будто с тем и писаны, чтоб они “в печати не бывали”, чтоб “их и так иные прочитали»¹²¹. «Несмотря на то, что Вяземский в этом стихотворении, как и Пушкин в оде “Вольность”, — читаем у М.И.Гиллельсона, — провозгласил идею союза закона и трона, все содержание “Негодования” служило делу революционизирования передового дворянства» (Гиллельсон, с. 270).

Некоторые эпизоды восприятия «Вольности» и «Негодования» современниками как будто подтверждают мнения исследователей.

19 августа 1827 г. в анонимном доносе сообщалось: «Образ мыслей Вяземского может быть достаточно оценен по одной его стихотворной пьесе “Негодование”, служившей катехизисом заговорщиков»¹²². Этот отзыв осведомителя III отделения — чуть ли не важнейший документ сторонников представления о революционности стихотворения Вяземского. «III Отделение, — говорит М.И.Гиллельсон, — точно определило идейный смысл стихотворения Вяземского [...]» (Гиллельсон, с. 271).

В Остафьевском архиве сохранились замечания И.М.Фовицкого, относящиеся, по всей вероятности, к ноябрю 1820 — первой половине 1821 г. Фовицкий писал о стихах Вяземского:

«Вот уж подлинно: ужасно хороши! Какая сила! Какая свобода! Какое негодование! Однакож не скажу: какая злоба! Ее тут и не нахожу и не советую вам ни обещать, ни питать ее никому. Спасите от нее три последние стиха. Они божественны! [...] Хранители Казны народной, это Голубцов? Не лъзя ли назвать их как поблагороднее? Да и не лъзя ли допросить, не собирая? Уже и то они все живут на Конгрессах.

Будто уж и с отчаянной вдовы и с голодного (а не с голодной) сироты собирают подати? Не сказали бы, что это возмутительно? —

Дальше — справедливее; но волосы дыбом становятся! Смотрите; не забывайте Радицева! [...]

Не знаю, какой смелый ценсор позволит вам спрашивать, где граждане? (Citoyens)? [...]

Свободу пел на языке неволи,
В оковах был я твой поэт!

Какие стихи! Только право возмутительны. Как будто вы в Алжире! [...]

Какая прекрасная пьеса! Только же и страшная! Уж верно мы не увидим ее печатной! А впрочем не худо бы ее выровнять [...]. Она стоит того: она не пропадет и пойдет далеко! —»¹²³

Упоминание Фовицким Радищева, видимо, запомнилось Вяземскому — и в письме его к Тургеневу от 7 января 1821 г.¹²⁴ читаем: «Угодил ли своим “Негодованием” Николаю Ивановичу? Пусть возьмет он один список с собою в diligence и читает по дороге. Только не доехать бы ему таким образом от Петербурга до Москвы, и далее, как Радищеву» (ОА, т. 2, с. 137)¹²⁵.

Фовицкий возражал против некоторые, с его точки зрения, чрезмерно либеральных стихов; возможна была и другая реакция: «Я заставил одного поэта, служащего в духовном департаменте, — писал А.И.Тургенев к Вяземскому 19 января 1821 г., — переписать твоё “Негодование”. В трепете приходит он ко мне и просит избавить его от этого. “Дрожь берет при одном чтении, — сказал он, — не угодно ли вам поручить писать другому?”» (ОА, т. 2, с. 142).

Итак, доносчик III отделения, Фовицкий, безымянный чиновник. Свидетельства красноречивые — и тем не менее суждения С.Н.Дурылина и М.И.Гиллельсона представляются нам неверными.

«Вольность» и «Негодование» сыграли сходную роль в судьбах их авторов, в истории их опалы. И все же реакция властей была различной. «Вольность» — едва ли не главный повод ссылки Пушкина: «Некоторые поэтические произведения, а в особенности Ода на свободу привлекли внимание правительства на г. Пушкина,» — говорил И.А.Каподистрия в письме к к Инзову в Кишинев¹²⁶. В уже цитированном письме к Вяземскому от 17 мая 1820 г. Карамзин отмечал, что именно «от своих стихов на свободу и некоторых эпиграмм» (стихи «на свободу» названы прежде прочих) Пушкин был «несколько дней совсем не в пиитическом страхе». Именно «Вольность» в первую очередь называет Карамзин и в письме к И.И.Дмитриеву от 19 апреля 1820 г., исчисляя причины преследования властями Пушкина¹²⁷. Наконец, в «Воображаемом разговоре с Александром I» 1824 г. именно со своей оды

начинал Пушкин свои и на бумаге не удавшиеся оправдания перед царем.

Вяземскому тоже приходилось оправдываться, но в глазах правительства «Негодование» — отнюдь не главный повод к удалению его от государственной службы. У Вяземского были все основания говорить о себе в «Записке...» 1829 г.: «Возмутительных сочинений у меня на совести нет. В двух так называемых либеральных стихотворениях моих *Петербург* и *Негодование* отзывается везде желание законной свободы Монархической и нигде нет оскорбления державной власти. Первое кончалось воззванием к Императору Александру: писано оно было в Варшаве, вскоре после первого Сейма, тогда гласным образом ходило оно по Петербургу. Второе менее известно: я узнал после, что Правительству донесено было о нем, но не знаю, было ли оному доставлено, но если ничего к нему не прибавили добровольные издатели или предатели (не *editori*, а *traditori*), то не боюсь заключений, которым оно даст повод. Писано оно было в Варшаве: в самую Эпоху борьбы или перелома мнений и, разумеется, должно носить оно живой отпечаток мнений, которым я оставался предан и после их падения»¹²⁸.

Напомним теперь мнение А.И.Тургенева, высказанное им в письме к Вяземскому от 5 августа 1819 г.: «Я люблю Царское Село в отсутствие хозяев: прелести его те же, ажитации меньше; гуляют, не оглядываясь, и слушают того, кто говорит, без рассеяния. Все в порядке, и все на месте, и никто не приносит себя в жертву *genio loci*. Так сделано посвящение дернового памятника, украшенного бюстом государя в лицейском (будущем) саду. И забавы впредь будут напоминать питомцам того, которого сердце желало бы дать им хорошее воспитание. Но вообрази себе двенадцатилетнего юношу, который шесть лет живет в виду дворца и в соседстве с гусарами, и после обвиняй Пушкина за его “Оду на свободу” и за две болезни не русского имени!» (ОА, т. 1, с. 280). «Совершенно ясно, — заключал, приведя эти строки Тургенева, М.Я.Цявловский, — что “Ода на свободу” упомянута здесь как произведение хорошо известное Вяземскому, который за нее уже в чем-то обвинял Пушкина» (Цявловский, с. 76). Действительно, Александру Ивановичу трудно было ошибиться в своей оценке мнения Вяземского: у него было слишком много возможностей мнение это выяснить. Как видим, есть даже некоторые основания думать, что сам Вяземский не склонен был отзываться о

«Вольности» с чрезмерной восторженностью. Но так или иначе, бесспорно, что Тургенев был уверен, что в своем осуждении пушкинской оды он имеет единомышленника в Вяземском. Это тем более важно, что Тургеневу принадлежит одна из наиболее восторженных оценок «Негодования»¹²⁹.

Столь же своеобразной, насколько можем судить, была позиция Карамзина. 20 января 1821 г. он писал к Вяземскому: «Читал я “Негодование” без негодования, ибо в нем много прекрасного; но желал бы более истины, более души и менее декламации»¹³⁰. Видно, что Карамзин не всем в стихах доволен, его одобрение не безусловно, но видно, что не было у него и каких-то прямых возражений на концепцию стихотворения. Между тем неизвестны столь снисходительные или благожелательные отзывы его о «Вольности»; на основании косвенных данных можно быть уверенным, что его оценка оды Пушкина была негативной. 19 апреля 1820 г. Карамзин писал к Дмитриеву: «[...] служа под знаменами либералистов, он (Пушкин. — Д.И.) написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей, и проч. и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий. Хотя я уже давно, истощив все способы образумить эту беспутную голову, предал несчастного Року и Немезиде, однакож, из жалости к таланту, замолвил слово, взяв с него обещание уняться»¹³¹. Здесь нет и тени того сочувствия, которым исполнен его отзыв о «Негодовании».

Справедливые, но, может быть, слишком общие указания на умеренность сходных или идентичных концепций двух стихотворений¹³² не объясняют вопиющих несопадений в оценке «Вольности» и «Негодования» не правительством, не жандармскими доносчиками, не запуганными чиновниками, а компетентнейшими и близкими к Вяземскому и Пушкину Тургеневым и Карамзиным.

Между тем, конечно, важно присмотреться не только к «программам» как к таковым, но и к особенностям их литературного воплощения: мы вправе видеть в двух стихотворениях Пушкина и Вяземского не только политические манифесты, но прежде всего художественные произведения.

«Вольность» и «Негодование» построены по-разному. В «Негодовании» нет увязки общего представления об историческом развитии с конкретными этапами русской истории.

Но именно на этом строится пушкинская ода, принципиально ориентированная на ход реальной истории, на злободневность ряда исторических потрясений (Томашевский, т. 4,

с. 144—154). Б.В.Томашевский отмечал: «[...] в самом ходе истории Пушкин усматривает какую-то фатальную закономерность. “Клии страшный глас” говорит о преступлениях, неизбежно следуемых за преступлениями, и если во втором примере убийство Павла является прямым следствием его тирании, то между казнью короля и воцарением Наполеона прямой связи нет, и та зависимость, в которую ставит эти два события Пушкин, является фатальной» (там же, т. 1, с. 153). Эта часть оды представляет собой иллюстрацию общей исторической закономерности («И горе, горе племенам, / Где дремлет он (закон. — Д.И.) неосторожно, / Где иль народу, иль царям / Законом властвовать возможно!») на злободневном материале европейской и затем российской истории. При этом не связанные непосредственно события обретают статус причины и следствия. Казнь Людовика XVI неожиданно сближается с утверждением во Франции Наполеона. Во втором примере, конечно, «убийство Павла является [...] следствием его тирании», но убийство Павла еще и бросает зловещую тень на все Александровское царствование: «[...] о стыд, о ужас наших дней»¹³³. Безакония нового русского царя, пока еще, очевидно, не «склонившегося» «под сень надежную закона», прямо предопределены незаконным убийством деспота.

Некоторое время назад состоялась дискуссия о том, есть ли в оде «Вольность» обвинения в адрес Александра I как участника убийства своего отца¹³⁴. Б.В.Томашевский отмечал: «[...] в неявной форме ода затрагивала Александра не только как представителя самодержавной власти, но и лично, как участника заговора, окончившего убийством его отца» (Томашевский, т. 1, с. 153). Между тем в явной форме подобных обвинений в оде нет, и быть не могло, потому что они не нужны. Имена Павла и Александра, как имена Людовика XVI и Наполеона, связываются прежде всего логикой историко-софской концепции оды, логикой истории — и оттого не менее прочно. Отметим еще, что павловское время в оде сближает с современностью, то есть александровским временем, не только первый стих заключительной строфы («И днесь учитесь, о цари!»), не только прямое указание «О стыд! О ужас наших дней!», но еще и упоминание о «задумчивом певце», который глядит на Михайловский замок и появлением своим предваряет рассказ об убийстве Павла: здесь время авторское и время, в котором обретается певец, совпадают, прямо протягивается нить к современности.

Эта сторона содержания «Вольности», конечно, не была близка ни Карамзину, ни Вяземскому. Как кажется, совершенно ясно, что последовательность политических применений к современному царствованию только и могла вызвать те «обвинения», о которых говорил Тургенев в письме к Вяземскому.

В «Негодовании» читаем: «Свобода! О младая дева! / [...] Ты разорвешь рукой могущей / Насильства бедственный устав / И на досках судьбы грядущей / Снесешь нам книгу вечных прав, / Союз меж граждан и тронем, / Вдохнешь в царей ко благу страсть, / Невинность примиришь с законом, / С любовью подданного — власть» (Вяземский — 1986, с. 147). Все это действительно напоминает «Вольность», строфы 4—5, 12¹³⁵. Но вместе с тем в «Негодовании» нет ничего, что могло бы напомнить бескомпромиссность пушкинского «подсвистывания» Александру I.

* * *

Политические мнения, политические стихотворения, при всей их важности, никогда не затмевали задач чисто литературных. Главный результат петербургских литературных занятий Пушкина, его поэма, вызвала живейший интерес Вяземского.

«Кто сушит и анатомит Пушкина? — писал он к Тургеневу 9 сентября 1820 г. — Обрывает розу, чтобы листок за листком доказать ее красоту» (ОА, т. 2, с. 64). Речь шла о статье А.Ф.Войекова «Разбор поэмы: Руслан и Людмила, сочинение Александра Пушкина»¹³⁶, который вовсе не стремился доказывать «красоту» пушкинской поэмы. Сдержанность Вяземского объясняется, вероятно, прежде всего тем, что он ко времени письма к Тургеневу видел лишь две первые части статьи Войекова¹³⁷. Во всяком случае окончание статьи вызывает уже резкую отповедь; в письме Вяземского к Тургеневу от 24 сентября читаем: «Войеков заставляет меня отдохнуть от Рембелинского (? — Д.И.), и того и смотри, что я за него примусь. Что строка, то нелепость в окончании его разбора “Руслана”. Как сметь сказать, и то еще не шутя: “Красней, забыв должное уважение к читателям”¹³⁸. “Вопрошает мрак немой”; если уж позволено “впрошарить мрак”, и конечно позволено, то как же не придать мраку эпитет “немой”? А после этого — наврять несколько строк глупых шуток

Шишковских! Нет сил следовать за такую дрянью! Не знать, что такое “гробовой голос”! Да что нам за дело, что он не знает: мало ли чего иные люди не знают. Поди, спроси у наших министров, что такое ответственность министров.

Уста дрожащие открыты,
Огромны губы стеснены!

Он совсем одурел: открытый рот и стесненные губы быть вместе не могут, а уста и очень. “Мужицкие рифмы: кругом, копием”. Мужижкое примечание, так! Но в рифмах этих ничего нет ни дворянского, ни крестьянского. Нет, воля твоя, при Грече можно было показываться в “Сыне Отечества”, а при таком обществе — слуга покорный! [...] Без сомнения, никакая книжка “Сына отечества” со дня рождения своего, не была так унавожена, как эта» (ОА, т. 2, с. 74—75).

Давая волю своему негодованию, Вяземский расхотелся с И.И.Дмитриевым, к мнению которого он привык прислушиваться. 18 октября Дмитриев писал к Вяземскому: «Что скажете вы о нашем “Руслане”, о котором так много кричали? Мне кажется, что это недоносок пригожего отца и пригожей матери (музы). Я нахожу в нем очень много блестящей поэзии, легкости в рассказе: но жаль, что часто впадает в бюрлеск, и еще больше жаль, что не поставил в эпиграф известный стих с легкою переменою: *La mère en défendia la lecture a sa fille*. Без этой предосторожности поэма его с четвертой страницы выпадает из рук добря матери»¹³⁹. Этот отзыв сделался известным Пушкину, который был им весьма задет (Виноградов, с. 396—397).

Между тем Дмитриев не случайно нападал на Пушкина: появление «Руслана и Людмилы» по существу означало упразднение той принципиальной ориентации на «средний стиль», которую пытался утвердить Дмитриев — и Войеков, переводчик «Садов» Делиля¹⁴⁰. И тем любопытнее, что Вяземский не выступил ни с опровержением Войекова, о возможности которого писал Тургеневу, ни вообще с разбором поэмы, хотя, как видно из письма его к Пушкину от 30 апреля 1820 г. (Акад., т. 13, с. 15—16), собирался это сделать. Как кажется, Вяземский не хотел публично задевать Дмитриева, о значении которого он еще будет спорить с Пушкиным. Стиль же «Руслана и Людмилы» тем более должен был снискать одобрение Вяземского, что находил определенные соответствия в его собственном творчестве (Томашевский, т. 1, с. 287).

Показательно, что А.Г.Глаголев в статье «Еще критика. (Письмо к редактору)», говоря в целом о «новой школе», замечает: «Например, у нас есть: позыв к уединению, где вы узнаете, что автор не болен сердцем, в другом месте сыщете, что “с утраченным грядущее слилось”, грядущее со мною разочлось, и новый иск на нем мой был бы тщетен”; что обман надежд разжигает тоску заживших ран; еще в одной балладе... Но прошу прочитать ее всю сполна: она, право, этого стоит (“С[ын] От[ечества]”, № 13, стр. 35)! Я только замечу: у нас в такой моде смертность, что даже луч солнечный трепетен и бледен умирает на горе... Ни слова о рыцарях, которые беспрестанно прощаются с красавицами и погибают; ни слова о чашах пенистого вина, о тайном шепоте невидимого, о туманном небосклоне полей, о лазурном крове безоблачного приюта, о пустынной тиши дубрав, о зыбучих берегах, где плачут красные девицы, и проч. и проч.» (ВЕ, 1820, № 11, с. 216). Таков контекст разговора о поэме Пушкина: здесь цитируется Вяземский, его «Уныние» (СО, 1820, № 12), затем Плетнев и Жуковский (Томашевский, т.1, с.301—302).

Глава V.

Опальное поприще

Возобновление переписки. — Поэзия. — Дружеские советы. — «Мятежи и казни»

С высылкой Пушкина в южные края многие связи и отношения его в литературном мире ослабли или даже вовсе прекратились на время — как в случае с Вяземским. Их переписка оборвалась, по-видимому, весной 1820 г., после письма Вяземского от 30 апреля из Варшавы, продолжавшего развивать тему «барельефов пиров Гомеровых» (Акад., т. 13, с. 15—16)¹⁴¹, и возобновилась лишь в 1822 г. «В долгой разлуке нашей одни дурацкие журналы изредка сближали нас друг с другом», — писал Пушкин 2 января (Акад., т. 13, с. 34). Вяземский, впрочем, отвечал лишь в конце лета (это письмо до нас не дошло), и в письме к нему Пушкина от 1 сентября того же 1822 г. читаем: «Посуди сам, сколько обрадовали меня знакомые каракулки твоего пера. Почти три года имею про тебя только неверные известия стороною — а здесь не слышу живого слова европейского» (Акад., т. 13, с. 43).

В дошедшей до нас части пушкинской переписки за эти годы, действительно, имя Вяземского не встречается ни разу. Между тем именно «варшавский период» его творчества, как справедливо отмечал еще И.Н.Розанов, имел наибольшее значение для Пушкина (Розанов, с. 19). В «дурацких журналах» Пушкин мог прочесть такие стихотворения Вяземского, как «Вечер на Волге» (1816; СО, 1821, № 28), «К итальянцу, возвращающемуся в отечество» (1816; СО, 1821, № 27), «Стол и постеля» (1817; Благонамеренный, 1821, № 10), «Устав столовой» (август — сентябрь 1817; Благонамеренный, 1820, № 2), «Прощание с халатом» (21 сентября 1817; СО, 1821, № 37); а также варшавские: «Ухаб» (февраль 1818; СО, 1821, № 42), «Две собаки» (1819), «Битый пес», «Два живописца»,

«Два чижа» (1819; СО, 1819, № 47); «Человек и мотылек» (1819; СО, 1819, № 48), «Вписавшись в цех зоилов строгих...», «Чтоб полный смысл разбить в творениях певца...» (Благонмеренный, 1820, № 2), «К В.А.Жуковскому» (август 1819; СО, 1821, № 10); «Уныние» (1819; СО, 1820, № 12) и другие. Некоторые вещи Вяземского не могли быть напечатаны, но становились известны Пушкину, как, по-видимому, «Табашное послание» (см. письмо его к Гнедичу от 4 декабря 1820 г.: Акад., т. 13, с. 21).

Переписка Вяземского — и прежде всего письма А.И.Тургенева — доставляла ему определенные сведения о Пушкине. Тургенев писал об участии Пушкина, о «Руслане и Людмиле», о журнальных критиках на нее, о некоторых пушкинских стихотворениях, делавшихся известными в Петербурге — как, например, «Элегия» («Погасло дневное светило»).

«Читал ли “Черное море” (то есть «Элегию. — Д.И.) Александра Пушкина в последнем “Сыне Отечества”», — спрашивает Тургенев в письме к Вяземскому от 17 ноября 1820 г. 17 ноября Вяземский отвечает: «Не только читал Пушкина, но и с ума сошел от его стихов. Что за шельма! Не я ли наговорил ему эту Байронщизну:

Не только не к брегам печальным
Туманной родины моей.

Мне жаль, что в этой элегии дело о любви одной. Зачем не упомянуть о других неудачах сердца? Тут было где поразгуляться. У меня есть начало, которое как-то сродно этой пьесе, — и далее следовал большой фрагмент, в котором варьировались мотивы отчуждения и бегства¹⁴², Вяземский не напрасно сближал пушкинскую «байронщизну» со своей — четвертая песнь «Чайльд-Гарольда», с ее темой прощания с родиной, с обращением к океану очевидным образом отразилась в этих и других стихотворениях двух поэтов.

Сама же фигура английского поэта сделалась едва ли не центральной в том обсуждении современного литературного развития, которое ведут Вяземский и Пушкин в двадцатые годы; лейтмотив же писем Вяземского к жене в Одессу в июне — июле 1824 г. — настойчивое обращение к Пушкину написать о смерти Байрона (ОА, т. 5. вып. 1, с. 11, 15, 17, 26).

* * *

Опальное поприще Пушкина постоянно занимает Вяземского. Из переписки его с А.И.Тургеневым за июнь 1823 г. видно, что именно последний — не без участия Вяземского — хлопотал об облегчении участи «бессарабского Пушкина», «[...] говорил с Нессельроде и с графом Воронцовым о Пушкине и добился согласия Воронцова взять поэта под свое покровительство: Он берет его к себе от Инзова и будет употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту даст досуг и силу развития» (ОА, т. 2, с. 328). В отличие от Тургенева, Вяземский не испытывал ни малейших иллюзий относительно «рыцарства» Воронцова — и увещевал Пушкина в секретном письме к нему в мае 1824 г.: «Сделай милость, будь осторожен на язык и на перо. Не играй своим будущим. [...] В случае какой-нибудь непогоды Воронцов не отстоит тебя и не защитит [...]. Да к тому же, признаюсь, откровенно: я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова». В этом письме отразились и более общие представления Вяземского — о русской оппозиции. «Ты довольно сыграл пажеских шуток с правительством; довольно подразнил его, и только! — читаем далее. — А вся наша оппозиция ничем иным ознаменоваться не может, que par des espiègleries. Нам не дается мужествовать против него; мы можем только ребячиться. А всегда ребячиться надоест» (Акад., т. 13, с. 94). В этом роде высказывались более во второй половине 1820-х и в 1830-е гг.; в устах же «декабриста без декабря», и за два еще года до декабря подобные суждения примечательны.

Письмо это доставлено было в Одессу, по-видимому, княгиней Верой Федоровной (Переписка, т. 1, с. 179); с нею у Пушкина завязались теплые дружеские отношения. Вяземскую занимали многие заботы и сердечные волнения поэта — и многие подробности жизни Пушкина в Одессе заключены в письмах ее к мужу¹⁴³ — наряду с сетами о пушкинских «проказах».

* * *

«Ничего хорошего не могу сказать тебе о племяннике Василия Львовича, — пишет она 13 июля. — Это совершенно сумасшедшая голова, с которою никто не сможет совладать. Он натворил новых проказ, из-за которых подал в отставку. Вся вина — с его стороны» (ОА, т. 5, вып. 2, с. 103). 16 июня Вяземская говорит, что с Пушкиным видится каждый

день и не устает «журить» его (там же, с. 105), а 20 июня она уже находит его «[...] не таким дурным, каким он кажется [...]» (там же, с. 106). В письме же от 11 июля она сообщает, что начинает питать к Пушкину «дружескую любовь» (ОА, т. 6, вып. 2, с. 121). «Все мои одесские привязанности сосредоточились на нем», — напишет она мужу о Пушкине, который в это время, 4 августа, будет уже на пути в Михайловское (ОА, т. 5, вып. 2, с. 139).

Нарастает поток увещеваний в письмах Вяземского. 1 июля он просит жену: «Скажи ему (Пушкину. — Д.И.), чтобы он не дурачился, то есть не умничал, ибо в уме, или от ума у нас и бывают все глупости. Пускай перенимает он у меня! Я глупею а те d'oeil» (там же, вып. 1, с. 124). В письме же Пушкина к Вяземскому гот 15 июля читаем: «За что ты меня бранишь в письмах к своей жене? за отставку? т.е. за мою независимость?» (Акад., т. 13, с. 103). Впрочем, Вяземский довольно быстро ориентируется в ситуации — и пишет к жене 10 июля: «Мне страх за него досадно, да и не на него одного! Мне кажется, по тому, что пишут мне из Петербурга, что это дело криво там представлено. Грешно тем, которые не уважают дарования даже и в безумном! Дарование все священо, хотя оно и в мутном сосуде! Сообщи и это Пушкину: тут есть ему и мадригал и эпиграмма» (ОА, т. 5, вып. 1, с. 28—29).

Прервавшаяся с отъездом Пушкина из Одессы переписка его с Вяземским возобновляется в Михайловском в октябре (Акад., т. 13, с. 110—111). Как и всегда, в ней преобладают литературные темы («Евгений Онегин», Байрон, «Московский телеграф», новые стихи), но и обсуждения отношений Пушкина с правительством продолжаются — и в новом 1825 г. Вяземский пеняет: «Право, образумься, и вспомни — собаку Хемницера, которую каждый раз короче привязывали, есть еще и такая привязь, что разом угомонит дыхание; у суставов она называется почетным снурком, а у нас этот пояс называют Уральским хребтом» (Акад., т. 13, с. 199, письмо от 4 августа). В следующем письме к Пушкину, от 28 августа и 6 сентября 1825 г., настаивая на необходимости ехать лечиться в Псков, Вяземский гораздо более резко говорит о пушкинской позиции: «Попробуй плыть по воде: ты довольно боролся с течением [...] Чего тебе недостает? Я знаю чего, но покорись же силе обстоятельств и времени. Ты ли один терпишь, и на тебе ли одном обрушилось бремя невзгод, сопряженных с настоящим положением, не только нашим, но и вообще европейским.

Если приперло тебя потеснее другого, то вини свой пьедестал, который выше другого. Будем беспристрастны: не сам ли ты частью виноват в своем положении? Ты сажал цветы, не сообразясь с климатом. Мороз сделал свое, вот и все!» (Акад., т. 13, с. 221). Пушкин отвечал письмом от 13 и 15 сентября, в котором каламбурил («[...] друзья хлопочут о моей жиле, а я об жиле»), но и возражал по существу, и очень резко: «Нет, дружба входит в заговор с тиранством, сама берется оправдать его, отвратить негодование; выписывают мне Мойера, который, конечно, может совершить операцию и в сибирском руднике; лишают меня права жаловаться (не в стихах, а в прозе, дьявольская разница!), а там не велят и беситься. Как не так!» (Акад., т. 13, с. 226).

* * *

После событий 14 декабря переписка на какое-то время замирает. В пушкинском письме от конца апреля — начала мая 1826 г. читаем: «Милый Вяземский, ты молчишь и я молчу; и хорошо делаем — потолкуем когда-нибудь на досуге» (Акад., т. 13, с. 274). Вяземский отвечает в той же тональности: «Ты жалуешься на мое молчание: я на твое. Кто прав? Кто виноват? Оба. Было время не до писем» (там же, с. 276; письмо от 10 мая).

Раздумья о случившемся — главное содержание внутренней жизни; новое потрясение — казнь пятерых заговорщиков 13 июля. «[...] 13 число жестоко оправдало мое предчувствие, — записал Вяземский 19 июля. — Для меня этот день ужаснее 14-го» (Записные книжки, с. 126). На следующий день Вяземский пишет к жене: «Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена [...]. О чем ни думаю, [...] все прибывает меня неволью и неожиданно к пяти виселицам [...].» (ОА, т. 5, вып. 2, с. 54). И в письме к жене 26 июля: «Знаешь ли лютые подробности сей казни? Трое из них: Рылеев, Муравьев и Каховский еще заживо упали с виселицы в ров, переломали себе кости и их после этого возвели на вторую казнь» (там же, с. 54—55). Пушкин в августе еще продолжает надеяться на амнистию при коронации и пишет о том Вяземскому (Акад., т. 13, с. 291), который уже не надеется ни на что и намеренно продолжает пребывание свое в Ревеле, чтобы избежать присутствия на торжествах в Москве.

18 апреля 1828 года Вяземский и Пушкин будут «бродить» по Петропавловской крепости. Вяземский так опишет эту прогулку: «Сегодня праздник Преполовения, праздник в крепости. В хороший день Нева усеяна яликами, ботиками и катерами, которые перевозят народ. [...] Мы садились с Пушкиным в лодочку [...] и пошли бродить по крепости и бродили часа два. Крестный ход обходит все стороны крепости, и народ валит за ним... Много странного и мрачно и грозно-поэтического в этой прогулке по крепостным валам и по головам сидящих внизу в казематах»¹⁴⁴. Вяземский сохранил черный деревянный ящик с пятью сосновыми щепками, к крышке которого была прикреплена памятная записка: «Праздник Преполовения за рекой. Прогулка с Пушкиным. 1828-ой год»¹⁴⁵.

* * *

Политические отношения Вяземского и Пушкина к программам деятелей 14 декабря часто сближались или даже отождествлялись, как в неутомимых изысканиях III Отделения, которое, по свидетельству П.И.Бартенева, после смерти Пушкина надеялось в бумагах его найти свидетельства о причастности Вяземского к движению 14-го декабря¹⁴⁶.

Но свидетельства эти не были обнаружены жандармами, как не были обнаружены и исследователями. Остроумная фраза С.Н.Дурылина о Вяземском («декабрист без декабря») сделалась общераспространенною, но смысл ее до сих пор уточняется. «Конечно, — поясняет Л.Г.Фризман, — ее (т.е. фразу Дурылина. — *Д.И.*) нужно понимать не только в том смысле, что Вяземский был декабристом, который не принял участия в восстании. Дело в том, что Вяземский был декабристом и в то же время не был им»¹⁴⁷.

Предпочитаем говорить просто: Вяземский декабристом не был.

«Доказательство тому, что я не одобрял ни начала, ни средств, кои покушались привести в действие, есть то, что пишу тебе из Москвы [...]", читаем в письме его к Жуковскому 1826 г. (ОА, т. 5, вып. 2, с. 160). И в «Исповеди» 1829 г.: «Скажу без уничижения и без гордости: имя мое, характер мой и способности мои могли придать некоторую цену завербованию моему в ряды недовольных и отсутствие мое между ними не могло быть делом случайным и от меня

независимым» (Записные книжки, с. 155). В примечании к этому фрагменту Вяземский пояснял: «Всякая принадлежность тайному обществу есть уже порабощение личной воле своей тайной воле вожаков. Хорошо приготовление к свободе, которое начинается закабалением себя» (там же).

Главный пункт размышлений Вяземского о причинах и значении выступлений 14 декабря — вопрос о том, «[...] достигла ли Россия до степени уже несносного долготерпения и крики мятежа были ли частными выражениями безумцев, или преступников, совершенно по образу мыслей своих отделившихся от общего мнения, или отголоском (усиленным. — *Д.И.*) общего ропота, стенаний и жалоб?» Ответ на этот вопрос, считает Вяземский, может дать «[...] одна Россия, а не правительство и казенный причет его [...]», ибо «дело, задевающее за живое Россию, должно быть и поручено рассмотрению и Суду России [...]». Выступление заговорщиков, полагает Вяземский, — проявление общего недовольства положением дел в стране: «Там огонь тлел безмолвно, за недостатком горючих веществ, здесь искры упали на порох и оне разразились. Но огонь был все тот же!» При этом, конечно, позиция самого Вяземского не меняется: «Ниспровержение [...] мнимой России и было целию голов нетерпеливых, молодых и пламенных: исправительное преобразование ее есть и ныне, без сомнения, цель молитв всех верных сынов России, добрых и рассудительных граждан [...]». Смысл этой позиции — обоснование необходимости реформ: «[...] правительства забывают, что народы рано или поздно, утомленные недействительностью своих желаний, прибегают в отчаянии к посредству молитв вооруженных» (Записные книжки, с. 130-131). Реформаторская, основательная деятельность правительства — единственная возможность предотвратить революцию: «У нас, что ни затей без содействия самой власти, все будет Пугачевщина» (Ланда, с. 225). 14 декабря — грозное предупреждение, но еще не революция: «Подпрапорщики не делают революции, а разве производят частный бунт, — записывает Вяземский 4 декабря 1830 г., получив известие о восстании в Варшаве. — 14-ое декабря не было революциею» (Записные книжки, с. 206; ср. там же, с. 111).

Все это с очевидностью свидетельствует о том, что позиция Вяземского не совпадает ни с позицией победившего правительства, ни с позицией побежденных. Столь же внутренне

независима была и позиция Пушкина, который призывал смотреть на события «взглядом Шекспира»¹⁴⁸.

Вместе с тем были в точках зрения двух поэтов и существенные несовпадения — несовпадения, обнаружившиеся в переписке 1826 г.

12 июня Вяземский пишет из Петербурга о смерти Карамзина: «Хотя ты и шалун и грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов, но без сомнения ты оплакал его смерть сердцем и умом [...]» (Акад., т. 13, с. 284). Пушкин отвечает 10 июля: «Кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый... слышишь обвинение, не слыша оправдания, и решишь: это Шемякин суд. Есть ли уж Вяземский etc., так что же прочие? Грустно, брат, так грустно, что хоть сей час в петлю» (там же, с. 286). Слова Вяземского о «сорванцах и подлецах» не раз привлекали внимание исследователей. «Пушкин угадывает, — предполагал Н.Я.Эйдельман, — что “сорванцы и подлецы” Вяземский написал не подумав, ведь летом 1826 г. именно Вяземский, как известно, горячо, предельно резко осуждал жестокий приговор декабристам!» (ПШИМ, т. 12, с. 293). С «неостывшим» «потрясением» от смерти Карамзина связывал эти слова Вяземского В.Э.Вацууро (Вацууро, Гиллельсон — 1982, с. 58). Предположения, в особенности второе, — правдоподобны, но слова — сказаны. В 1836 г. Вяземский вновь соотнесет 14 декабря с Карамзиным в письме своем к гр. С.С.Уварову по поводу книги Устрялова «О системе прагматической русской истории»: «И самое 14 декабря не было ли в последствии времени, так сказать, критика вооруженною рукою на мнение, исповеданное Карамзиным, то есть *Историю государства Российского* [...]»¹⁴⁹. И вновь следует пушкинская реплика — на полях статьи: «Не лишнее ли?»¹⁵⁰

Пушкин из Михайловского 11 марта 1826 г. писал к царю. Об этом письме Вяземский замечал Пушкину 31 июля: «Я видел твое письмо в Петербурге: оно показалось мне сухо, холодно и не довольно убедительно. На твоём месте написал бы я другое и отправил в Москву. Ты имеешь права не сомнительные на внимание, ибо остался неприкосновенен в общей буре, но должен также и на будущее время дать поручительство в законности жития своего, то есть обещание, что будешь писать единственно для печати — и разумеется, дав честное слово, хранить его ненарушимо» (Акад., т. 13, с. 289). Не ограничиваясь советами, Вяземский составляет для

Н.О.Пушкиной прошение на имя Николая I (РА, 1879, кн. II, с. 471; там же, кн. 1, с. 396; Модзалевский, т. 2, с. 174—175), «изъясняя, что ветреные поступки по молодости вовлекли сына ее в несчастье заслужить гнев покойного Государя... но ныне, признавая ошибки свои, он желает загладить оные, а она, как мать, просит обратить внимание на сына ее, даровав ему прощение» (РА, 1879, кн. 1, с. 396). Пушкин же на упрек в холодности своего прошения отвечает: «Ты находишь письмо мое холодным и сухим. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы» (Акад., т. 13, с. 291). «Теперь» — то есть после казни. И дело здесь, конечно, не в большей впечатлительности Пушкина, а в большей отдаленности Вяземского от декабристов. Оба они не разделяли мнений деятелей 14 декабря.

Но Пушкин прямо и искренно говорил царю во время известной аудиенции, что будь он тогда в Петербурге, был бы и на площади Сената.

Вяземский столь же прямо и искренно говорил царю в обращенной к нему «Записке...» 1829 г. о том, что его не смогли завербовать под знамена «недовольных» и о значительности своих с ними расхождений (Записные книжки, с. 155).

* * *

Непосредственным поэтическим откликом Вяземского на трагические события явилось стихотворение «Море», написанное летом 1826 г. в Ревеле и отосланное Пушкину при письме от 31 июля. Вяземский сравнивал морские волны со стаей белых лебедей и отдавался «мечтам пленительным и тайным». Морским волнам он — вслед за Пушкиным («К морю»), в традиционном ключе — противопоставлял море житейское: «В вас нет следов житейских бурь. / Следов безумства и гордыни, / И вашей девственной святыни / Не опозорена лазурь. / Кровь братьев не дымится в ней! / На почве смертной непослушной, / Нет мрачных знамений страстей, / Свирепых в злобе малодушной [...]» (Вяземский — 1986, с. 202). Пушкин отвечал 14 августа: «Правда ли, что Николая Т[ургенева] привезли на корабле в П[етер]Б[ург]? Вот какво море наше хваленое!» (Акад., т. 13, с. 291). Пушкин не мог уже отвечать в заданном ключе устойчивой традиции; суровая правда совершившегося слишком диссонировала с элегической поэтикой¹⁵¹. Он писал: «Сердечно благодарю тебя за стихи. Ныне

каждый порыв из вещественности — драгоценен для души. Критику отложим до другого раза» (Акад., т. 13, с. 291). Но была «критика» и в этом письме — в стихотворном ответе: «Так море, древний душегубец, / Воспламеняет гений твой / Ты славишь лирой золотой / Нептуна грозного трезубец. / Не славь его. В наш гнусный век / Седой Нептун Земли союзник. / На всех стихиях человек — / Тиран, предатель или узник» (там же, с. 290). Здесь все полемика: и энергическая краткость; и композиция, в основе которой — демонстративное преодоление устойчивого противопоставления; утверждение иного — более трезвого, более сурового взгляда на жизнь.

Глава VI.

Романтические поэмы и критические статьи

1. «Кавказский пленник». «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы». 2. Новая поэтика. — «Прозаик и поэт».

Статьи Вяземского о трех пушкинских романтических поэмах — важнейший результат их сотрудничества в 1820-е гг. И тем более существенными представляются те особенности их литературной позиции, которые приводили к разногласиям и расхождениям. «Эти частные, — замечает М.И.Гиллельсон, — расхождения не противоречили их единомыслию по коренным вопросам литературно-общественного развития» (Гиллельсон, с. 58). И все же, конечно, трудно найти более «коренной вопрос» литературного развития, чем вопрос о романтизме, различия в трактовке которого Вяземским и Пушкиным проявились уже в полемике о значении творчества В.А.Озерова¹⁵². Тем важнее еще раз специально присмотреться к статьям Вяземского о «южных поэмах», имея в виду, что речь идет о «[...] двух крупных индивидуальностях, привыкших к самостоятельному и оригинальному мышлению» (Гиллельсон, с. 58).

1.

2 января Пушкин сообщал Вяземскому из Кишинева: «Кавказский мой пленник кончен [...]» (Акад., т. 13, с. 34). 28 мая Вяземскому в Москву писал из Петербурга А.И.Тургенев: «У меня сидит Н.И.Гнедич. В пятницу (2 июня)¹⁵³. — Д.И.) отдаст мне «Кавказского пленника». Повезу опять в Павловск. Уверяет, что прелесть, и даже цензура пропустила. Он спешит печатать его» (ОА, т. 2, с. 256)¹⁵⁴. С пушкинской поэмой, однако, Тургенев успел познакомиться раньше указанного в этом письме его к Вяземскому срока, так как уже через три

дня, 31 мая, писал Вяземскому: «“Кавказский пленник” прелестен, но не в плане, а в стихах. Прости! Некогда» (ОА, т. 2, с. 258)¹⁵⁵. Вяземский заинтригован — и незамедлительно пишет к Тургеневу: «Нельзя ли прислать что-нибудь из “Кавказского пленника”?» (ОА, т.2, с. 260). 9 июня Тургенев отвечает: « Попрошу Гнедича, чтобы послал к тебе единственный экземпляр “Пленника”, с тем, чтобы ты, по первой же почте, возвратил. Прелесть, хотя и есть повторения, и жаль, что из предисловия должно выкинуть все то, где он говорит о клевете и гонении на него: и неправда, и неблагородно! Оттого и стихи сии нехороши» (ОА, т. 2, с. 60). 13 июня о «Пленнике» пишет к Вяземскому Карамзин, уже прочитавший поэму¹⁵⁶. 15 июня Вяземский вновь просит Александра Ивановича: «Ради Бога, “Пленника”, на одну почту» (ОА, т. 2, с. 263), но Гнедич поэму не дает, ибо «список ему нужен» (там же, с.267, письмо Тургенева от 27 июня). 3 июля Вяземский пишет уже прямо к Гнедичу: «Скоро ли выйдет Кавказский пленник и какого (так. — Д.И.) вышел он из альжирского плена цензуры? Нельзя ли порадовать меня хотя бы отрывками?»¹⁵⁷

«Кавказский пленник» вышел в свет 14 августа (Летопись-2, с. 318—319); цензурное разрешение дано было А.Бируковым 12 июня (Летопись, с. 344). В письме к Вяземскому от 19 сентября В.Л.Пушкин говорил: «Вот что пишет наш Лафонтен (И.И.Дмитриев. — Д.И.) к нашему Ливию (Н.М.Карамзину. — Д.И.): “Вчера я прочитал одним духом *Кавказского пленника* и от всего сердца пожелал молодому поэту долгие лета! Какая надежда! при самом начале уже две собственные поэмы, и какая сладость стихов! Все живопись, чувство и остроумие! Признаюсь, что прочитав это письмо, я прослезился от радости»¹⁵⁸. В то время, как Василий Львович писал эти строки, Вяземский работал над статьей. 27 сентября он уже сообщает А.И.Тургеневу: «Я написал кое-что о “Кавказском пленнике”: скоро пришлю. Мне жаль, что Пушкин окровавил последние стихи своей поэмы. Что за герой Котляревский, Ермолов» — и т.д. (ОА, т. 2, с. 274)¹⁵⁹. Статья Вяземского является в свет 11 декабря (Летопись, с. 367)¹⁶⁰ после прочтения в «дружеском ареопаге», то есть утверждения Жуковского и Тургенева (ОА, т. 2, с. 276). Из статьи выключается выпад против Катенина, в это время подвергнувшегося опале (ОА, т. 2, с. 280—282). Не высказал в статье Вяземский и отношения своего к Эпилогу — по цензурным и по личным соображениям.

Цензура, впрочем, нашла, к чему придаться, и в своем кругу Вяземский не раз давал выход своему возмущению ее своеволием¹⁶¹.

* * *

30 апреля 1829 г. Вяземский из Москвы сообщает А.И.Тургеневу в Петербург: «[...] по словам приезжего пришлет (Пушкин. — Д.И.) новую поэму Гарем о Потоцкой, похищенной каким-то ханом, событие историческое [...]» (АБТ, с. 16). В дальнейшем в поступлении к Вяземскому известий о «Бахчисарайском фонтане» наступает перерыв¹⁶², кажется, вплоть до 25 сентября, когда ему пишет А.И.Тургенев: «Я писал к Вигелю и просил прислать поэму поэта-африканца» (ОА, т. 2, с. 352). Чуть более чем через месяц, 4 ноября 1823 г., «поэт-африканец» посылает из Одессы к Вяземскому список своей поэмы и просит его написать к ней предисловие (Акад., т. 13, с. 73), о чем Вяземский в письме от 18 ноября извещает Тургенева (ОА, т. 2, с. 367). При этом он спрашивает Тургенева, «есть ли в Петербурге “Путешествие в Тавриду” Апостола-Муравьева, о котором он говорит в “Ольвии”? Узнай и доставь тотчас¹⁶³. Да расспроси, не упоминается ли где-нибудь о предании похищенной Потоцкой татарским ханом и наведи меня на след» (ОА, т. 2, с. 367). Александр Иванович в эти дни хлопочет за Пушкина перед М.С.Воронцовым (там же, с. 368), но почти тотчас по получении письма Вяземского отправляет ему в Москву книгу И.М.Муравьева-Апостола (там же, с. 368). В том письме заинтригованный Тургенев восклицает: «Если не пришлешь “Бахчисарайского ключа”, то никогда ничего присылать не буду» (там же). О присылке пушкинской поэмы он будет просить неумолимого Вяземского почти три месяца (ОА, т. 3, с. 2, 6, 11, 13). Наконец, 10 марта 1824 г., выходит «Бахчисарайский фонтан» (Летопись, с. 446)¹⁶⁴, и 21 марта Тургенев в письме к Вяземскому замечает: «Фонтан» здесь и продается с успехом, В одно время: два том «Истории» Карамзина, три — нового издания Жуковского и «Бахчисарайский фонтан» (ОА, т. 3, с. 22). 27 марта (Летопись-2, с. 403), однако, вспыхивает журнальная война.

В № 5 «Вестника Европы» 1824 г. (цензурное разрешение дано 20 марта) в разделе «Критика» появилась статья «Второй разговор между Классиком и Издателем Бахчисарайского фонтана» (с. 47—62)¹⁶⁵, подписанная: N (М.Дмитриев), в

которой Классик стремился «обличить» Издателя «в подлоге», то есть в том, что Классик Вяземского — «совсем не Классик». Дмитриев оспорил ряд суждений Вяземского, в частности о преимущественно «германском» влиянии на новую русскую литературу, Ломоносова и Карамзина (с. 51—53), настаивал на своем понимании соотношения понятий «народный» и «национальный» (с. 55—57), подчеркивал «неопределенность» и «сбивчивость» стиля Вяземского (с. 51, 53—54, 55, 59), утверждал, что Вяземский не знает логики (с. 53—54). Попутно он высказался о «новой» школе в литературе. Последние его суждения были по-своему замечательны: «Новость выражений сей школы, — говорил Классик, — состоит не столько в новых словах, сколько в несовместимом соединении слов уже известных [...]. Отличительный признак сей школы состоит еще не в словах и выражениях, не в подражании Германцам, но в какой-то смеси мрачности с сладострастием, быстроты рассказа с неподвижностью действия, пылки страстей с холодностью характеров, а у плохих подражателей новой школы есть еще свойственный им одним признак, состоящий в том, что части картин их разбросаны, несоответственны одна другой и неокончены, чувства неопределены, язык темен» (с. 49). При этом Классик восторженно отзывался о «Бахчисарайском фонтане»: «Стихотворение прекрасное, исполненное чувств живых, картин верных и пленительных, и все это облечено в слог цветущий, невольно привлекающий свежестью и разнообразием! — Короче, в последних двух поэмах Пушкина заметно, что этот романтик похож во многом на Классиков!» (с. 61). Обращаясь же к Вяземскому, Дмитриев замечал: «[...] жаль, что вы напечатали его (“Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова”. — Д.И.) при прекрасном стихотворении Пушкина; думаю, и сам автор об этом пожалеет!» (с. 62).

Не беремся сказать определенно, «пожалел» ли сам автор об этом; он, во всяком случае, счел необходимым высказаться на сей счет перед публикой¹⁶⁶.

Затем последовала краткая и злая реплика взбешенного Вяземского в № 7 «Дамского журнала» (с. 33—39) «О литературных мистификациях, по случаю напечатания в 5-й книжке *Вестника Европы* второго и подложного разговора между Классиком и Издателем Бахчисарайского фонтана», помеченная 27-м марта 1824 г. Вяземский обрушился на Каченовского, приняв за него «N», то есть М.Дмитриева¹⁶⁷.

«За обязанность поставлю вывести из заблуждения легковверных читателей, — писал Вяземский, — удостоверив их, что я нижеподписавшийся, законный и единственный Издатель *Бахчисарайского фонтана*, не имел никогда разговора, подобного напечатанному в 5-е книжке *Вестника Европы*, и от роду иметь не могу, потому что я свойства нетерпеливого» (с. 35). При этом он отмечал, что «[...] боясь под щитом анонима неустрашимой храбрости безымянных противников, принужденным нахожусь объявить себя Издателем *Бахчисарайского фонтана*. Князь Вяземский» (с. 39).

В ответ на это М. Дмитриев поместил в 7 номере «Вестника Европы» свой «Ответ на статью: О литературных мистификациях» (с. 196—211), помеченный 15-м апреля¹⁶⁸. В «Ответе...» своем Дмитриев вежливо и язвительно замечал, что «критика, основанная на доказательствах, всегда сильнее раздражит самолюбие, нежели самая оскорбительная рецензия» (с. 196) и указывал, что в заметке Вяземского «тщетно искать [...] опровержений на откровенные замечания Классика, обнаруженные в известном *Втором Разговоре*» (с. 196). Далее следовал риторический вопрос: «Неужели говорить в глаза правду есть мистификация?» — и недогадливому читателю сообщалось, «[...] что и *Первого Разговора* ни с кем не имел Кн. Вяземский» (с. 199), что «[...] во *Втором Разговоре* точно такой же подлог, как и в первом: и в том и в другом разговаривающие лица никогда действительно не разговаривали» (с. 205).

7 № «Вестника Европы» с «Ответом...» Дмитриева вышел в свет 24 апреля — и в этот же день вышел № 8 «Дамского Журнала» со статьей Вяземского «Разбор *Второго Разговора*, напечатанного в 7 № *Вестника Европы*»¹⁶⁹ (с. 63—82). Вяземский писал: «На литературную часть разговора не отвечал я литературно, потому что почел ее, по немецкому выражению: *unter alles kritik*, хотя по всенародному объявлению *Второго Классика* я по-немецки и не знаю» (с. 65). Далее следовали иронические выпады: «Классик *первого разговора* — безымянный. Во *втором Разговоре* является г-н N, выдающий себя за *Классика*; он говорит, что Издатель *Бахч. фонт.* не имел с ним разговора: но с кем с ним? Кто он?» (с. 66) — и еще: «Не понимаю, кому пришла охота олицетворить в себе творение вымышленное!» (с. 67).

Вяземский нападает на определение Дмитриевым «свойств» «новой школы»: «Что значит соединение быстроты рассказа с неподвижностью действия, будто служащее отличительным

признаком новой нашей школы? О чем же рассказ, если не о действии? Где прекращается действие, там прекращается и рассказ» (с. 69). «Можно сказать, — читаем далее, — что слог повествования не соответствует действию; но антитеза, выведенная Вторым Классиком, то есть именно то, что Англичане называют *nonsense*. Сюда принадлежит также и соединение пылкости страстей с холодностью характеров. Есть ли тут здравый смысл? Из чего же составляется характер? Как могут страсти не действовать на характер? [...] Если правда, как сказал он, что несовместное соединение слов принадлежит новой школе, то его по справедливости можно назвать ультра-романтиком, или классическим романтиком, ибо у самого Виконта Дарленкура не найдешь примеров подобного сочетания слов и понятий несочетаваемых (так. — Д.И.)» (с. 70).

Вяземский настаивал на своем тезисе о преимущественном германском влиянии на русскую литературу в карамзинский период: «Оставляя рассмотрение запроса, точно ли следовал Карамзин иностранным прозаикам в преобразовании русской прозы, или просто оценив свойства языка отечественного, он постиг дух его и следовал собственному откровению, заметим, что в выражении: эпоха носит отпечаток Германский, заключается смысл, совершенно противный тому, который хотели ему насильственно присвоить. Дело в том, что Карамзин обратил внимание наше на Немецкую и Английскую Словесности, на сих двух соперниц, стремящихся к общей мете, как видим в оде Клопштока *Die heiden Musen*. Хотя Ломоносов и был питомцем Германских Муз, но непосредственно последовавшие за ним писатели наши забыли о них, и литература Немецкая была до Карамзина для нас чужая и мертвая. И это, кажется, должно быть ясно для всех, разве за исключением Второго Классика» (с. 74—75). Это не была полемика по частному вопросу: речь шла о том, что интерес Карамзина и карамзинистов к немецкой и английской литературам неожиданно находил соответствие у Ломоносова, обосновывался и подкреплялся его авторитетом, непререкаемым для архаистов; в «Разговоре...» Вяземский отмечал: «[...] разница только в том, что он (Ломоносов. — Д.И.) следовал Гинтеру [...], а не Гете и Шиллеру».

Ответ Дмитриева последовал в № 8 «Вестника Европы» (с. 271—289). Второй Классик в третий раз пожаловался публике на «[...] темноту языка, смешение предметов спора, запутан-

ность периодов и вообще какой-то хаос в расположении и изъяснении [...]» (с. 271—272) своего антагониста. Дмитриев замечал, что «[...] наименование классический употребляет он (Вяземский. — Д.И.) не всегда в одном значении. Иногда принимает оное в смысле совершенства; иногда как противоположное с романтическим» (с. 274); отстаивал свое понимание «[...] отличительных признаков новой школы» (с. 276—279); спорил вновь о том, «следовал ли Ломоносов Гинтеру» (с. 280—289), о Карамзине и немецкой литературе (с. 281—291); наконец, сообщал: «[...] я кладу перо мое и принимаюсь снова за книги, оставляя моего соперника одного рыцарствовать в пустом поле *Дамского журнала*» (с. 300—301).

Все это публика прочла 8 мая (*Летопись-2*, с. 416), но еще тремя днями ранее (там же, с. 415) вышел 9 № «*Дамского журнала*» со статьей Вяземского «Мое последнее слово» (с. 115—118). Вяземский писал: «Мне нужно было обличить безымянного Сочинителя, который заставлял меня будто бы говорить не так, как я говорить привык, и будто бы слушать то, чего я слушать не должен. И я достиг своей цели. Повторяю уже сказанное мною¹⁷⁰; но в этом заключается вся сущность дела: Издатель книги названной есть имя личное, точно так же как автор книги определенной, как хозяин дома означенного; и так вводить перед публикою человека известного и определенного в разговор небывалый и несбыточный есть злоупотребление нетерпимое и преступающее за границы дозволенного. Границы полемических монологов гораздо пространнее, и потому не останавливаю Сочинителя Ответа в новом его походе» (с. 116).

Подробный анализ полемики вокруг предисловия Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» увел бы нас далеко в сторону от нашей темы¹⁷¹; это предмет специального исследования. Здесь же заметим, что запоздалые выстрелы по Вяземскому долго еще раздавались в «Вестнике Европы». Так, в № 9-м оно напечатан был «Отрывок из кодекса знаменитости» того же М.А.Дмитриева: «§ 12. Если знаменитому¹⁷² будут доказывать его ошибки, то он должен отвечать на доказательства громкими словами откровенности и чести, упреками и личностями; а простодушнейший из друзей обязан, читая ответ его, восклицать: [...] какая убийственная пиеса!»¹⁷³ Это было своеобразное обобщение одного из устойчивых мотивов полемики¹⁷⁴; в этом духе высказывался и Каченовский — если это из-под его пера вышла не озаглавленная специально

«выписка», помещенная в разделе «Смесь» еще № 7 журнала, в которой читаем: «В Париже господствует теперь ужасный раздор между классиками и романтиками: одни предлагают свои доказательства, другие грозят кулаками, — ибо романтики вообще народ сердитой»¹⁷⁵.

Полемика с «Вестником Европы», укрепив за Вяземским репутацию острого полемиста, не принесла ему славы¹⁷⁶. А.И.Тургенев, как кажется, выражал не только свое мнение, но и мнение «дружеского ареопага», когда писал к Вяземскому 29 апреля о его полемиках: «Пора перестать. Теперь, вероятно, и с Булгариным свяжешься» (ОА, т. 3, с. 37). Тургеневу же принадлежит и довольно резкий приговор: «Искры твоего ума нет во всем споре» (ОА, т. 3, с. 42; письмо от 16 мая).

* * *

27 июня 1824 г. В.Ф.Вяземская писала из Одессы к мужу в Москву и, рассказывая о Пушкине, заметила: «Он еще начал какую-то “Цыганку”, которую не хочет кончать»¹⁷⁷. Если здесь действительно идет речь о «Цыганах» — а именно так и полагают составители указателя произведений Пушкина в двух изданиях «Летописи» — то это было первое известие о новой поэме, которое получил Вяземский. Во всяком случае известно, что в день окончания «Цыган», 8 или 10 октября 1824 г. (Летопись-2, с. 463), Пушкин писал к Вяземскому: «сегодня кончил я поэму Цыгане. Не знаю, что об ней сказать. Она покаместь мне опротивела, только что кончил [...]» (Акад., т. 13, с. 111). 6 ноября Вяземский пишет в Михайловское и просит «Цыган» для напечатания, предлагая свои услуги (Акад., т. 13, с. 117). Однако Пушкин не отзывается на это предложение и в ответном письме от 29 ноября вовсе не упоминает о «Цыганах». Между тем нетерпение Вяземского растет: к нему начинают поступать отзывы о «Цыганах». 2 декабря пишет Карамзин: «Вчера молодой Пушкин читал нам наизусть “цыганскую” поэмку брата и нечто из Онегина. Живо, остроумно, но не совсем зрело»¹⁷⁸. 12 января нового 1825 года пишет к Вяземскому А.А.Бестужев: «[...] здесь славят [...] “Цыган” [...]» (ЛН, т. 60, с. 228). В этом контексте молчание Пушкина в ответ на предложение Вяземским своего издательского попечения делалось все более красноречивым. Вяземский не писал к Пушкину после 6 ноября более 2 месяцев — и у Пушкина были основания начать письмо свое к нему от 25

января так, как он его начал: «Что ты замолк? получил ли от меня письмо, где говорил я тебе об Ольдекопе, о собрании моих элегий, о Татьяне etc». (Акад., т. 13, с. 135). Пушкин подчеркивает, что не связывает молчание Вяземского со своим письмом. Здесь же — две строки о «Цыганах»: «Я, кажется, писал тебе, что мои “Цыгане” никуда не годятся: не верь — я соврал — ты будешь ими очень доволен» (Акад., т. 13, с. 135). 28—31 января Пушкин получает от Вяземского письмо, до нас не дошедшее, в котором, как можно судить, вновь содержалась просьба о присылке стихов и, возможно, «Цыган». Пушкин отвечал: «Я писал тебе на днях (то есть 25 января. — Д.И.) и послал некоторые стихи. Ты мне пишешь: пришли мне все стихи. Легко сказать! Пуцин привезет тебе отрывки из *Цыганов* [...]» (Акад., т. 13, с. 139). Но еще раньше, именно 25 января, в день отправки письма к Вяземскому, Пушкин писал и Рылееву: «Пуцин привезет тебе отрывок из моих *Цыганов*» (там же, с. 134); 20 марта (Летопись-2, с. 516) выйдет «Полярная звезда» на 1825 г. с отрывком из «Цыган»¹⁷⁹.

19 февраля Пушкин вновь упоминает в письме к Вяземскому о своей поэме, жалуясь на П.А.Муханова, который «[...] без спросу взял у меня начало “Цыганов” и распустил его по свету (Акад., т. 13, с. 144). 26 февраля из Петербурга пишет А.И.Тургенев: «Два раза уже слышал “Цыган” Пушкина и два раза восхищался ими. Не мне одному кажется, что это лучшее его произведение. С брата, который читает их наизусть, взял автор честное слово, что он списывать ни для кого не будет; иначе я бы тебя побаловал и прислал бы “Цыган” его вместо крепкого бульона, на тощий, если уже не на больной желудок» (ОА, т. 3, с. 99-100). Вяземский же долго еще будет ожидать новой поэмы. 7 июня он напишет к Пушкину: «Говорят, что *Цыгане* твои прелесть, а я все их не вижу, я, который имею столько прав и на стихи твои и на *Цыган*, потому что без ума от тех и от других. Я упивался твоими стихами и часто бывал пьян у цыган» (Акад., т. 13, с. 180). Шуточное обоснование «прав», кажется, лишь оформляло нешуточное недоумение. Пушкин же своего решения не изменил¹⁸⁰.

Впервые Вяземский ознакомился с полным текстом «Цыган» 21 июня в Петербурге у И.И. Козлова (Вацууро-1978, с. 54) — и писал к жене на следующий день: «Слышал поэму Пушкина “Цыгане”. Прелесть, и, кажется, выше всего, что

он доселе написал» (ОА, т. 5, вып. 1, с. 47). Столь же восторженный отзыв находим в письме его к Пушкину от 4 августа: «Его величество, царь зверей и царь твоих стихов читал мне Цыган. Ты ничего жарче этого еще не сделал, и можешь взять в эпитаф для поэмы стихи Державина из Цыганской песни:

Жги души, огонь бросай в сердца
От смуглого лица.

Шутки в сторону, это, кажется, полнейшее, совершеннейшее, оригинальнейшее твое творение» (Акад., т. 13, с. 200).

Только в мае 1827 г. увидело свет первое издание «Цыган»¹⁸¹. Вскоре в «Московском телеграфе» появилась и рецензия Вяземского¹⁸².

2.

Многочисленные критические отзывы, переписка современников однозначно указывают на актуальные для литературной ситуации 1820-х гг. особенности поэтики пушкинских романтических поэм. Ведущей оказывается оппозиция «действие» — «описание» («рассказ» — «картины» и т.д.). Сопоставляя «Кавказского пленника» с «Шильонским узником» Байрона в переводе Жуковского, П.А.Плетнев отмечал, что в «[...] подобных сочинениях выбор происшествия, местные описания и определенность характера действующих лиц составляют главное» (Соревнователь, 1822, ч. 20, кн. 1, № 10, с. 28) — и заключил, что «[...] *Кавказский пленник* по своим местным описаниям есть совершеннейшее произведение нашей поэзии» (там же, с. 30). Обращаясь же к анализу действия, Плетнев упрекал Пушкина: «[...] происшествие в *Кавказском пленнике* можно бы сделать и разнообразнее и даже полнее. По обыкновенному понятию о подобных происшествиях надобно сказать, что ход страсти, которая бывает изобретательна и неутомима, слишком здесь короток. Еще более остается неполным рассказ о пленнике. Его участь несколько загадочна. Нельзя не пожелать, чтобы он, хотя в другой поэме, явился сам и познакомил нас со своею судьбою» (там же, с. 26—27). «Описание» и «повествование» противопоставил В.И.Козлов, разразившийся сумбурной хвалебной рецензией в «Русском инвалиде»: «Мудрено решить, чему отдать преимущество в сем новом произведении молодого поэта: описательной ли части оно: или повествовательной [...]» (Русский инвалид, 1822.

№ 213, с. 352). «Прекраснейшие картины, списанные с натуры мастерскою рукою; естественный и благородный рассказ [...]» увидел в этой поэме А.Е.Измайлов (Благонамеренный, 1822, ч. 19, № 36, с. 398). Когда разговор переходил на вопросы «слога», противопоставление могло обретать вид «план — стихи», «сочинение — слог» и т.д. Карамзин 13 июля 1822 г. сообщал Вяземскому: «Пушкин написал “Узника”; слог жив, черты резкие, а сочинение плохо [...]» (Старина и новизна, кн. 1. М., 1897, с. 131). Сходным образом отозвался Карамзин о «Бахчисарайском фонтане»: «Слог жив, черты прекрасные, но в целом не довольно силы и связи»¹⁸³. «Правда, что недостает связности в плане, — писали о том же “Бахчисарайском фонтане” “Литературные листки”, — но красоты поэзии, гармония языка, картины заставляют забывать самые несовершенства [...]»¹⁸⁴. Напомним здесь еще суждение М.А.Дмитриева: «Отличительный признак новой школы состоит в какой-то смеси быстроты рассказа с неподвижностью действия».

Распространенность противопоставления неподвижности действия красотам описаний (достоинств слога — упущениям «плана») обуславливалась новыми композиционными принципами, которые Пушкин воспринял у Байрона: «[...] сосредоточенность действия вокруг отдельных драматических ситуаций, как бы вершин повествования, отрывочность и недосказанность в остальном [...]»¹⁸⁵.

В статье «О “Кавказском пленнике”, повести, соч. А.Пушкина» Вяземский писал: «Автор повести “Кавказский пленник” (по примеру Байрона в “Child-Harold”) хотел передать читателю впечатления, действовавшие на него в путешествии. Описательная поэма, описательное послание придают невольно утомительное однообразие рассказу» (Вяземский-1984, с. 45)¹⁸⁶. И далее: «Содержание настоящей повести просто и, может быть, слишком естественно: для читателя ее много занимательного в описании, но мало в действии. Жаль, что автор не приложил более изобретения в драматической части своей поэмы; она была бы полнее и оживленнее. Характер Пленника нов в поэзии нашей, но сознаться должно, что он не всегда выдержан и, так сказать, не твердою рукою дорисован; впрочем, достоинство его не умалется от некоторого сходства с героем Байрона» (там же).

Как видим, Вяземский присоединяется к претензиям критики, высказанным в адрес «формы плана». При этом он

замечает: «[...] сей характер изображен во всей полноте в одном произведении Байрона: у нашего поэта он только означен слегка; мы почти должны угадывать намерение автора и мысленно подправлять недоконченное в его творении» (там же, с. 46). Творчество Байрона рассматривается здесь не только в качестве образца, которому до известной степени следует Пушкин, но и в качестве некоего «сверхтекста», обращение к которому помогает заполнить пушкинские «пробелы». Осуществленная Пушкиным деформация байронической поэтики¹⁸⁷ осмысливается как следствие «нетвердой руки» (Вяземский-1984, с. 45) «молодого поэта» (там же, с. 47). Показательно, что пушкинские «пропуски» Вяземский стремится объяснить цензурными причинами: «Не лишнее, однако, заметить, что в самом том месте, где он (Пушкин. — Д.И.) знакомит нас с характером своего героя, встречаются пропуски, которые, может быть, и утаивают от нас многие черты, необходимые для совершеннейшего изображения» (там же, с. 46). Это же предположение находим у Плетнева: «Впрочем, встречая в этой поэме пропуски, означенные самим сочинителем, мы полагаем, что какие-нибудь обстоятельства заставили его представить публике свое произведение не совсем в том виде, как оно образовалось в первом его состоянии» (Соревнователь, 1822, ч. 20, кн. 1, № 10, с. 80).

В статье «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» практически отсутствует анализ текста: пушкинская поэма явилась для Вяземского поводом для суждений о новой романтической поэзии вообще¹⁸⁸. Два только вопроса имеют непосредственное отношение к тексту «Бахчисарайского фонтана»: первый — о степени необходимой достоверности литературного произведения («история не должна быть легковерна; поэзия — напротив» — Вяземский-1984, с. 52), о правомерности построения содержания поэмы на основе «предания, известного в Крыму и поныне [...]» (там же, с. 52). Классик упрекает издателя: «[...] я уверен, что, по обыкновению романтическому, все это действие только слегка обозначено. Читатели в подобных случаях должны быть подмастерьем автора и за него досказывать». Издатель парирует: «Вам недовольно того, что вы перед собою видите здание красивое: вы требуете еще, чтобы виден был и остов его. В изящных творениях довольно одного действия общего; что за охота видеть производство? Творение искусства — обман» (там же)¹⁸⁹. Вяземский меняет отношение

к пушкинской «недосказанности». Теперь речь идет о новом типе композиции, которому следуют Байрон и Пушкин, с которым связывается представление о новой поэтике. При этом снимается вопрос о пушкинском своеобразии (в статье о «Кавказском пленнике» он был затронут указанием на «недостатки»).

Характерно, что в полемике с М.А.Дмитриёвым Вяземский — как и его оппонент — не коснулся собственно «Бахчисарайского фонтана» (они, кстати, были единодушны в восторженности своих оценок)¹⁹⁰; во всех статьях Вяземского речь шла в первую очередь о судьбах романтизма в русской литературе, о романтической поэтике.

В статье о «Цыганах» Вяземский, во-первых, приходит к окончательному решению вопроса о новой композиции и, во-вторых, проблемы отношения Пушкина-художника к Байрону. Он подчеркивает отсутствие прямых заимствований: «[...] неужели нет тут ни малейшего подражания, спросит сейчас злонамеренная недоверчивость. Кажется, решительно нет; по крайней мере подражания уловимого, подлежащего улике» (Вяземский-1984, с. 73). Вместе с тем Вяземский указывает на заимствование самого принципа композиционной свободы: «В самой связи или, лучше сказать, в самом отсутствии связи видимой и ощутительной, по коему Пушкин начертал план создания своего, отзывается чтением “Гяура” Байрона и заключение обдуманное, что Байрон не от лени, не от неумения не спаял отдельных частей целого». И далее, как и в статье о «Бахчисарайском фонтане», Вяземский специально обосновывает новую композицию: «Как в были, так и в сказке мы уже не приемлем младенца из купели и не провожаем его до поздней старости и наконец до гроба, со дня на день исправляя с ним рачительно ежедневные завтраки, обеды, полдни и ужины. Мы верим на слово автору, что герой его или героиня едят и пьют» и т.д. (Вяземский-1984, с. 74).

Это — обоснование не столько пушкинской, сколько вообще романтической, новой поэтики. Показательно, что многое из того, что сказано было Вяземским о Байроне и Пушкине, говорилось им и о третьем великом романтике — о Мицкевиче.

Статья Вяземского о книге А.Мицкевича «Сонеты»¹⁹¹ увидела свет раньше рецензии на «Цыган», в 14-й части «Московского телеграфа» 1827 г. (статья о «Цыганах» — в 15-й части) и является своеобразным связующим звеном между «Разговором...» 1824 г. и разбором «Цыган».

Сопоставим, что говорит Вяземский

о «Сонетах» Мицкевича:

«Можно назвать эти сонеты поэтическими путевыми записками. Так и Байрон вел свой страннический журнал во многих строфах “Чайльд-Гарольда”» (Вяземский-1984, с. 67).

о «Кавказском пленнике»:

«Автор повести “Кавказский пленник” (по примеру Байрона в “Child-Harold”) хотел передать читателю впечатления, действовавшие на него в путешествии» (там же, с. 45).

Так апелляция к литературному опыту Байрона неожиданно сближает произведения, на первый взгляд имеющие между собой очень мало общего — говорится о них в сходных выражениях.

о «Сонетах» Мицкевича:

«Из этого не следует, что наш соплеменник (Мицкевич. — Д.И.) подражал ему (Байрону. — Д.И.), хотя, может быть, влияние поэзии его действовало и на поэзию сонетов» (там же, с. 67).

о «Кавказском пленнике»:

«[...] достоинство его (образа Пленника. — Д.И.) не умаляется от некоторого сходства с героем Байрона» (там же, с. 45).

О «Цыганах» Вяземский пишет: «Нет [...] подражания [...] подлежащего улике [...]. Нельзя, впрочем, не признаться, что, вероятно, не будь Байрона, не было бы и поэмы “Цыганы” в настоящем их виде» (Вяземский-1984, с. 73). В статье о польском поэте: «Поэзия шотландского барда, светило нашего века, как светило дня, проникает нечувствительно или, лучше сказать, неисследуемо и туда, где неощутительно, неочевидно непосредственное действие лучей его [...]. Вездесущее, оно всюду постигаемо, хотя и не повсюду явно» (там же, с. 67). Аргументация здесь более обстоятельна, чем в статье о «Цыганах»: «Кажется, в нашем веке невозможно поэту не отозваться Байроном, как романисту не отозваться В.Скоттом [...]. Такое сочувствие, согласие нельзя назвать подражанием: оно, напротив, невольная, но возвышенная стачка (не умею вернее назвать) гениев, которые, как ни отличаются от сверстников своих [...], но все в некотором отношении подвластны общему духу времени и движимы в силу каких-то местных и срочных законов [...]. Нынешнее поколение требует байроновской поэзии не по моде, не по прихоти, но по глубоко

в сердце заронившимся потребностям нынешнего века» (там же, с. 67—68). Теперь вернемся к прерванной цитате из статьи о «Цыганах»: «[...] Байрон не от лени, не от неумения не спаял отдельных частей целого, но, напротив, вследствие мысли светлой и верного понятия о характере эпохи своей»¹⁹².

Таким образом, существенный для статьи о «Цыганах» вопрос о характере байроновского влияния в главном был решен в работе о сонетах Мицкевича. Именно вопросы поэтики оказались впервые последовательно увязаны с запросами современности. Это позволило Вяземскому в разборе «Цыган», с одной стороны, сформулировать свою точку зрения более лаконично и, с другой, — конкретизировать ее, вернуться к существенной для него проблеме отдельных «неспяющих» «частей целого».

* * *

Итак, во всех трех статьях Вяземского о пушкинских поэмах центральным был вопрос о новых композиционных формах. В статье «О “Кавказском пленнике”» при этом своеобразии пушкинской композиции, заметное и по отношению к текстам самого Байрона, расценивалось как недостаток, следствие не отшлифованного окончательного мастерства. В двух других статьях Вяземский резко сближает Пушкина с Байроном на основе энергического обоснования принципов романтической поэтики; при этом своеобразии, художественный поиск Пушкина остается в стороне, осуществленная им деформация байронической поэтики Вяземским не затрагивается.

Пушкинские поэмы послужили Вяземскому прежде всего материалом для развития своих взглядов на романтизм. Это хорошо понял еще И.В.Киреевский, который метил в первую очередь именно в Вяземского, замечая в статье своей «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828): «Все, что в *Сыне Отеч., Дамск. Журн., Вестн. Европ. и Моск. Телеграфе* было сказано до сих пор о *Руслане и Людмиле, Кавк. Пленнике, Бахч. Фонтане* и *Онегине*, ограничивалось простым извещением о выходе упомянутых поэм, или имело главным предметом своим что-либо постороннее, как напр., романтическую поэзию и т.п.; но собственно разборов поэм Пушкина мы еще не имеем» (МВ, 1828, ч. 8, № 6, с. 171).

Болеe того, пушкинские поэмы сами по себе не столь уж много значили для Вяземского, который 22 апреля 1825 г. писал к А.И.Тургеневу: «Я восхищаюсь “Чернецом”: в нем красоты глубокие, и скажу тебе на ухо — более чувства, более размышления, чем в поэмах Пушкина» (ОА, т. 3, с. 114)¹⁹³.

Все это означало, что истинного, глубокого взаимопонимания не было между Вяземским — критиком и Пушкиным — автором романтических поэм. М.П.Погодин оставил свидетельство о пушкинском отношении к рецензиям на «Цыган»: «[...] ах, какую бы критику я написал о “Цыганах”. Их не понимают»¹⁹⁴.

3.

О пушкинском отношении к статьям Вяземского свидетельствует их переписка. 6 февраля Пушкин писал к Вяземскому по поводу его статьи о «Кавказском пленнике»: «Все, что ты говоришь о романтической поэзии, прелестно, ты хорошо сделал, что первый возвысил за нее голос — французская болезнь умертвила бы нашу отроческую словесность» (Акад., т. 13, с. 57). Безоговорочное одобрение суждения Вяземского о романтизме, между тем, не означало столь же безоговорочного одобрения того, что было сказано не «о романтической поэзии», то есть собственно о пушкинском произведении. Об этом свидетельствует конец письма: «Ты говоришь, душа моя, что он сукин сын за то, что не горюет о Черкешенке, но что говорить ему — все понял он выражает все; мысль о ней должна была овладеть ее душою и соединиться со всеми его мыслями — это разумеется — иначе быть не лзя; не надобно все высказывать — это есть тайна занимательности» (там же, с. 58). Впрочем, позднее, когда речь зашла о втором, несостоявшемся издании «Кавказского пленника», Пушкин склонен был согласиться с замечанием Вяземского — и писал к нему 14 октября 1823 г.: «Теперь замечание типографическое: Все понял он ... несколько точек, в роде Шаликова и — à la ligne прощальным взором и пр. Теперь я согласен в том, что это места писанб слишком в обрез, да силы нет ни поправить, ни прибавить» (Акад., т. 13, с. 69—70). Пушкин соглашался — и не исправлял, ограничиваясь «типографическими» изменениями; в том же письме находим характерное признание: «[...] я никогда не мог поправить раз мною написанное» (там же, с. 69).

Присмотримся теперь к письму Вяземского к Пушкину от 6 ноября 1824 г., в котором Вяземский говорит об издании «Бахчисарайского фонтана» и в последующей полемике: «В спор с Лже-Дмитриевым также не от тебя вступил, и во всем споре о тебе и помина не было» (Акад., т. 13, с. 118). И далее заверяет, имея в виду дальнейшее сотрудничество, которое предлагает Пушкину: «Да к тому же, теперь бояться нечего; я уж верно со сволочью этою в распрю не пойду; довольно и того, что раз брал я на хлебы их ничтожество и откормил их. Они раздулись моими пощечинами! Теперь буду умнее» (там же). Пушкин внимательно следил за ходом полемики Вяземского с «Вестником Европы»¹⁹⁵ и, конечно, знал, что не его поэма была предметом спора в шести статьях «Вестника Европы» и «Дамского журнала». Почему же он упрекал в этом Вяземского в не дошедшем до нас письме к В.Ф.Вяземской¹⁹⁶, или, точнее, почему Вяземский оправдывался?

Выше мы упоминали о статье Вяземского «Мое последнее слово», помещенной в 9-м № «Дамского журнала». Но последнее слово не стало все же последним. П.И.Шаликов был не на шутку рассержен и задет не только хорошо рассчитанной фразой М.Дмитриева в последней его статье (О «пустом поле Дамского журнала»), но и выпадом Каченовского¹⁹⁷, и поместил в № 10 «Дамского журнала» 1824 г. «Слово о слове пустом и проч. Вестника Европы № 8 (с. 161—165)¹⁹⁸. Статью свою Шаликов заключил постскриптумом следующего содержания:

«Письмо к Издателю Сына Отечества от Александра Сергеевича Пушкина, напечатанное в № 13, подает нам мысль предложить читателям еще выписку из других его же частных писем, в которых он говорит об авторе Разговора, служащего предисловием к Бахчисарайскому Фонтану¹⁹⁹.

Разговор прелесть — как мысли, так и блистательный образ их выражения. Суждения неоспоримы. Слог Вяземского чудесно шагнул вперед.

Его разбор более писан для Европы, чем для Руси. Он прав в отношении Романтической Поэзии; но Классическая, на которую нападает, точно существует ли у нас? Это еще вопрос. Мнения Вестника Европы не можно посчитать за мнения; на Благонамеренного сердиться невозможно.

Любопытно сравнить такое суждение Автора Поэм: Руслан и Людмила, Кавказский пленник и Бахчисарайский фонтан, с суждениями Михаила Дмитриева» (с. 165).

Эта публикация была, конечно, метким ударом. Разумеется, к ней непосредственное отношение имел Вяземский, с которым Шаликов держал военный совет и от которого получил выдержки из пушкинского письма.

Выступление Шаликова в № 10 своего журнала, как и его примечание к статье Вяземского в № 9 (с. 117) вызвали сначала «Разговор о Дамском журнале» (Литературные листки, 1824, № 9—10, с. 384—387), а потом реплику Булгарина в № 11—12 тех же «Листков» (с. 431—432). Не дремал и Каченовский. В № 10 «Вестника Европы» появилась исполненная выпадами в адрес «Дамского журнала» статья «Мое первое и последнее слово» (с. 115—120). Там же был напечатан и «Короткий ответ издателю Дамского журнала» М.Дмитриева (с. 144—146). Наконец, опубликованные Вяземским и Шаликовым выдержки из пушкинского письма были специально рассмотрены в статье «Нечто о словах», которая увидела свет в № 12 «Вестника Европы» за подписью «А.А.А.» (статья эта по неизвестным нам основаниям предположительно атрибутируется А.Ф.Мерзлякову в изд.: Летопись-2, с. 349). «А.А.А.» говорил:

«Выписанные места из писем Автора *Бахчисарайского Фонтана* о Предисловии к сей Поэме доказывают только, что можно быть прекрасным поэтом, не бывши вовсе опытным критиком. Посмотрим на эти строки, которые И[здатель] Д[амского] Ж[урнала] выписывает, как слова Корана.

“Суждения неоспоримы.” — Разборы г. Дмитриева и отзывы просвещенных журналистов доказали неоспоримость этих суждений.

О слоге Издателя Б.Ф. сказано, что не “чудесно шагнул вперед”. — Этого нельзя отнести к Русской прозе вообще; ибо в слог почтенный Издатель Б.Ф. отстал от К[арамзина] на неизмеримое расстояние, от Ж[уковск]ого и Б[атюшко]ва также далек [...]. — Если же Авт. Бахч. Фонт. говорит о слог Издателя своей поэмы в отношении к прежнему его же слогу; то каков же был прежний слог, когда и после чудесного шагу вперед находят в нынешнем столько ошибок первоклассных?

“Его разговор писан больше для Европы, нежели для Руси”. — Европа вероятно не читала не только Предисловия, но даже и самой Поэмы; она довольно богата истинными, учеными

критиками, и не станет заниматься суждениями, взятыми по лоскуткам из разных авторов. — А что Предисловие писано не для Руси, в этом можно согласиться, потому что Русские читатели требуют правильного, чистого Русского слога и не обязаны вновь учиться романтической Логике и неслыханному доселе словосочинению.

“Мнения Вестника Европы не можно почитать за мнения.” — Разумеется, в кругу знаменитых друзей, которые решились: взаимно хвалить друг друга; бранить того, кто их не хвалит за преступление законов Логике и Грамматики; нападать грудью на того, кто отдает им справедливость; унижать чужие произведения и ненавидеть тех, которые смеют разбирать их права на внимание публики» (ВЕ, 1824, № 12, с. 289—290)²⁰⁰.

Так частное письмо Пушкина сделалось предметом разбирательства в «Вестнике Европы»; Вяземский был не вполне точен, когда говорил, оправдываясь, в письме своем к Пушкину от 6 ноября 1824 г., что о Пушкине во всем споре «и помина не было».

Между тем у Пушкина должен был вызвать раздражение как сам факт напечатания его частного письма, так и то, что этой публикацией он был фактически втянут в полемику. Когда Булгарин опубликовал отрывок из письма его к А.А.Бестужеву от 8 февраля 1824 г.²⁰¹, это вызвало взрыв негодования. В письме Пушкина к брату от 1 апреля 1824 г. читаем: «Что это со мною делают журналисты! Булгарин хуже Воейкова — как можно печатать партикулярные письма — мало ли что мне приходит на ум в дружеской переписке — а им бы все и печатать. Это разбой; решено: прерываю со всеми переписку — не хочу с ними иметь ничего общего» (Акад. т. 13, с. 90). Публикация Булгарина не вовлекала Пушкина в литературную перебранку — в отличие от публикации Вяземского и Шаликова, которая, кроме того, имела следствием, как мы видели, комментарий «Вестника Европы». Все это тем более стесняло Пушкина, что даже в письме своем в «Сын Отечества», которым благодарил Вяземского за предисловие его к «Бахчисарайскому фонтану», он оговаривал особенность своей позиции, а в черновике незаконченной статьи «О поэзии классической и романтической» прямо оспаривал Вяземского²⁰².

Все это объясняет, почему после полемики Вяземского с «Вестником Европы» Пушкин счел за благо уклониться от дальнейшего сотрудничества с ним как с издателем. Вяземский

более ни разу не напишет специально о каком бы то ни было пушкинском произведении, а Пушкин ни разу о том его не попросит.

* * *

5/17 апреля 1873 г. Вяземский писал к П.И.Бартеневу из Хомбурга: «Сделайте одолжение выпишите и пришлите мне эпиграмму Пушкина, которая начинается стихом —

О чем, прозаик, ты хлопочешь.

По догадкам думаю, что он в минуту досады написал ее на меня. И хочется проверить. Помнится, в разборе поэмы Цыганы, напечатанном в Телеграфе, я что-то сказал в порицание выражения *на траву скатился*, или что-то в этом роде. Пушкин никогда не сказал мне о том ни слова, но после узнал я что он на меня сердился. —» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 565, ч. 1, л. 210 об. 211).

В догадке своей Вяземский уверился, так как через два года он говорил в известной приписке своей к статье 1827 г. о «Цыганах»: «Этот разбор поэмы Пушкина навлек или мог бы навлечь облачко на светлые мои с ним отношения. О том я долго не догадывался и узнал случайно, гораздо позднее» (Вяземский-1984, с. 79). Далее Вяземский приводит ряд дошедших до него стороной пушкинских претензий к разбору и продолжает: «[...] Пушкин сам ничего не говорил мне о своем неудовольствии: напротив, помнится мне, даже благодарил меня за статью. Как бы то ни было, взаимные отношения наши оставались самыми дружественными. Он молчал; молчал и я [...]. Мог я думать, что Пушкин и забыл или переменил свое первоначальное впечатление. Но Пушкин не был забывчив. В то самое время, когда между нами все обстояло благополучно, Пушкин однажды спрашивает меня в упор: может ли он напечатать следующую эпиграмму: О чем, прозаик, ты хлопочешь? Полагая, что вопрос его относится до цензуры, отвечаю, что не предвижу никакого со стороны ее препятствия. Между тем замечаю, что при этих словах моих лицо его вдруг вспыхнуло и озарилось краскою, обыкновеню в нем приметю какого-нибудь смущения или внутреннего сознания в неловкости положения своего. Впрочем, и тут я, так сказать, пропустил или проглядел краску его: не дал себе в ней отчета. Тем дело кончилось. Уже после смерти Пушкина [...] припом-

нилась мне вся эта сцена: загадка нечаянно сама разгадалась [...]. Я понял, что этот прозаик — я, что Пушкин [...] оскорбился некоторыми замечками в моей статье и наконец захотел узнать от меня, не оскорблюсь ли я сам напечатанием эпиграммы, которая сорвалась с пера его против меня» (там же, с. 80). Эти строки — самое неясное свидетельство Вяземского о Пушкине, что отметил еще Н.О.Лернер, высказавший предположение, что пушкинская эпиграмма не имела отношения к Вяземскому: «[...] вот строго-фактический довод, [...] решающий недоразумение и показывающий, как неосновательно было подозрение, которое Вяземский питал десятки лет. Напечатав пьесу “Прозаик и поэт” в 1827 г. (МВ, ч. 1., № 4, с. 252 — примеч. Н.О.Лернера), Пушкин затем включил ее в сборник своих произведений (“Стихотворения Александра Пушкина”, ч. 2, СПб., 1829. с. 28 — примеч. Н.О.Лернера). Там указан и год ее написания — 1825-й, когда еще не появлялись «Цыганы» и не было статьи Вяземского. Последний упустил из виду это обстоятельство, иначе он, конечно, расстался бы со своим подозрением, столь неосновательным во всех отношениях [...]. Допустить же, что Пушкин, всегда чрезвычайно точный в датировании своих произведений, нарочно поместил пьесу под 1825 годом, чтобы затемнить связь ее со статьей Вяземского о “Цыганах”, значило бы навязать эпиграмме так не идущий ей смысл, обвинить поэта в малодушии и, словом, зайти в неосновательных и оскорбительных предположениях дальше самого Вяземского»²⁰³.

Итак, Н.О.Лернер доказал, что эпиграмма «Прозаик и поэт» не могла быть написана по поводу статьи Вяземского о «Цыганах». Действительно, нет оснований сомневаться в пушкинской датировке стихотворения 1825-м годом.

Однако остаются еще по крайней мере два вопроса: первый — имеет ли вообще эта эпиграмма отношение к Вяземскому, и если нет, то кто мог быть адресатом ее; второй — могла ли эта эпиграмма быть применена Пушкиным в 1827 г. к новой ситуации, возникшей во взаимоотношениях с Вяземским.

Напомним текст эпиграммы:

О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,

Послушный лук согну в дугу.
И там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

Во-первых, в эпиграмме нет стремления к разрыву; в ней, в отличие от многих пушкинских эпиграмм, лишь легкая ирония по отношению к адресату²⁰⁴. Это исключает предположение о том, что в основе истории создания эпиграммы — острый конфликт. Во-вторых, расхождения между поэтом и прозаиком являются, очевидно, не первостепенны: поэт и прозаик противопоставлены, и в то же время они союзники в борьбе против некоего общего «врага» (последний стих). Таким образом, ироничное, довольно обидное для авторского самолюбия прозаика указание на смешную суетность его антипоэтической деятельности²⁰⁵ сочетается с союзом прозаика и поэта в распре с врагом. Причем речь идет, видимо, о распре литературной; поэт и прозаик — оба литераторы.

Эпиграмма написана в 1825 г. Следовательно, речь в ней может идти в силу особенностей жанра о событиях близких по времени. Единственным событием в 1824—1825 гг. (Летопись-2, с. 383—587), которое вызвало неодобрение Пушкина, но не нарушило в целом его союз с «прозаиком» против общего «врага», была полемика Вяземского с «Вестником Европы».

Эта полемика, как мы видели, привела к тому, что Пушкин отклонил дальнейшие услуги Вяземского-издателя. И в то же время, конечно, разрыва с Вяземским не происходит, и уж, конечно, «Вестник Европы» остается их общим «врагом».

Пушкин высказывается с величайшим тактом: противопоставление поэта и прозаика их общему врагу подчеркнуто композиционно (последний стих эпиграммы); разногласия с Вяземским даны не непосредственно, а в проекции на общую антиномию «поэзия — проза», в игре этими понятиями²⁰⁵. В результате эпиграмма вышла вполне принципиальной — и необычно сдержанной; в ней ощутимый укол авторскому самолюбию Вяземского — но был и подчеркнут союз с ним.

Все это позволяет заключить, на наш взгляд, что внутренняя ситуация эпиграммы соответствует внешней ситуации во взаимоотношениях Пушкина и Вяземского в середине 1820-х гг.

Возвращаясь теперь к воспоминаниям Вяземского, заметим сразу, что факт напечатания Пушкиным своего стихотворения в «Московском вестнике» не означает, что Пушкин не мог

показывать Вяземскому текст эпиграммы и спрашивать его о возможности печатать этот текст вторично.

На черновике своего письма к гр. А.Х.Бенкендорфу от 24 апреля 1827 г. Пушкин карандашом набросал список своих стихотворений, предназначенных для издания I и II частей «Стихотворений А.Пушкина», увидевших свет в 1829 г. В этом списке фигурирует и эпиграмма «Прозаик и поэт»²⁰⁶. Список был составлен, как указал Б.В.Томашевский, в конце апреля — августе 1827 г. (Рукою Пушкина, с. 239). Стихотворение было включено и в список, составленный Пушкиным для того же издания 1829 г. в конце мая — июне 1818 г. (Рукою Пушкина, с. 240—241). Таким образом, у Пушкина были определенные основания поставить Вяземского в известность о своем намерении печатать эпиграмму в «Стихотворениях...» — после публикации в журнале Погодина. Не менее важно и другое: если Пушкин стремился обсудить с Вяземским его статью о «Цыганах», он должен был бы найти приемлемую для этого форму. Упоминание об эпиграмме — попытка завязать такой разговор, — как мы знаем, несостоявшийся: Вяземский не понял Пушкина. Пушкин же не желая, по-видимому, обострения отношений с Вяземским, не посчитал нужным возобновить тему.

Предложенное истолкование событий, отразившихся в воспоминаниях Вяземского, остается, разумеется, чисто гипотетическим. Однако оно как будто объясняет «противоречия и неувязки» в поздней приписке Вяземского к своей статье о пушкинских «Цыганах».

Глава VII.

«Московский телеграф» и «Московский вестник»

В «Автобиографическом введении» к полному собранию сочинений Вяземский вспоминал: «[...] Полевой со мной познакомился и бывал у меня по утрам²⁰⁷. Однажды он застал у меня графа Михаила Вьельгорского. Речь зашла о журналистике. Вьельгорский спросил Полевого, что он делает теперь. — Да покамест ничего, — отвечал он. Зачем не приметесь вы издавать журнал? — продолжал граф. Тот благоразумно отнекивался за недостатком средств и других приготовительных пособий. Юноша был тогда скромн и застенчив. Вьельгорский настаивал и преследовал мысль свою; он указал на меня, что я и приятели мои не откажутся содействовать ему в предприятии его, и так далее; дело было решено. Вот как, в кабинете дома моего, в Чернышевском переулке, зачато было дитя, которое после наделало много шуму на белом свете. Я закабалил себя “Телеграфу”. Почти в одно время закабалил себя Пушкин “Московскому вестнику”. Но он скоро вышел из кабалы, а я втерся и въелся в свою всеми помышлениями и всем телом. Журнальная деятельность была по мне. Пушкин и Мицкевич уверяли, что я рожден памфлетером, открылось бы только поприще» (Вяземский, т. 1, с. XIVIII). Приглашая к сотрудничеству в «Телеграфе» Жуковского, Вяземский говорил в письме к нему от 28 ноября 1825 г.: «Я уже уломал Пушкина (Гиллельсон, с. 129)²⁰⁸.

С 1825 по 1829 г. Пушкин поместил в «Телеграфе» десять своих произведений: «Телега жизни» (1825, ч. 1, № 1, с. 49), «Журнальным приятелям» (1825, ч. 1, № 3, с. 215; заглавие изменено Вяземским), «О г-же Сталь и о Г.А.М-ве» (1825, ч. 3, № 12, с. 255—259), «Ex ungue leonem» (1825, ч. 4, № 13, с. 43), «Стихи в альбом» (1825, ч. V, № 17, отд. 2, с. 37), «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А.Крылова» (там же, с. 40—46), «Цыганская песня» (1825, ч.6, № 21, отд.

2, с. 69), «Элегия» (1826, ч. 7, № 1, отд. 2, с. 5—6), «Эпиграмма» (1829, ч. 26, № 7, с. 257) и еще «Эпиграмма» (там же, № 8, с. 408)²⁰⁹. Как видим, наибольшим вниманием Пушкина журнал Полевого пользовался в 1825 г. (шесть произведений из десяти).

«В первых книжках “Московского телеграфа” были напечатаны небольшие его (Пушкина. — Д.И.) стихотворения, — говорил в своих “Записках” К.А.Полевой, — стихотворения, вытребованные у него князем Вяземским для нового журнала, в котором он готовился ревностно участвовать. Видно, у Пушкина не было ничего наготове, и он, не желая отказывать уважаемому им другу, прислал “Телегу жизни”, поручив ему же переделать в ней два-три слишком выразительных стиха (она и напечатана с переделкою князя Вяземского)» (Пушкин в воспоминаниях, т. 2, с. 48—49).

При этом с самого начала Пушкин был настроен скептически. «Ты вызываешься сосводничать мне Полевого, — отвечал он на предложения Вяземского. — Дело в том, что я рад помогать ему, а условий верно никаких не выполню — следств[енно] и денег его мне не надобно. Да ты смотри за ним — ради бога! и ему случается завираться» (Акад., т. 13, с. 184; письмо от 25 мая и около середины июня 1825 г.). Конечно, это был твердый отказ от сотрудничества. В следующем письме к Вяземскому Пушкин был еще более категоричен: «Думаю, что ты уже получил ответ мой на предложение “Телеграфа”. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему, что тебе попадет (кроме “Онегина”), если же мое имя, как сотрудника, то не соглашусь из благородной гордости, то есть амбиции: “Телеграф” человек порядочный и честный — но враль и невежда; а вранье и невежество журнала делится между его издателями; в эту часть входить не намерен» (Акад., т. 13, с. 185).

Пушкин все чаще задумывается об издании собственного журнала. 27 мая он пишет к Вяземскому: «Пора бы нам отослать и Булгарина, и Благонамеренного, и Полевого, друга нашего. Теперь не до него, а ей богу, когда-нибудь примусь за журнал. Жаль мне, что с Катениным ты не ладишь. А для журнала — он находка» (Акад., т. 13, с. 279).

Еще более решительно настроен Пушкин после своего освобождения из ссылки, личных встреч с Вяземским и знакомства с Полевым: «Я ничего не говорил тебе о твоём решительном намерении соединиться с Полевым, а ей-богу

грустно. И так никогда порядочные литераторы вместе у нас ничего не произведут! все в одиночку. Полевой, Погодин, Сушков, Завальевский, кто бы ни издавал журнал, все равно. Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать самовластно и единовластно. Мы слишком ленивы, чтоб переводить, выписывать, объявлять etc. etc. Это черная работа журнала; вот за чем и издатель существует; но он должен 1) знать грамматику русскую 2) писать со смыслом: т.е. согласовать существ. с прилаг. и связывать их глаголом. — А этого-то Полевой и не умеет. Ради Христа, прочти первый параграф его известия о смерти Румянцова и Раstopчина. И согласиись со мной, что ему невозможно доверить издания журнала, освященного нами именами. Впрочем ничего не ушло. Может быть, не Погодин а я — буду хозяин нового журнала. Тогда, как хочешь, а уж Полевого ты пошлешь к матери в гузно». (Пушкин Вяземскому, 9 ноября 1826 г.: Акад., т. 13, с. 304—305).

Сохранились свидетельства о том, что Пушкин предпринимал какие-то попытки привлечь Вяземского к сотрудничеству в «Московском вестнике». Вот как пишет об этом Н.П.Барсуков: «Не смотря на все убеждения Пушкина, князь П.А.Вяземский остался верен “Московскому телеграфу”. Между тем в “Московском вестнике” на первых же порах начали появляться неблагопристойные против него выходки. Так, на страницах этого журнала появилась рецензия на книжку *Жизнь игрока*. Рецензент скрылся под псевдонимом: Зоил 2-й. Между прочим в этой рецензии было сказано: “Тот, кто лучшие года жизни провел в качестве игрока, наверное может быть литератором только на выдержку” (Московский вестник, 1827, № 21, с. 72—73). А.В.Веневитинов сообщил Погодину, что некоторые толкуют эти строки “в сторону предосудительную для князя Вяземского”. Это сообщение очень смутило Погодина. “Мне было”, пишет он, “очень и очень неприятно, потому что душевно уважаю его”. На другой же день Погодин отправился к князю Вяземскому объясняться (Дневник. 1827, под 19—20 ноября²¹⁰). Тем не менее даже лучший друг князя Вяземского, Пушкин, разразился на него в “Московском Вестнике” эпиграммой под заглавием *Поэт и прозаик*» (Барсуков, т. 2, с. 115—116).

Современники отмечали разность направлений журналов, в которых принимали участие Пушкин и Вяземский: «Но вот являются *Телеграф* и *Московский Вестник* с зародышами

западничества и славянофильства. Война завязалась не на живот, а на смерть»²¹¹.

Одной из причин неуспеха «Московского вестника» Погодин считает то, что он «[...] не употребил никакого старания, чтобы привлечь и обеспечить участие князя Вяземского, который перешел окончательно к “Телеграфу”, содействовал больше всех его успеху на первых порах своими остроумными статьями и любопытными материалами и обратил читателя на его сторону»²¹².

Первые фрагмент из этих воспоминаний Погодина увидел свет в «Русском архиве» 1865 г. под заглавием «Из воспоминаний о Пушкине»²¹³. По прочтении его 12 июня 1865 г. Вяземский из Царского Села писал к Погодину: «[...] вот моя автобиографическая заметка на то, что вы говорите обо мне в статье из воспоминаний о Пушкине. Я не перешел окончательно к *Телеграфу*, а напротив еще до вашего союза с Пушкиным обещаниями и условиями уже обязался неизменным и исключительным участием в *Телеграфе*. По тому не мог я поддаться настойчивым предложениям Пушкина быть с ним сотрудником в вашем журнале. Полевой по моему и Графа Михаила Виельгорского совету решился издавать *Телеграф*. В первый год издания Партизанничал я в нем вольным казаком, а на второй год уже завербовал себя ему на службу. Первое время имел я на него почти беспрекословное влияние, потом, когда Полевой стал влиять, а направление его было не согласно с моими мнениями и верованиями, я отказался решительно от *Телеграфа*. Условие наше с Полевым заключалось в том, что чистый барыш от *Телеграфа* будет нами поровну разделен. Долго после добился я от него следующей части, и то когда вмешался в это дело Жихарев»²¹⁴.

Эта «автобиографическая заметка» доставляет нам несомненное подтверждение того факта, что Пушкин неоднократно и настойчиво уговаривал Вяземского участвовать в «Московском вестнике». Вяземский отказался; несовпадение позиций в полемике о романтизме привело к дальнейшему размежеванию: Пушкин и Вяземский расходятся и примыкают к кружкам различного, даже противоположного направления. И тут же начинается встречное движение; как Пушкин разочаровался в любомудрах, так Вяземский — в Полевом. В «Литературной газете» они выступают союзниками.

Глава VIII.

Роман в стихах

«Евгений Онегин» занимает особое место в системе литературных притяжений Вяземского: ни одно другое литературное произведение не оказывало на его лирику столь сильное воздействие. Вместе с тем и сам Вяземский оказал значительное влияние на Пушкина — автора романа в стихах, и не только литературное. Вяземский — единственный литератор-современник, включенный в число действующих лиц «Евгения Онегина».

Лишь до некоторой степени мы можем восстановить тот объем сведений о пушкинском романе, которыми мог располагать Вяземский до первой после долгого перерыва встречи с Пушкиным в сентябре 1826 г. Важнейший их источник — письма Пушкина, однако немало известий доходило стороной.

4 ноября 1823 г. Пушкин пишет к Вяземскому из Одессы: «[...] я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница. В роде Дон-Жуана — о печати думать нечего; пишу спустя рукава» (Акад., т. 13, с. 73). Из этого Вяземский мог заключить, что приятель его увлечен новым замыслом; что замысел этот связан с ориентацией на творческий опыт автора «Дон-Жуана»; что новая вещь будет иметь сложности с цензурой²¹⁵. Видимо, в русле байронизма воспринял он и слова о «романе в стихах»: во всяком случае, переписка с Пушкиным не сохранила каких-то специальных обсуждений жанра «Евгения Онегина».

Вяземскому, кажется, Пушкин писал о своем романе первому. Дельвигу — через двенадцать дней, 16 ноября (Акад., т. 13, с. 75). Следующее упоминание, насколько знаем, — в письме к А.И.Тургеневу от 1 декабря 1823 г.: «[...] я на досуге пишу новую поэму, *Евгений Онегин*, где захлебываюсь желчью. Две песни уже готовы» (Акад., т. 13, с. 80). Это письмо должно было сделаться известным Вяземскому. Не исключено, что он узнал и о письме В.И.Туманского из Одессы к Кюхельбекеру

от 11 декабря 1823 г.²¹⁶ с припиской Пушкина о стихе из XII строфы II главы романа (Акад., т. 13, с. 81).

Следующий раз Пушкин пишет к Вяземскому об «Онегине» в начале апреля 1824 г. и развивает уже знакомый мотив предполагаемых затруднений с цензурой — и, опять-таки, видимо, впервые в своей переписке сообщает об издательских переговорах: «Сленин предлагает мне за Онегина, сколько я хочу. Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов. Дело стало за цензурой, а я не шучу, потому что дело идет о будущей судьбе моей, о независимости — мне необходимой. Чтоб напечатать Онегина, я в состоянии — — — т.е. или рыбку съесть, или на [—] сесть. Дамы принимают эту поговорку в обратном смысле. Как бы то ни было, готов хоть в петлю» (Акад., т. 13, с. 92)²¹⁷.

7 июня, в день приезда в Одессу В.Ф.Вяземской, Пушкин в письме к Вяземскому выражает надежду на возможность напечатания своего романа: «С женою отошлю тебе 1-ю песнь Онегина. Авось с переменой министерства она и напечатается» (Акад., т. 13, с. 97). 16 июня к Вяземскому пишет С.Г.Волконский: «Пушкин пишет “Онегина” и занимает собою и стихами всех своих приятелей» (ЛН, т. 58, с. 166). В письме к Вяземскому от 24—25 июня Пушкин вновь упоминает об «Евгении Онегине» (Акад., т. 13, с. 100). Около этого времени начинают поступать известия о работе Пушкина над романом в стихах от В.Ф.Вяземской. 27 июня она пишет к мужу: «[...] он слишком занят и главное слишком увлечен, чтобы заниматься чем-нибудь, кроме своего Онегина, который, по моему мнению, второй Чайльд-Гарольд: молодой человек, дурной жизни, портрет и история которого частью должны походить на автора. Он мне читал несколько отрывков, так как это не может быть прочитано целиком; говорят, что эта поэма очень непристойна: она полна эпитграмм против женщин, но в ней в некоторых описаниях встречается прелесть его первых стихов»²¹⁸.

26 июля Вяземский замечает в письме к А.И.Тургеневу: «Жена его (Пушкина. — Д.И.) видит [...]; рассказывает, что он очень занят своим “Онегиным”» (ОА, т. 3, с. 61). В письмах Тургенева к Вяземскому также находим упоминания о пушкинском романе. 22 августа Тургенев писал: «В “Онегине”, жалуясь на жестокость петербургских дам, Пушкин говорит:

И на бровях их надпись ада:

“Оставь надежду навсегда”» (ОА, т. 3, с. 79).

В начале двадцатых чисел сентября Пушкин посылает отрывок из своего романа к Дельвигу для «Северных цветов»²¹⁹, а в конце октября пишет к Плетневу: «Беспечно и радостно полагаюсь на тебя в отношении моего *Онегина*! — созови мой Ареопаг, ты, Ж[уковский], Гнед[ич] и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорн[остью] при[му] его решение. Жалею, что нет между ва[ми] Бара[тынского]» (Акад., т. 13, с. 113). В это же время Пушкин пишет к В.Ф.Вяземской: «Что касается соседей, то [...] больше они мне не докучают — я слышу среди них *Онегиным*». И далее, о работе над романом: «Я нахожусь в наилучших условиях, чтобы закончить мой роман в стихах, но скука — холодная муза, и поэма моя не двигается вперед — вот, однако, строфа, которую я вам обязан — покажите ее князю Петру. Скажите ему, чтобы он не судил о целом по этому образцу» (Акад., т. 13, с. 114, 532). Какую строфу Пушкин переслал Вяземской — неизвестно.

В начале ноября первая глава «Евгения Онегина» пересылается с Л.С.Пушкиным из Михайловского в Петербург. Издавать роман будет Плетнев; Вяземский еще не знает этого — и пишет 6 ноября в Михайловское: «Собери все свои элегии и пришли их мне; можно их отдельно напечатать. Потом три поэмы. Там отрывки из *Онегина*; а уж под конец полное собрание» (Акад., т. 13, с. 118). В этом же письме Вяземский говорит о письме Татьяны и делает некоторые замечания: «Твое любовное письмо Тани: Я к вам пишу, чего же боле? прелесть и мастерство. Не нахожу только истины в следующих стихах: Но, говорят, Вы нелюдим. / В глуши, в деревне все вам скучно, / А мы ни в чем здесь не блестим! Нелюдиму то и должно быть не скучно, что они в глуши и ни чем не блещут. Тут противумыслие! —» (Акад., т. 13, с. 117). 29 ноября Пушкин отвечает и впервые говорит Вяземскому о том, кто будет издавать «Евгения Онегина»; впрочем, имя Плетнева не упоминает: «Брат увез *Онегина* в П[етер] Б[ург] и там его напечатает. Не сердись, милый: чувствую, что в тебе теряю вернейшего попечителя, но в нынешние обстоятельства всякой другой мой издатель невольно привлечет на себя внимание и неудовольствия. Дивлюсь, как письмо Тани очутилось у тебя. №3 истолкуй это мне. Отвечаю на твою критику: Нелюдим не есть мизантроп, т.е. ненавидящий людей, а убегающий от людей. Онегин нелюдим для деревенских

соседей; Таня полагает причиной тому то, что в глуши, в деревне все ему скучно, и что блеск один может привлечь его ... если впрочем смысл и не совсем точен, то тем более истины в письме; письмо женщины, к тому же 17 летней, к тому же влюбленной!» (Акад., т. 13, с. 125).

Между тем «Онегин» читается в «ареопаге» и принимается восторженно. 12[?] ноября к Пушкину пишет Жуковский: «Читал *Онегина* и Разговор, служащий ему предисловием: несравненно! По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе» (Акад., т. 13, с. 120).

Начинают поступать известия к Вяземскому. 2 декабря отозвался Карамзин — благожелательно, но сдержанно: «Живо, остроумно, но не совсем зрело»²²⁰. Из письма А.А.Бестужева от 12 января нового 1825 г. Вяземский узнает о том, что первая глава романа пропущена цензурой (ЛН, т. 60, кн. 1, с. 228). Вяземский же не торопится писать Пушкину; конечно, он задет письмом от 29 ноября. «Что ты замолк?» — начинает Пушкин письмо свое к Вяземскому от 25 января и впервые упоминает об участии Плетнева в издании своего романа: «*Онегин* печатается; брат и Плетнев смотрят за изданием; не ожидал я, чтоб он протерся сквозь цензуру — честь и хвала Шишкову!» (Акад., т. 13, с. 135). Вскоре пишет к Вяземскому Лев Сергеевич: «Вы скоро увидите печатанную первую главу “Онегина”, которую цензура, сверх всякого чаяния, пропустила. В одном из примечаний, присоединенных к Онегину, было место убийственное для Василия Львовича; мне очень хотелось сохранить его, но брат, как добрый племянник, его выпустил, а жаль»²²¹.

«Печатанная первая глава» вышла в свет 16 февраля (Летопись-2, с. 504). 17 февраля А.И.Тургенев пишет к Вяземскому: «Передо мною рукопись “Онегина”. Брат поэта сказывал мне, что завтра будет он весь отпечатан. Пришлю [...]. Грустно по Москве, особливо, когда думаю о вас: Не там ли я в былые годы / Провел в бездействии, в тиши, / Мои счастливейшие дни» (ОА, т. 3, с. 95—96).

О Пушкине, возможно, и о его романе, около этого времени рассказывает Вяземскому Пуцин, побывавший в январе в Михайловском. 18 февраля Пуцин говорит в письме к Пушкину: «Много знакомых твоих и любопытных о тебе спрашивают. Я по возможности удовлетворю их любопытству. Между прочим И.И.Дмитриев меня забросал вопросами за обедом у Вяземского» (Акад., т. 13, с. 144).

19 февраля к Вяземскому писал Пушкин: «*Онегин* напечатан, думаю, уже выступил в свет. Ты увидишь в Разг[оворе] Поэта и Книг[опродавца] мадригал кн. Шаликову. Он милый поэт, человек достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна. Он имянно поэт прекрасного пола» (Акад., т. 13, с. 144). В эти дни Вяземский получает экземпляр первой главы пушкинского романа. «Я сказал больному [Вяземскому], что получил от тебя *Онегина*. — И мне прислали, — отвечал он» (РА, 1901, № 6, с. 167). Вяземский в это время тяжело болел — и болезнь его усиливало потрясение, пережитое им в связи со смертью сына Николая, скончавшегося 9 января в возрасте шести лет²²².

Пушкин узнал о трагических событиях в доме Вяземских, по-видимому, в двадцатых числах марта, когда получил письмо от В.Ф.Вяземской. 24 марта он отвечал ей: «Надеюсь, что в настоящее время князь и дети уже выздоравливают. Так как “*Онегин*” может его развлечь, я немедленно начну его переписывать и пришлю ему. Напишу также брату, чтобы он выслал ему все, что найдет у себя из моих стихов. Только прошу князя сохранить все это для себя лично и никому ничего не читать” (Акад., т. 13, с. 534). Через три дня Пушкин писал к брату: «Об Вяз[емском] получил известие. Перешли ему, душа моя, все, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений. Этим очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтенъебесия». Здесь же следовало и еще одно поручение: «Когда пошлешь стихи мои Вяземскому, напиши ему, чтобы он никому не давал, потому что эдак меня опять обокрадут — а у меня нет родительской деревни с соловьями и с медведями» (Акад., т. 13, с. 158). В конце марта — начале апреля следует еще одно письмо к Вяземскому: «Брат перешлет тебе мои стихи, я переписываю для тебя “*Онегина*” — желаю, чтоб он помог тебе улыбнуться. В первый раз улыбка читателя те sourit (извини эту плоскость: в крови!). А между тем будь мне благодарен — отроду ни для кого не переписывал, даже для Голицыной — из чего следует, что я в тебя влюблен, как Кюхельбеккерской Державин в Суворова» (Акад., т. 13, с. 159).

Пушкин переписывает для Вяземского вторую главу своего романа; скоро приходит письмо об его выздоровлении: «Вяземский совсем поправился, начал выезжать, — читаем в письме Пущина от 2 апреля. — Все тузы московские тебе

кланяются и с большим удовольствием читают *Онегина*» (Акад., т. 13, с. 159).

В письме Пушкина к Вяземскому от 7 апреля — вновь упоминание о второй главе романа: «Онегина переписываю. Немедленно и он явится к тебе» (Акад., т. 13, с. 160). Вскоре в Михайловское приезжает Дельвиг; о намерении его навестить опального поэта А.И.Тургенев сообщал Вяземскому еще 20 февраля (ОА, т. 3, с. 98). С Дельвигом и посылает Пушкин к брату вторую главу «Евгения Онегина» для передачи Вяземскому. В тетради с текстом этой главы — приписка для Льва Сергеевича: «Доставь это Вяземскому, повторив просьбы, чтобы он никому не показывал, да и сам не пакости» (Акад., т. 13, с. 165). Повторяет просьбы и сам Пушкин, замечая в письме к Вяземскому тогда же, в двадцатых числах апреля: «Дельвиг у меня. Через него пересылаю тебе 2 главу Онегина (тебе единственно и только для тебя переписанного)» (Акад., т. 13, с. 165).

Пушкин в это время работает над четвертой главой «Евгения Онегина» и пишет к брату 22 и 21 апреля: «[...] Толстой явится у меня во всем блеске в 4-й песне “Онегина”, если его пасквиль этого стоит, и посему попроси его эпиграмму и пр. от Вяземского (непрерменно)» (Акад., т. 13, с. 169)²²³. Переслал ли Вяземский эпиграмму Толстого²²⁴ к Пушкину, неизвестно, однако впоследствии много способствовал их сближению после расстроенной С.А.Соболевским дуэли в 1826 г.

Между тем Вяземский ждет обещанных стихов и второй главы романа, которые надолго задерживаются в Петербурге. 2 мая из Петербурга пишет А.И.Тургенев: «Прислал Пушкин. — Д.И.) вторую часть “Онегина”. Говорят, лучше первой» (ОА, т. 3, с. 119).

4 мая Тургенев сообщает: «Пушкин написал вторую часть “Онегина”, которую сегодня буду слушать» (там же, с. 121). Лев Сергеевич, конечно, забыл наставления брата — и блистает в обществе его стихами. 8 мая Тургенев вновь пишет к Вяземскому: «Вторую часть “Онегина” хотел Дельвиг и Лев Пушкин послать тебе с братом (С.И.Тургеневым. — Д.И.). Не знаю, успеют ли? Лучше первой. Тут же получишь и оду на графа Хв[остова], и Байрона с примечаниями» (ОА, т. 3, 123). «Потешить ли тебя двумя строфами из второй части “Онегина”? — читаем в письме А.И.Тургенева к Вяземскому от 13 мая. — Но вся часть тебе принадлежит, а добиться не мог. Если же получил, то пришли сюда: у меня нет. И ода гр[афу]

Хвос[тову] + лорд Байрон для тебя уже им списаны» (там же, с. 125). В следующем письме, от 18 мая, Тургенев обыгрывает текст из XXXV строфы главы романа, предполагая, очевидно, что Вяземский уже получил ее: «У каждой дамы по букету у куверта (речь идет о бале у французского посла. — Д.И.). Жаль, что не накануне была: они могли бы на сих цветах уронить слезки три, зевая, слушая молебен» (там же, с. 126). Еще 29 марта Вяземский замечал в письме к Тургеневу: «Александр Пушкин пишет мне, что он велел Льву-брату выслать стихи ко мне; благоволи непременно напомнить ему о том и сказать, что жду не дождусь» (там же, с. 119; ср.: Модзалевский, т. 1, с. 420). Но и в конце мая, 27-го, остается только вопрошать: «Что же стихи Пушкина?» (ОА, т. 3, с. 129).

Вяземский собирается в Петербург; Пушкин узнал об этом, по-видимому, из письма И.И.Козлова от 31 мая: «Я очень часто вижусь с вашим братом и со всеми нашими друзьями; Баратынский должен приехать через несколько дней, также и Вяземский, зато Тургенев уезжает, это не вознаграждаемая потеря» (Акад., т. 13, с. 537). Об отъезде своем из Москвы в Петербург и Ревель Вяземский писал к Пушкину 7 июня. Из этого же письма узнаем, что Вяземский получил наконец вторую главу «Евгения Онегина». Однако в оценке ее он разошелся с Тургеневым: «Я получил вторую часть «Онегина» и еще кое-какие безделки. Онегиным я очень доволен, т.е. многим в ней, но в этой главе менее блеска, чем в первой, и потому не желал бы видеть ее напечатанной особняком, а разве с двумя, тремя или по крайней мере еще одною главою. В целом или в связи со следующим она сохранит в целостности свое достоинство, но боюсь, чтобы она не выдержала сравнения с первой, в глазах света, который не только равного, но и лучшего требует» (Акад., т. 13, с. 180).

Через несколько дней Вяземский окунулся в литературную жизнь Петербурга, которая бурлила как никогда, и, вероятно, не один раз принял участие в обсуждении пушкинских произведений, в том числе второй ненапечатанной главы «Евгения Онегина», которая читалась и переписывалась, цитировалась в беседах и письмах и не переставала быть животрепещущей новостью.

13 июля к Вяземскому пишет Пушкин и упоминает о третьей главе своего романа, впрочем, не называя ее — а Вяземскому только предстоит, если он вспомнит впоследствии

об этом пушкинском письме, «узнать» указание на строфы XXVI—XXIX этой третьей главы в следующих пушкинских строчках: «[...] русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться на подобии французского [...]. Об этом есть у меня строфы 3 и в Онег[ине]» (Акад., т. 13, с. 187).

Вторая глава романа делается все более известной — Пушкин же не торопится ее печатать. Отказываясь в письме к Вяземскому от начала июля 1825 г. от сотрудничества в «Московском телеграфе» и позволяя отправить к Полевому несколько стихотворений («что тебе попадет»), он подчеркивает: «кроме Онегина» (Акад., т. 13, с. 185). Пушкин уверен, что Вяземский получил от Льва Сергеевича переписанные стихи. «Брат писал мне, что [...] он переписал для тебя мои стихи» (там же, с. 187). Однако это не вполне так: в письме Вяземского к Пушкину из Ревеля от 4 августа читаем: «У меня до сей поры твоих стихов только вторая часть Онегина, вторая часть Хвостова и еще две безделки. О других стихах слышу, но рука не имеет» (Акад., т. 13, с. 200).

16 и 18 октября Вяземский пишет к Пушкину и говорит о Погодине, который издает альманах «[...] в Москве на будущий год»: «Дай ему что-нибудь из Онегина или что-нибудь из мелочей» (Акад., т. 13, с. 239). Пушкин задержится с ответом, и 23 ноября Погодин будет писать к Вяземскому в Остафьево: «Наконец, в ожидании ответа от Пушкина, не позволите ли вы сами напечатать хотя двадцать стихов, вами назначенных, из второй главы *Онегина*?» (Барсуков, т. 2, с. 32). Вскоре, впрочем, ожидания Погодина наконец завершаются обретением пяти эпиграмм, которые Пушкин пересылает Вяземскому в письме от конца ноября — начале декабря (Акад., т. 13, с. 245—246).

Разрешение печатать отрывки из романа получает Дельвиг — и пишет 22 ноября к Вяземскому: «Велите мне списать или перепоручите это Баратынскому два отрывка из 2-й песни «Онегина». Какие? вы увидите из приложенного письма Пушкина ко мне» (Дельвиг-1986, с. 307). Вяземский был в Остафьево и немного задержался с ответом. Отвечал же он Дельвигу через Баратынского (СН, кн. 5, с. 44). В начале февраля 1826 г. Дельвиг писал к Пушкину о распространении второй главы «Евгения Онегина», настаивал на необходимости печатать ее и сообщал о полученных отрывках из романа от Вяземского: «Твоя 2[-я] песня Онегина везде читается и

переписывается. Я не только что никому ее не давал, да и сам не имею. Твой экземпляр отдал Вяземскому, и для *Цветов* тобою назначенные куплеты его жена мне и переписала и прислала. Дела поправить нечем другим, как прислать ее с третьей к Плетневу и приказать печатать» (Акад., т. 13, с. 260). 14 апреля к Пушкину будет писать о второй главе и Плетнев (Акад., т. 13, с. 272). И вновь Дельвиг, во второй половине июня: «Из Онегина я взял то, что ты мне позволил, только у меня и переписано было, проч[ее] у Вяземского. Что ты не издаешь его»²²⁵.

«Евгений Онегин» — устойчивая тема в переписке Пушкина и Вяземского, живой источник «дружеской болтовни» и *bon mot*. Около 7 ноября 1825 г. Пушкин писал к Вяземскому и упоминал о своем герое: «Тамошний (псковский. — *Д.И.*) архиерей отец Евгений принял меня как отца Евгения» (Акад., т. 13, с. 240). 10 мая 1826 г. к Пушкину пишет Вяземский: «Что ты давно ничего не печатаешь? А Цыгане? А продолжение *Евгения*? Ты знаешь, что твой Евгений (Баратынский, письмо написано в день его свадьбы. — *Д.И.*) захотел продолжиться и женится на соседке моей Энгельгардт, девушке любезной [...]» (там же, с. 276).

Подчас Пушкин связывает обстоятельства своего пребывания в Михайловском с работой над романом — как в письме к Вяземскому от 27 мая: «[...] мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. В 4-ой песне *Онегина* я изобразил свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь с милой улыбкой: где ж мой поэт? в нем дарование приметно — услышишь, милая в ответ: он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится — ай-да умница» (Акад., т. 13, с. 280).

Последнее упоминание об «Евгении Онегине» в переписке Пушкина и Вяземского до их встречи в Москве — в письме последнего от 31 июля из Ревеля: «Что [...] твой Евгений?» (Акад., т. 13, с. 299). Вяземский ждет последующих глав, его интерес к роману в стихах нарастает.

* * *

«Лето 1826 г. князь Вяземский провел в Ревеле с осиротевшею семьею Карамзиных. Княгиня оставалась в Москве. Возвращенный Пушкин тотчас явился к ней. Из его рассказа о свидании с царем княгиня помнит заключительные

слова: “Ну теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин”. К последним праздникам коронации возвратился в Москву князь Вяземский. Узнав о том, Пушкин бросился к нему, но не застал дома, и когда ему сказали, что князь уехал в баню, Пушкин явился туда, так что первое их свидание после многолетнего житья в разных местах было в номерной бане» (Пушкин в воспоминаниях — 2, т. 2, с. 178).

С этого времени Вяземский в большей, чем прежде, степени знаком с пушкинскими замыслами и трудами. Переписка, вплоть до отъезда Пушкина в начале ноября в Михайловское, конечно, прекращается. Во второй половине сентября — октябре Вяземский, как следует предположить, знакомится с несколькими последующими главами «Евгения Онегина» (по-видимому, третьей, четвертой и пятой). 1 декабря из Пскова пишет Пушкин, и из письма его можно было заключить об окончании шестой главы: «В деревне я писал презренную прозу, а вдохновение не лезет. Во Пскове вместо того, чтобы писать 7-ую гл. Онегина, я проигрываю в штос четвертую: не забавно» (Акад., т. 13, с. 310). В середине декабря Пушкин возвращается в Москву — и вскоре Вяземский уже читает шестую главу. 6 января нового 1827 г. он извещает А.И.Тургенева, пребывающего в Дрездене: «Пушкин кончил шестую песнь Онегина» (АБТ, вып. 6, с. 55).

Вторая глава романа уже напечатана; вышла в свет около 20 октября 1826 г. Третья — выйдет 10—11 октября 1827 г. 12 и 18 ноября 1827 г. Вяземский замечает в письме к Тургеневу: «Пишу Жуковскому, чтобы он прислал тебе стихотворения Боратынского и третью часть Онегина» (ОА, т. 3, с. 168). В первых числах февраля 1828 г. выходят в свет четвертая и пятая главы, напечатанные вместе, 23 марта — шестая глава. 18 апреля 1828 г. Вяземский пишет к Тургеневу: «Пушкин посылает тебе с Ломоноссиком шесть частей “Онегина” [...]» (АБТ, вып. 6, с. 55). Седьмая глава выйдет в свет 18—19 марта 1830 г., однако отрывки из нее были помещены в первом номере «Московского вестника» 1828 г. и приобрели известность. 26 июля 1828 г. Вяземский пишет к Пушкину из Пензы: «Здесь есть милая бабочка, Всеволожская Пелагея Николаевна, и один Вигель, который влюблен в нее: его в Пензе прозвали: Мосье Финмуш» (Акад., т. 14, с. 24). В том же письме — о критике на «Евгений Онегин» маленького князя, Павла Петровича: «Я у Павлуши нашел в тетради: Критика на *Евгения Онегина* и по началу можно надеяться,

что он нашим критикам не уступит. Вот она: И какой тут смысл: *Заветный вензель О да Е*. В другом же месте он просто приводит твой стих: *Какие глупые места. L'enfant promet*. Булгарин и теперь был бы рад усыновить его *Пчеле*» (там же, с. 25). 1 сентября Пушкин отвечает: «[...] критика кн. Павла веселит меня, как прелестный цвет, обещающий со временем плоды. Попроси его переслать мне свои замечания; я буду на них отвечать непременно» (там же, с. 27). Через некоторое время Пушкин получил эти замечания — и писал в конце января 1830 г. к Вяземскому: «Кланяюсь всем твоим и грозному моему критику Павлуше. Я было написал на него ругательную Антикритику, слогом Галатеи — взяв в эпиграф Павлуша медный лоб приличное названье! собирался ему послать, не знаю куда дел» (там же, с. 62). В начале 1829 г. выходит «Невский альманах» на 1829 г. Е.В.Аладьина, в котором помещены несколько иллюстраций к «Евгению Онегину» А.В.Нотбека. Иллюстрации были неудачны и удостоились двух пушкинских эпиграмм: «Вот перешедь чрез мост Кокушкин» и «Пупок чернеет сквозь рубашку» (Акад., т. 13, с. 165). Последняя в первых двух стихах представляла собой стихотворное переложение иронических замечаний Вяземского, которые находим в письме его к Пушкину от 23 февраля и 10 марта 1829 г.: «Какова твоя Татьяна пьяная в Невском Альманахе с титькою на выкате и с пупком, который сквозит из-под рубашки? Если выдаешь Аладьина [...] скажи ему, чтобы он прислал мне свой *Невский альманах* в Пензу: мне хочется вводить им в краску наших пензенских барышень. В Москве твоя Татьяна всех пугала» (Акад., т. 14, с. 40). В марте следующего, 1830 г., выходит седьмая глава, и 25 апреля Вяземский пересылает ее А.И.Тургеневу (ОА, т. 3, с. 192). Наконец в январе 1832 г. появляется восьмая, заключительная глава романа. Около 25—26 января Вяземский пишет к Пушкину: «У меня есть оказия в Москву. Пришли мне Онегина для жены и для Дмитриева. Дмитриевский экземпляр ты отдал Элизе. Да, ради Христа, дай уж один экземпляр и Тургеневу, чтобы ему с горя с ним повозиться и поволочиться» (Акад., т. 15, с. 7). 1 февраля к Пушкину писал уже из Москвы И.И.Дмитриев и благодарил за полученную через Вяземского восьмую главу «Евгения Онегина».

Вяземский был посвящен в первоначальный план романа, согласно которому предполагалось написать девять глав, известны ему были и отрывки из неосуществленной, не вошедшей

в канонический текст «десятой» главы. 19 декабря 1830 г. Вяземский записал в дневнике: «Третьего дни был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок 8 и 9 главу Онегина, ею и кончает. Из 10-й предполагаемой читал мне строфы о 1812 г[оде] и следующих. Славная хроника. Куплеты: Я мещанин, я мещанин, эпиграмму на Булгарина за арапа. Написал несколько повестей в прозе, полемических статей, драматических сцен в стихах Дон-Жуана, Моцарта и Сальери. У вдохновенного Никиты, у осторожного Ильи» (Записные книжки, с. 208). Это важнейшее свидетельство о «десятой главе», и из него следует, что Пушкин, записав 20 октября 1830 г. о сожженной накануне «X песни» (Акад., т. 6, с. 526), не оставил над ней работу или намеревался продолжить ее: 19 декабря, как мы видели, десятая глава еще «предполагалась».

* * *

«Евгений Онегин» в глазах Вяземского — произведение русского романтизма. Жанр романа в стихах он рассматривает в контексте общих особенностей литературной эпохи. В письме Вяземского к И.И.Дмитриеву от 7 апреля 1829 г. читаем: «Надобно быть сложения плотного, а мы свойства тщедушного и нервического, как наша эпоха. Мы всегда и везде под влиянием минуты: нет на жизни нашей отражения единства, действия полного и непрерывного. Одним словом, мы — натуры романтической, а не классической: в нас нет запаса на Илиаду, сотканную целым куском; мы вытыкаем поэмы полотнищами, в строфах, и то еще с точками, с умолчаниями и белыми промежутками в основе» (РА, 1868, № 4, с. 603—604). Так характеризуется установка на фрагментарность, разомкнутость композиции, установка характерно романтическая. Точно ощутил Вяземский и значение пушкинского приема взаимоосвещения поэзии и прозы, который в значительной степени определил своеобразие композиции «Евгения Онегина». В письме Вяземского к А.И.Тургеневу от 6 января 1827 г. читаем: «Поэтическая живопись и прозаическая верность соединяются в одном ярком свете, в поразительной истине. Убитого Ленского сравнивает он с домом опустевшим: окна забелены, ставни закрыты — хозяйки нет, а где она, никто не знает (речь идет о строфе XXXII-й шестой главы. — Д.И.). Как это все сказано, как просто и сильно, с каким чувством» (АбТ, вып. 6, с. 55).

В восприятии Вяземского это едва ли не лучшие стихи «Евгения Онегина». «[...] смерть Ленского, все, что поэт говорит при это, — писал Вяземский в 1873 г., — может быть, в своем роде лучшие и трогательнейшие из стихов Пушкина» (Вяземский-1984, с. 287). При этом сам ход работы Пушкина над текстом, план романа соответствуют романтической модели. «[...] поэт не имел первоначально преднамеренного плана, — читаем в той же статье 1873 г., — [...] писал “Онегина” под вдохновением минуты и под натиском впечатления, следовавшим одно за другим» (Вяземский-1984, с. 286).

Отмечено Вяземским и важнейшее, может быть, открытие Пушкина — самодвижение характеров: «Письмо и разговор Татьяны не отзываются авторством: в них слышится женский голос, гибкий и свежий. Автор сказывал, что он долго не мог решиться, как заставить писать Татьяну без нарушения женского единства и правдоподобия в слог: от страха сбиться на академическую оду думал написать письмо прозой, думал даже написать его по-французски; но наконец счастливое вдохновение пришло кстати, и сердце женское запросто и свободно заговорило русским языком, не задерживая и не остужая выражения чувства справками со словарем Татищева и граматикою Мещерского»²²⁶.

* * *

Переключки «Евгения Онегина» с творчеством Вяземского многообразны. Это прежде всего реминисценции из «Первого снега», впервые отмеченные еще М.Н.Лонгиновым²²⁷. Прямое указание на это стихотворение Вяземского в третьей строфе пятой главы (Акад., т. 6, с. 97, 193) породило одну из наиболее продолжительных дискуссий в пушкиноведении, дискуссию о наличии — отсутствии в этих стихах полемики с творческой манерой Вяземского, и, шире, с «роскошным слогом»²²⁸. «Это не столько комплимент Вяземскому, — читаем у Г.А.Гуковского, — сколько полемика с поэтом того стиля, который был осужден Пушкиным в образе Онегина и его среды. Отсюда “высокая” стилистика рядом с симпатиям к облучкам, Жучкам и тулупам, звучащая почти пародийно, и изыск — “согретый вдохновенья богом”, “роскошный слог”, и “неги”, имеющие к тому же разнообразные оттенки. Далее Пушкин прямо отказывается от манеры Вяземского, заодно и Баратынского: Но я бороться не намерен / Ни с ним покаместь, ни с тобой, /

Певец Финляндки молодой!»²²⁹. К сходным заключениям приходили в разное время П.М.Бицилли, Б.С.Мейлах, Г.П.Макогоненко, Ю.М.Лотман. Противоположной точки зрения придерживались М.И.Гиллельсон, К.И.Соколова, Г.М.Фридлиндер. «Полемики, направленной против “роскошного слога” и “тонких оттенков” элегии Вяземского, у Пушкина, разумеется, нет», — подчеркивал Г.М.Фридлиндер²³⁰.

Наиболее точен, как кажется, Вяземский, записавший на полях одного из изданий пушкинского романа у III строфы пятой главы: «Пушкин тут подтрунивает надо мной и над моим “Первым снегом”» (РА, 1887, № 3, с. 577). Комплиментарный контекст не заслонил в восприятии Вяземского пушкинскую иронию. К тому же не исключено, что сама формула «роскошный слог» имела иронический смысл²³¹. Отметим еще, что самый стиль начала пятой главы противоречил «роскошному слогу». Это подчеркнул Ю.М.Лотман: «Несмотря на комплиментарный контекст, начало пятой главы имеет полемический характер по отношению к традиции элегического изображения русской зимы и картин северной природы»²³².

В 1833 г. эта полемика продолжится в «Осени»: «Но надо знать и честь; полгода снег да снег, / Ведь это наконец и жителю берлоги, / Медведю, надоест. Нельзя же целый век / Кататься нам в санях с Армидами младыми» (Акад., т. 3, с. 319). И.Н.Розанов отмечал, имея в виду историю развития пушкинского отношения к «Первому снегу» Вяземского: «Но генеральное сражение Пушкин дает в своей знаменитой “Осени”» (Розанов, с. 12). Основной смысл пушкинской полемики исследователь видел в том, что «Пушкин заступился за свою любимую пору и превознес ее между прочим именно за смирение»²³³. Вяземский прилагает к “Осени” эпитет “скучная”, Пушкин же говорит: “Дни поздней осени бранят обыкновенно, / Но мне она мира, читатель дорогой, / Красою тихую, блистающей смиренно, / Как нелюбимое дитя в семье родной, / К себе меня влечет...” В следующей затем октаве мы находим у Пушкина знаменитое сравнение осени с чахоточной девицей, безропотно ждущей кончины. Сравнение это не может считаться у Пушкина вполне оригинальным: основную мысль, он имел в “Первом снеге”, в стихотворении, которое ему нравилось, и есть основание утверждать, что он знал его наизусть. У Вяземского при описании осени говорится: «Природа бледная, с унылостью в чертах, / Поражена была томлением кончины» (Розанов, с. 13).

Эти наблюдения могут быть дополнены. В пушкинской «Осени» 1833 г. действительно налицо завершение творческих переключек с «Первым снегом» Вяземского — во второй и третьей строках. Но что касается пушкинского объяснения душевной привязанности к «унылой поре», то указание на два стиха «Первого снега» представляется необубедительным.

В «Осени» Пушкин учитывал традицию изображения осенней природы в русской лирике. Соединение мотивов осеннего увядания природы и смерти человеческой было вполне традиционным. Так, скажем, у М.В.Милонова («Падение листьев», перевод из Мильвуа) читаем: «Твое, о роща запустенье / Мне предвещает жребий мой, / И каждого листа в паденье / Я вижу смерть перед собой!»²³⁴. Сходным образом трактует ту же элегию Мильвуа Баратынский²³⁵.

Однако именно Вяземский разработал эту тему с особенной силой. Но, конечно, не в «Первом снеге».

В «Северных цветах» на 1831 год (с. 68) было напечатано стихотворения Вяземского «Осень 1830 года», написанное в Остафьеве, где Вяземский с семьей укрывался осенью 1830 г. от холеры. В нем отразилось подавленное настроение автора (Записные книжки, с. 194—195, запись от 3.X.1830). Пушкин, как можно предположить, ознакомился со стихотворением в декабре 1830 г.: «Уже при последних издыханиях холеры навестил меня в Остафьеве Пушкин. Разумеется, не отпустил я его от себя без прочтения всего написанного мною,» — читаем в «Автобиографическом введении»²³⁶.

Текст «Осени 1830 года» предваряет эпиграф из «Последнего дня осужденного» В.Гюго, а основной мотив пьесы — ощущение хрупкости, почти иллюзорности человеческого бытия перед угрозой извне, контраст между очарованием природы и предчувствием неизбежной смерти²³⁷. Картины осенней природы сливаются с раздумьями о гибели: «Средь пиршества земли, за трапезой осенней, / Прощальной трапезой, тем смертным драгоценней, / Что ночи мрак последует за ней, / Как веселы сердца доверчивых гостей». И далее: «Печальным облаком омрачена картина; / Тень грозной истины лежит на ней. Она / В хладеющую грудь проникнула до дна» (Вяземский-1986, с. 235).

Традиционная тема осеннего умирания природы необычайно остро и непосредственно связывается Вяземским с темой смерти человека; это, думается, и легло в основу пушкинского образа «чахоточной девы»: «Как это объяснить? Мне нравится она,

/ Как, вероятно, вам чахоточная дева / Порою нравится, На смерть осуждена, / Бедняжка клонится без ропота, без гнева. / Улыбка на устах увянувших видна; / Могильной пропасти она не слышит зева; / Играет на лице еще багровый цвет. / Она жива сегодня, завтра нет» (Акад., т. 3, с. 319—320). Подчеркнем, однако, что мы имеем дело именно с творческим импульсом, а не с непосредственным воспроизведением текста Вяземского или указанием на него²³⁸. Причем у Пушкина на первый план выступают осенние картины, а тема смерти отодвигается на второй; у Вяземского — наоборот.

На этом взаимодействие «Осени» Пушкина с «Осенью...» Вяземского не кончается. У Вяземского читаем: «Как осень хороша! как чисты небеса! / Как блекнут и горят янтарные леса! / В оттенках золотых, в багряных переливах! Как сердцу радостно раскрыться и дышать, / Любуясь кругом на божью благодать» (Вяземский-1986, с. 234). Напомним седьмую строфу пушкинского стихотворения: «Унылая пора! Очей очарованье! / Приятна мне твоя прощальная краса. / Люблю я пышное природы увяданье, / В багрец и золото одетые леса, / В их сенях ветра шум и свежее дыханье, / И мглой волнистою покрыты небеса» (Акад., т. 3, с. 320). Здесь сохранена и усилена рифма Вяземского («небеса» — «леса»; у Пушкина еще и «краса»), точно воспроизведен цветовой ряд (В оттенках золотых, в багряных переливах! — В багрец и золото одетые леса). Очевидны и различия. «Темный изумруд» сосновых ветвей из «Первого снега» стилистически соответствует «янтарным лесам» в «Осени 1830 года»²³⁹, сохранившей все особенности «роскошного» слога.

И.Н.Розанов полагал, что Пушкин оспаривал Вяземского, «приложившего к “Осени” эпитет “скучная” в “Первом снеге”». Пушкин, вероятно, помнил об этом — но в «Осени» спорил, насколько позволяет судить текст, с Н.М.Языковым, в стихотворении которого «Зима пришла» (декабрь 1823 — январь 1824) читаем: «Воспитанник лесной Дианы / Душою радуясь, глядит, / Как помертвелые поляны / Зима роскошно серебрит; / Порою осени унылой / Ходить с ружьем совсем не мило» и т.д.²⁴⁰. У Пушкина — точная цитата: «Унылая пора». Это, конечно, не значит, что, возражая Языкову, Пушкин не мог иметь в виду и Вяземского.

Так в «Осени» 1833 г. Пушкин заканчивал тот диалог с Вяземским, который начался в пятой главе «Евгения Онегина»

— заканчивал, воспроизводя элементы роскошного слога в ином контексте, включая их другую стилистическую системы.

Отметим еще, что давно полюбившаяся Пушкину строчка из «Первого снега» «И жить торопится и чувствовать спешит» появляется в 1833 г. в первом отдельном издании романа в стихах и при переиздании первой его главы²⁴¹. Записывает эту строчку Пушкин и на одном из планов издания «Евгения Онегина» (Рукою Пушкина, с. 248).

Присутствует в романе (строфа XXXIV седьмой главы) и реминисценция из «Станции» Вяземского; в примечании к первому стиху этой строфы Пушкин приводит стихи с 16 по 35 из этого стихотворения²⁴².

Вяземский, как подчеркивал еще Н.И.Розанов, вводится и в число действующих лиц романа: «У скучной тетки Таню встрета, / К ней как-то В[яземский] подсел / И близ него ее заметя, / Об ней, поправя свой парик, / Осведомляется старик» (Акад., т. 6, с. 160)²⁴³.

* * *

В свою очередь, Вяземский испытал воздействие пушкинского романа в собственном творчестве.

Стиль «Станции» (1825) и «Коляски» (1826) складывался под влиянием первых глав «Евгения Онегина»²⁴⁴. В заключительных строках «Коляски» — прямое указание на текст посвящения к пушкинскому роману: «Друзья! Боюсь, что бег мой дальний / Не утомил вас, если вы, / Простя мне пыл первоначальный, / Дойдете до конца главы / Полупустой, полуморальной, / Полусмешной, полупечальной»²⁴⁵. Цитату из посвящения находим и в стихотворении «Примите белые листы» (1830): «Примите белые листы, / Немые, тайные скрижали / И поэтической печали, / И поэтической мечты. / Веряйте им надежд заботы, / Преданья, звуки старины, / Ума холодные итоги, / И сердца горестные сны»²⁴⁶. В «Станции» упоминаются 30—34 строфы первой главы «Евгения Онегина»²⁴⁷. Отразились в поэзии Вяземского и некоторые поэтические формулы пушкинского романа. Так, например, в XLVI строфе первой главы читаем: «Дыханьем ночи благосклонной / Безмолвно упивались мы» (Акад., т. 6, с. 24). Вариация того же мотива — в «Отрывках из Путешествия Онегина»: «И бездыханна и тепла / Немая ночь» (там же, с. 205). Мотив этот был известен русской поэзии до Пушкина

(Виноградов, с. 28—29), но с его именем связывался в сознании Вяземского, который писал к жене 1 сентября 1833 г.: «Дни светлые, ночи теплые, бездыханные, по выражению Пушкина, или сладкодышащие» (ЛН, т. 16/18, с. 807). Через семь лет образ «дышащей» или «сладкодышащей» ночи войдет в стихотворение Вяземского «Петербургская ночь» (1840): «Дышит счастьем, / Сладострастьем / Упоительная ночь! Ночь немая, / Голубая, / Неба северного дочки!» (Вяземский-1986, с. 268). Здесь сохранен, как видим, и еще один пушкинский эпитет: «немая» ночь.

Сказывалась и близость литературной ориентации. Пушкин в XXXI строфе второй главы цитирует Шатобриана: «Привычка свыше нам дана: / Замена счастью она» (Акад., т. 6, с. 45). В стихотворении «На прощанье» (1855) Вяземский почти совершенно точно цитирует Пушкина: «Привычка мне дана в замену счастья» (Вяземский-1986, с. 338). Формула Шатобриана-Пушкина не потеряла актуальность для Вяземского и в дальнейшем: его стихотворение «Год новый встреча с беспристрастьем...» (1861) представляет собой развернутую вариацию на тему, заданную этой формулой.

Отметим еще, что как Вяземский появился ненадолго в пушкинском романе в качестве действующего лица, так и герой этого романа мелькнул у Вяземского в «Святочной шутке» (1830): «Он романтический прелестник / Или классический ворчун? / Кто сват его: Европы ль Вестник, / Или Онегин, наш шалун?» (Вяземский-1986, с. 226).

«Евгений Онегин», можно полагать, подтолкнул Вяземского к переводу романа Бенжамена Констан «Адольф». В предисловии к роману Вяземский характеризует заглавного героя как героя времени и цитирует Пушкина: «Адольф не идеал. Б.Констан и авторы еще двух — трех романов,

В которых отразился век
И современный человек,

не льстивые живописцы изучаемой ими природы [...]. Характер Адольфа — верный отпечаток времени своего. Он прототип Чайльд-Гарольда и многочисленных его потомков». К числу этих «многочисленных потомков» принадлежит, конечно, и пушкинский роман в стихах. «В этом отношении, — продолжает Вяземский, — творение его не только роман сегодняшний [...], подобно новейшим светским, или гостинным, романам, но еще более роман века сего»²⁴⁸.

«Адольф», по мысли Вяземского, — своеобразный предшественник «Евгения Онегина», поэтому мы вправе видеть в характеристике романа Констан косвенное отражение взглядов Вяземского на пушкинский роман: «Автор не прибегает к драматическим пружинам, к многосложным действиям, к сим вспомогательным пособиям театрального, или романического мира [...]. Вся драма в человеке, все искусство в истине»²⁴⁹. Эти строки напоминают отзыв о «Евгения Онегина» Баратынского²⁵⁰, который сошелся с Пушкиным в оценке значения перевода Вяземского.

О не вышедшем еще в свет этом переводе Пушкин писал в «Литературной газете»: «Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенж.Констана. “Адольф” принадлежит к числу двух или трех романов, В которых отразился век, / И современный человек / Изображен довольно верно, / С его безнравственной душой, / Себялюбивой и сухой, / Мечтаньям преданный безмерно, / С его озлобленным умом, / Кипящим в действии пустом.

Бенж.Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона. С нетерпением ожидаем появления сей книги. Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы»²⁵¹.

Проблема метафизического языка — центральная в письмах Баратынского. Летом 1829 г. он писал к Вяземскому: «Чувствую, как трудно переводить светского Адольфа на язык, которым не говорят в свете, но надобно вспомнить, что им будут когда-нибудь говорить и что выражения, которые нам теперь кажутся изысканными, рано или поздно будут обыкновенными. Мне кажется, что не должно пугаться неупотребительности выражений и стараться только, чтобы коренной их смысл совершенно способствовал мысли, которую хочешь выразить. Со временем они будут приняты и войдут в ежедневный язык». «[...] для меня чрезвычайно любопытен перевод светского, метафизического, тонко чувственного Адольфа на наш необработанный язык, и перевод вашей руки, - читаем в письме Баратынского к Вяземскому от 20 декабря 1829 г. — [...] я уверен в нашем успехе, и этот успех должен быть эпохальным для нашей словесности». Близость этих

суждений к пушкинской заметке в «Литературной газете» дала повод Б.В.Томашевскому предположить, что, составляя свой текст, Пушкин «имел перед глазами это письмо» Баратынского²⁵². О языке перевода Баратынский говорит и в следующем письме к Вяземскому, от 24 января 1830 г.²⁵³

Связывал свой перевод с задачей создания языка русской психологической прозы и сам Вяземский в предисловии к роману. В этом отношении «Вяземский-переводчик оказался на основном направлении литературных интересов Пушкина» (Гиллельсон, с. 185).

Вместе с тем заметки и статьи, предназначенные для публики, не лишённые, вероятно, полемического подтекста²⁵⁴, демонстрировали единство подхода к роману Констанана, сходство в истолковании его литературного значения, но не были призваны отмечать несовпадения, отличительные особенности позиций литературных союзников.

Пушкин в приведенной выше заметке о переводе Вяземского усматривал значение этого перевода в побежденных трудностях «метафизического языка»: труд Вяземского «в сем отношении» — «важное событие».

Вяземский в предисловии к роману на первый план выдвигает характер героя Констанана, вообще исследование «сердца человеческого», и лишь во вторую очередь говорит о слоге Констанана и языке своего перевода как о важной, но все же второстепенной задаче: «К тому же кроме желанья моего познакомить русских писателей с этим романом имел я еще мне собственную цель: изучивать, оцупывать язык наш, производить над ним попытки, если не пытки, и выведать, сколько может он приблизиться к языку иностранному».

Этому смещению акцентов соответствует исторический подход Пушкина, ограничившего значение характера, впервые выведенного Констананом, эпохой Байрона. Вяземский же, вполне осознавая, конечно, преемственность от Констанана к Байрону, подчеркивал, что «Адольф» — «роман века сего» и в этом качестве не может ни устареть до времени, ни даже уступить в своем значении.

В глазах Вяземского «Евгений Онегин» может быть сближен с «Адольфом», но «Евгений Онегин» не может заслонить «Адольфа», как не приуменьшили его значение опыты Байрона. Более того, если роман Констанана рассматривался Вяземским «решительно» как «превосходнейший [...] в своем роде», то пушкинский роман он никогда не считал образцовым. «Оне-

гин” хорош Пушкиным, но, как создание, оно слабо», — читаем в письме Вяземского к А.И.Тургеневу от 18 апреля 1828 г. (АБТ, т. 6, с. 65). Некоторые эпизоды романа удостоились, по-видимому, прямого порицания Вяземского; известен, во всяком случае, его отзыв о сне Татьяны (строфы XI—XII пятой главы): «Фантастические попытки неудачны у Пушкина. Например, сон в “Евгении Онегине”» (Пушкин в воспоминаниях-2, т. 1, с. 151). Наконец, «Евгений Онегин» в восприятии Вяземского — роман неровный в литературном отношении. Мы приводили сдержанный отзыв его о второй главе; вот как хвалит Вяземский главу восьмую в письме жене от января 1832 г.; «Есть много прелестных подробностей в этой песне и вообще больше романтического интереса, нежели во многих других песнях» (Звенья, т. 9, с. 264).

Глава IX.

«Литературная газета»

«Знаменитые друзья» и «литературные аристократы». — Политическая подоплека. — Полевой и Карамзин. — Литературная промышленность

Наряду с Дельвигом, Сомовым и Пушкиным Вяземский входит в число постоянных вкладчиков «Литературной газеты» (Блинова; Гиллельсон, с. 186—201). Показательно, что в заметке «Два писателя, равные по достоинству...» Дельвиг назвал Пушкина и Вяземского «самыми ревностнейшими» сотрудниками газеты (ЛГ, 1830, № 46, с. 72). При этом, если исходить из количества публикаций, вклад Вяземского оказался значительно больше пушкинского: из всех авторов газеты больше, чем Вяземский, печатались в ней только Дельвиг и Сомов.

Когда-то в письме к Вяземскому от 7 июня 1824 г. Пушкин упрекал его в нетерпимости, столь пагубной для журналистской деятельности, и ставил риторический вопрос: «[...] я бы согласился видеть Дмитриева в заглавии нашей кучки, а ты уступишь ли мне моего Катенина?» (Акад., т. 13, с. 96). Вяземский уступил: в «Литературной газете» его статьи печатались наряду с катенинскими «Размышлениями и разборами».

Старые распри не то чтобы забывались, они теряли остроту в преддверии новых войн.

* * *

Ориентация на мнения узкого дружеского кружка при демонстративном небрежении мнением публики, столь характерная для авторов, вышедших из школы Карамзина, обращала на себя внимание их литературных антагонистов, не устававших на разные лады варьировать тему литературных посред-

ственности, осыпавших друг друга похвалами с давних пор. В 1820-е гг. навязчиво обыгрывалась, как мы видели, воейковская формула «знаменитые друзья», и Лжедмитриев со своим «Кодексом знаменитого» только обобщал сложившуюся традицию.

Вскоре после того, как начала выходить «Литературная газета», об этих старых шутках и эпиграммах вдруг вспомнили. В № 3-м Пушкин напечатал заметку «О журнальной критике», в которой говорилось: «[...] “Литературная газета” была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов» (Акад., т. 11, с. 89). Таким образом, оппозиционность газеты по отношению к «Северной пчеле» и «Московскому телеграфу» была заявлена более чем определенно. Разумеется, вызов был принят незамедлительно.

Первым отозвался Булгарин, иронически вопросивший со страниц «Северной пчелы» (№ 3, 1830): «Итак, кто же те великие незнакомцы, которые хотят печатно скрываться перед нами в “Литературной газете”?» Но не только Булгарина задела за живое пушкинская заметка. С нее же в 1831 г. начнет свою полемику и Полевой в неопубликованной тогда статье о «Литературной газете». «Существовало, — писал он, — целое общество записных гениев, в котором господствовало несколько человек, соединенных взаимной приязнью. Не дарование вело у них в поэты и даже в гении, а посторонние литературные связи. [...] Но спрашиваем у каждого беспристрастного человека: есть ли какое-нибудь отношение между пиитическими дарованиями гг. Жуковского и Воейкова, Пушкина и кн. Вяземского или Баратынского? Пушкин, Жуковский — поэты, в полном смысле сего слова, а все другие — стихотворцы, пишущие более или менее гладкие стишки. Какое сближение имен: Пушкин и кн. Вяземский! Жуковский и Воейков!.. Они могут быть приятелями, друзьями — это постороннее дело; но на приязни основанные хвалы литературные — это дело литературное, и критика должна обличить несправедливость и даже невыгоды такого рода похвал. На чем были основаны сии хвалы? На что опирался союз знаменитости литературной, если мы ясно видим, что не дарования вели в сей союз? На приязни — на одной приязни, которая может завязываться от разных причин» (Полевой, с. 68—69).

«Новый живописец», от лица «знаменитых»: «Пусть только не втесняются к нам с своевольным нахальством из нижних рядов, да выучатся хлопать в театре нашим водевилям, то мы заведем Благородное Собрание Литературы» (1830, № 8, с. 134). «Московский телеграф»: «Если некоторые газеты, по объявлению самих редакторов, издаются для *немногих* писателей, то мы имеем честь объявить, что наш журнал печатается для *многих* читателей» (1830, ч. 33, с. 77); «Литературная газета есть последнее усилие жалкого *литературного аристократизма*, и вот вся загадка! Грамот на *литературное достоинство* герольдия нынешней критики не только не утверждает современным *литературным аристократам*, но и оспаривает оные и у тех литературных аристократов, которые давно похоронены с названием *бояр*. [...] Литературный аристократизм довольно шалил у нас. На него нападал и всегда будет нападать *Телеграф*» (1830, ч. 34, с. 242—243). Те же нападки — в журнале Раича: «С некоторого времени у нас в литературе, не во гнев некоторым сказать, ввелся Венецианский Аристократизм: все решается в совете Десятерых» (Галатея, 1830. № 2, с. 112—113; Гиллельсон, с. 194—196).

Все это заставляло консолидироваться. Вяземский выступает с «Объяснениями некоторых современных вопросов литературных». В первом из этих «Объяснений...» («О духе партий, о литературной аристократии») он обыгрывает обвинения Полевого и Булгарина в адрес «Литературной газеты»: «У нас можно определить две главные партии, два главных духа, если непременно хотеть ввести междоусобие в домашний круг литературы нашей; можно даже означить их родоначальников: Ломоносова и Тредьяковского. К первому разряду принадлежат литераторы с талантом, к другому литераторы бесталанные. [...] Державин, Хемницер и Капнист, Карамзин и Дмитриев, Жуковский и Батюшков, каждые в свою эпоху современники и более или менее совместники, были также сообща главами тайного заговора дарования против дюжинной пошлости, вкуса против безвкусицы, образованности против невежества» (ЛГ, 1830, № 23, с. 182). «Дело не в звании, — подчеркивал Вяземский в неопубликованной тогда части своей статьи, — [...], но в том, как носишь свое звание» (Вяземский-1982, т. 2, с. 140—141).

Политический аспект полемики Вяземский почти не затрагивает. Он лишь намечен в той же не пропущенной цензурой второй части статьи: «Дворянство не дает дипломов на ум и

просвещение, но не есть же оно синоним глупости и невежества. Ведь вы не говорите, что такая-то литературная школа дурна, что писатели такой-то эпохи, такого-то рода не стоят уважения. Вы говорите о литературной аристократии: все дело, вся мысль ваша, если она есть, заключается в слове аристократ. От этой улики нельзя отвертеться никакими умствованиями, никакими грубостями, никакими камнями, что ни кидайте прямо в лоб противникам своим» (Вяземский-1982, т. 2, с. 140).

Но именно политическая подоплека журнальной войны в первую очередь занимает Пушкина. В целом ряде статей, предназначавшихся для «Литературной газеты», но не напечатанных в ней, он прямо связывает полемику о литературной аристократии с дворянским вопросом в России: «Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы то ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотри около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя, как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии, новые исторические имена, заступив место прежних, уже падают, ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние разночинцам, вышедшим во дворяне, и даже досужим балагурам!

[...] смеяться над сословием потому только, что оно такое-то сословие, а не другое, нехорошо и непозволительно. И на кого журналисты наши нападают? Ведь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию — *pas si bête*. Наши журналисты перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состояния, коему принадлежит и большая часть наших литераторов. Издеваться над ними (и еще в официальной газете) нехорошо и даже неблагоприятно:

[...] Демократические наши журналы [...], нападая на дворянство, должны найти отпор, и нашли его в Газете Литературной. Все это естественно и даже утешительно» («Опыт отражения некоторых литературных обвинений»: Пушкин, т. 6, с. 296, 299—300).

Любопытно, что у Пушкина и Вяземского совпадают некоторые полемические приемы. В не пропущенной цензурой второй части статьи Вяземского «О духе партий...» читаем: «Каждое звание, как часть государственного общества, имеет свое относительное достоинство. Когда начали у нас упрекать одного писателя (Полевого. — Д.И.) купеческим званием его, то нынешние же так называемые аристократы выставили на позор несообразность и непристойность подобных упреков» (Вяземский-1982, т. 2, с. 140). У Пушкина в наброске, предназначавшемся для «Литературной газеты»: «[...] никогда я не видел в “Литературной газете” ни дворянской спеси, ни гонения на прочие сословия. Дворяне ли барон Дельви́г, кн. Вяземский, Пушкин, Баратынский и пр., мне до того и дела нет. Они об этом не толкуют. Заступаясь за грамотное купечество в лице г-на Полевого, они сделали хорошо, заступаясь ныне за просвещенное дворянство, они сделали еще лучше» (Пушкин, т. 6, с. 299).

Литературный аспект полемики об аристократии, таким образом, неотделим от политического. В заметке, помещенной в отделе «Смесь» «Литературной газеты» от 25 июня 1830 г. (№ 36) это подчеркнуто специально: «С некоторых пор, Журналисты наши упрекают Писателей, которым неблагосклонствуют, их дворянским достоинством и литературной известностью. Французская чернь кричала когда-то: *les aristocrates à la lanterne!* Замечательно, что и у Французской черни крик этот был двусмысленен и означал в одно время аристократию литературную и политическую» (ЛГ, 1830, с. 293). Ср. В статье «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...»: «[...] пренебрегать своими предками из опасения шуток гг. Полевого, Греча и Булгарина не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне (особливо не русские), позволяющие себе насмешки насчет русского дворянства, более извинительны. Но и тут шутки их достойны порицания. Эпиграммы демократических писателей XVII столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовили крики “Аристократов к фонарю” и ничуть не забавные куплеты с припевом “Повесим их, повесим”. *Avis au lecteur*» (ЛГ, 1830, № 45, с. 72). Вопрос об авторстве этих заметок не решен окончательно. Обыкновенно они атрибутируются Дельви́гу и Пушкину, однако весьма вероятно

и участие Вяземского, по крайней мере в первой из них (Блинова, с. 70).

Спор об аристократии, который вела «Литературная газета» с «Северной пчелой» и «Московским телеграфом», отразился в «Моей родословной» и в «Заметках о дворянстве» и был затем продолжен в «Родословной моего героя» и в памфлете «На выздоровление Лукулла». Для Вяземского этот спор был самым началом тех полемик с демократической линией русской литературы и общественной мысли, которые он будет вести до конца жизни. При этом для него преемственность между Полевым, Белинским и его последователями была чем-то самоочевидным и само собой разумеющимся: «Полевой роди Белинский, Белинский роди легион» (Гиллельсон, с. 291).

* * *

Другой аспект выступлений «Литературной газеты», и прежде всего всего Пушкина и Вяземского, против Полевого обусловлен его «Историей русского народа», противопоставленной уже в самом заглавии «Истории государства российского» Карамзина.

Пушкин помещает в газете рецензии на первый и, спустя некоторое время, второй тома «Истории...» Полевого (ЛГ, 1830, № 4, с. 31—32; № 12, с. 96—98), Вяземский — вторую статью своих «Объяснений некоторых современных вопросов литературных» под названием: «История русского народа. Критики на нее: Вестника Европы, Московского вестника, Славянина. 1-й том на лицо и XI-ть будущих томов» (ЛГ, 1830, № 31, с. 250—252). В центре внимания Вяземского — попытка Полевого пересмотреть значение Карамзина. Вяземский идет здесь отчасти по пушкинским следам.

«Уважение к именам, освященным славою, — читаем у Пушкина, — не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется только ветренному невежеству, как некогда, по указу Эфоров, одним Хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно» (ЛГ, 1830, № 4, с. 31—32). Вяземский: «В мире политическом, анархия ведет к деспотизму смелого хищника: в литературном мире, ниспровержение законов ума и вкуса, возмущения анархического своевольтва против нравственных и умственных властей, бывают также введением к лжецарствию невежества» (ЛГ, 1830, № 31, с. 251).

«Г-н Полевой замечает, — говорил Пушкин, — что 5-я глава XII тома была еще недописана Карамзиным, а начало ее, вместе с первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово к печати, и делает вопрос: *«Когда же думал историк?»*»

На сие ответствуем:

Когда первые труды Карамзина были с жадностью принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера, тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее создание. Вероятно, что XII том не был им еще начат, а уже историк думал о той странице, на которой смерть застала последнюю его мысль... Г-н Полевой, немного подумав, конечно сам удивится своему легкомысленному вопросу» (ЛГ, 1830, № 4, с. 32).

Вяземский напоминает о том же недоумении Полевого, почти дословно повторяет сказанное уже Пушкиным и затем развивает полемику, оборачивая вопрос Полевого против него же и обыгрывая известные обстоятельства создания и выпуска в свет «Истории русского народа»: «Автор в предисловии своем укоряет Карамзина за излишнюю поспешность в его труде и довольно забавно спрашивает: *когда же думал Историк?* На это можно было бы ему отвечать: всегда, ибо решительно вся жизнь Карамзина была или приготовлением к труду, или исполнением труда, или порою созревания, или порою зрелости и жатвы. Но дело не в том: любопытно только после сей укоризны увидеть, сколько Автор сам посвятил времени на составление 12-ти томов Истории, не только уже готовых в кабинете Автора, но даже сделавшихся уже и собственностью публики, ибо подписка на них открыта и сумма за все 12 томов заплачена подписчиками. «С 1825-го года я начал уже систематическое сочинение о Русской Истории». В 1829 году появился первый том и 11 томов должны быть готовы к напечатанию: следовательно в четыре года совершен труд, на который Карамзин, со всей поспешностью своею, употребил более двадцати лет. — Нельзя же полагать, что труд нового Историка еще не совершен, что одиннадцать обещанных томов пока таятся еще в голове Автора, тогда, когда они уже проданы не книгопродавцу, который может пуститься на удачу предприятия и так сказать на волю Божию, но частным подписчикам, которые подписываются на наличное. Такое предположение было бы легкомысленно и оскорбительно для добросовестного автора. [...] А между тем и второго тома еще нет:

друзья Автора распускают известие, что он сжег второй том, быв недоволен трудом своим. Это огненное очищение, этот Божий суд средних веков приносит честь уничтожению Авторскому, но тут следуют два вопроса: отчего же не сожжен и первый том, и при чем останутся подписчики? при одном пепле, что ли?» (ЛГ, 1830, № 31, с. 251—252).

Убийственные реплики Вяземского о коммерческом расчете предприятия имели глубокий смысл.

* * *

Литература и коммерция — еще один аспект размежевания. «Литературная газета» многократно писала о том, что все виды коммерческого успеха имеют решающее значение для литературной и издательской деятельности авторов демократического направления. Это был ответ на обвинения в аристократизме: Дельвиг, Пушкин, Вяземский не без оснований подчеркивали, что альтернативой принципу творить «для немногих» может быть только принцип писать для денег.

Дельвиг: «Цель нашей газеты не деньги, а литература. Писатели, участвующие в нашем издании, желали, чтобы издавалась газета, в которой они могли бы беспристрастно и нелицеприятно говорить о литературах русской и иностранных, не находя препятствия в коммерческих видах издания» (ЛГ, 1830, № 56, с. 164).

Пушкин: «Мильтон говаривал: “С меня довольно и малого числа читателей, лишь бы они были достойны понимать меня”. Это гордое желание поэта повторяется и в наше время, только с небольшою переменной. Некоторые из наших современников явно и под рукою стараются вразумить нас, что “с них довольно и малого числа читателей, лишь бы было много покупателей”» (ЛГ, 1830, № 16, с. 130).

Вяземский: «Мы живем в веке промышленности: теории уступили поле практике; надежда — наличным итогам. Видя, что многие худые книги удаются, то есть сбываются лучше иных хороших, несправедливо было бы искать тому причины в одном неразумии публики. Невинность публики идет своим чередом; но воздайте и каждому свое: припишите часть успеха сноровке и ловкости писателей. Некоторые из них были уже заранее провозглашены друзьями своими и ловкими товарищами. Например, “История русского народа” и “Иван Выжигин”, сии книжные близнецы нашего времени, сии Иван да

Марья в царстве литературного прозябания, имели гораздо более расхода, чем несколько других творений, заслуживающих истинное уважение. Таким образом, литературной промышленности, которая есть существенная аристократия нашего века, нечего по-пустому заботиться и кричать о так называемой аристократии, которая чужда оборотов промышленности” (ЛГ, 1830, № 23, с. 183).

Литературной промышленности Вяземский посвятил особенную статью, примыкающую к двум статьям «Объяснений...», но не увидевшую тогда света; черновой автограф ее сохранился в Остафьевском архиве. Приводим эту статью целиком: она, без сомнения, отражает точку зрения и Дельвига, и Пушкина, а, может быть, и обсуждалась с ними. Вот ее текст.

«Как литература хранила в последнее время вещественное и промышленное направления, то не излишне будет и рассмотреть ее и в этом отношении. Было время, когда у нас писали *из чести*. Книгопродавцы платили присяжным переводчикам за заказанные переводы, самую ничтожную плату менее чем в наше время платится переписчикам. Фон-Визины, Карамзины, Дмитриевы, Жуковские все прошли чрез это неблагодарное ремесло. Лучшие произведения известных талантов отдавались даром Журналистам. Помню, что Дмитриев продал полное издание своих басен за 500 руб. ассигнациями. Батюшков уступил Гнедичу полное собрание своих сочинений за 200 р[ублей] ассигн[ациями]. При таких ценах нельзя было писать из денег. Теперь может быть искушение и это большое зло. Разумеется в этом зле есть признак и добра. Если товар более расходуется, то это доказательство, что умножается число потребителей. Следовательно у нас ныне более читателей. Но между тем дело не в том только, чтобы больше читали. Есть другой важнейший вопрос: что читается? От размножения потребителей не следует, что можно отпускать им гнилой товар. Между тем при этом умножении потребителей слышно отовсюду жалобы производителей и самих книжных торговцев. Книжная торговля наша в упадке. Торговые переломы следуют один за другим. Многие литераторы не печатают произведений своих потому, что не надеются на выручку. Следовательно и здесь является неправильное и какое-то болезненное обращение в литературном деле. По соразмерности с читающим народонаселением нашим довольно значительный капитал взимается ежегодно с грамотного класса в России. Следовательно распределяется он не надлежащим и несправедливым образом.

Вероятно сосредотачивается он в руках каких-нибудь литературных промышленников, снявших литературу так сказать на откуп. И здесь обнаруживается одна из язв нашего времени: биржевая игра. Не те, которые трудятся, не те, которые употребляют капиталы свои на правильные обороты торговые, получают следуемое им вознаграждение. Прибыли, какие есть, не естественные, а каким-то насильственным образом совращенные с правильного пути своего, присвоятся спекуляторами. Беднеют фабрики, мастерские, рынки: а богатеет биржа, то есть два-три человека, которые на ней господствуют.

Законных наследников это выморочное сокровище (так. — Д.И.) предано на расхищение и посягательство встречного и поперечного.

В этом отношении забавно видеть, что шутка веселого и остроумного Мятлева принята была некоторыми не в шутку а в образец. Слыша, что в высшем обществе ломаный *францу[з]ско-тамбовский* язык Курдюковой имеет большой успех и что Мятлева на перерыв все слушают, они вздумали, что в этом Вавилонском смешеньи и заключается тайна привлечь к себе внимание общества. С того времени при помощи францу[з]ского лексикона и начали они пестрить страницы свои францу[з]скими словами. На беду свою доказали они только одно кривыми и косыми вставками своими: что худо знают русской язык и вовсе не знают францу[з]ского. Что забавно было у Мятлева, у них сделалось дико. А между тем с этой дикостью мало по малу свыкаются уши и глаза большинства читателей. Сперва поморщатся, потом проглотят, а там и сами невольно заговорят подобною чепухой. Люди вообще увлекаются гораздо более глупостью, нежели благоразумием, беспутным своевољством, нежели подчиненностью строгим рамкам порядка. Одним словом куда ни обрати бесстрастный и печальный взор, почти везде встретишь в литературе ужасное низвержение в понятиях, и безначалие в языках. Есть конечно исключения, но оне редки. Не исчисляю их по именам, потому и укоризны наши безыменные. Совесть каждого отберет то, что каждому следует. Истину не нужно надписывать *в собственные руки*. Она без надписи дойдет по принадлежности. Конечно есть у нас еще некоторые дарования, сохранившие верное и чистое суждение. Но как во дни Народных смут так и во дни литературных, превосходство остается не на стороне благоразумия и благонамеренности. После нескольких усилий и противодействий, убедившись в

их недействительности, защитники истины и права предаются обыкновенно какому-то унынию и отстраняются. Это заметно и у нас. Кое-где изредка возвышается обличительный голос, проявляются иногда знамения светлого дарования. Но все это урывками, без направления, без единомыслия. Каждое дарование, имеющее сознание своего достоинства и чистоты своих побуждений, имеет также сознание и невозможности противодействовать господствующему направлению. Надобно дать буре пронестись, небу очиститься, разливу принять обратное движение и водвориться в свои естественные берега» (РГАЛИ, ф. 195, Оп. 1, Ед. хр. 1001, Л. 1—2 об. Заметка не датирована и не озаглавлена).

* * *

Между тем единство и сплоченность, достигавшиеся в полемиках, которые вела «Литературная газета» со своими противниками, не исключала и достаточно серьезных разногласий внутри кружка, и, в частности, между Пушкиным и Вяземским.

Глава X.

Политические полемики и исторические изыскания

1830-е годы в истории знакомства Вяземского и Пушкина — период наиболее интенсивных творческих взаимодействий и наибольших же расхождений, литературных и политических. Особенно острой оказалась полемика по польскому вопросу²⁵⁵. С этой полемикой связано незаконченное пушкинское стихотворение «Ты просвещением свой разум осветил...», обращенное, как мы постараемся показать, к Вяземскому.

* * *

Рукопись стихотворения утеряна. Предпринятые Т.Г.Цявловской и Б.В.Томашевским реконструкции текста²⁵⁶ проводились по несовершенной копии²⁵⁷; в тексте ее отсутствует указание на адресата, вопрос о котором ставился в науке не раз²⁵⁸, но окончательно не решен.

Бесспорным является лишь тот факт, что послание было создано в связи с острой дискуссией по польскому вопросу, разгоревшейся между Пушкиным и некоторыми его современниками вскоре после выхода в свет пушкинского послания «Клеветникам России». Сопоставление обстоятельств полемики с текстом стихотворения является, таким образом, единственно возможным направлением поиска адресата.

В этой связи очень важно, насколько позволяет дошедший до нас черновой и, вероятно, искаженный текст, уяснить характер авторского отношения к адресату. Приведем первую строфу послания: «Ты просвещением свой разум осветил / Ты правды лик увидел, / И нежно чуждые народы возлюбил, / И мудро свой возненавидел» (Акад., т. 3, с. 444).

Сразу возникает вопрос: имеем ли мы дело с действительным признанием «просвещенного разума» адресата, осененного «чистым светом» правды (в реконструкции Б.В.Томашевского

второй стих читается: «Ты правды чистый свет увидел»), с признанием его позиции, связанной с «мудрой» ненавистью к «своему» народу и «нежной» любовью к народам «чуждым», или же с иронией, неприятием этой позиции.

Приведенные четыре стиха сами по себе как будто дают основания для обеих версий. В самом деле, их можно воспринять буквально — в таком случае ненависть к своему народу осознается действительно, без обиняков, мудрой и должна быть осмыслена в этом качестве. А.Дворский резко сближает позиции автора и адресата: «“Мудро свой возненавидел” означало бы [...] неприятие политической системы, стесняющей личную свободу, и, в то же время, понимание невозможности в данный исторический момент [...] личного протеста против могущественной государственной машины»²⁵⁹.

С другой стороны, едва ли могут быть признаны случайными по существу оксюморонные формулы «возлюбил чуждые», «возненавидел свой», «мудро возненавидел», «нежно» — «чуждые», базирующиеся на оппозиции «свое — чужое».

С точки зрения общей композиции послания первая строфа — зачин, постановка проблемы, фиксирование парадокса, содержание которого (сочетание «просвещенности» с отсутствием патриотизма) должно быть исследовано в ходе последующего изложения. Вторая строфа послания фиксирует ситуацию, с которой далее будут соотноситься действия адресата (грозное восстание «безмолвной Варшавы» и начало «смертной борьбы»²⁶⁰).

Строфы третья и четвертая в реконструкции Т.Г.Цявловской, третья, четвертая и пятая в реконструкции Б.В.Томашевского содержат указания на ряд важнейших событий войны («рев» «парижского пустомели» — надо полагать, Лафайета, — «наши неудачи» и гибель «знамени нашей чести», подавление восстания) и параллельно на реакции адресата по этому поводу («Ты пил здоровье Лелевеля», «Ты руки потирал» и, наконец, «возрыдал» при известии о поражении восстания). «Наши неудачи», которые, казалось бы, должны были стать неудачами и адресата, являющегося, бесспорно, соотечественником автора, тем не менее радуют его («С лукавым смехом слушал вести» и т.д.), удачи же — огорчают (см. последнюю строфу послания). Позиция адресата раскрывается объективно в период, когда решается судьба отечества — именно так Пушкин рассматривал войну в Польше. При этом развивается содержащийся в зачине парадокс: сложную реализацию оппозиции «свое — чужое»

(чужое оказывалось своим, свое — чужим) сменяет логически вытекающая из нее оппозиция «ты — мы» («Ты руки потирал от наших неудач» (здесь и дальше курсив мой. — Д.И.). Все это, на наш взгляд, позволяет заключить, что чуждая Пушкину позиция адресата во время польского восстания связывается в послании с обусловившей ее «мудрой ненавистью» и указывает на сомнительность обладания истиной человека, лишенного патриотических чувств. Делать более определенные выводы на основе реконструкций утраченного чернового наброска, пожалуй, рискованно.

Образ адресата пушкинского послания между тем во многом проясняется. Этот человек — наиболее значительный и последовательный пушкинский оппонент в дискуссии по польскому вопросу, так как именно полемика с ним вызвала к жизни единственный поэтический отклик Пушкина на эту дискуссию. У него «просвещенный» разум, он европейски образован; ущербность этой образованности вскрывается Пушкиным на этическом уровне (антипатриотическая настроенность адресата). Данные обстоятельства, как и то, что Пушкин хорошо знает внутренние побуждения адресата, обусловившие его позицию во время восстания, указывают на принадлежность адресата к пушкинской культурной среде.

Исследование А.Дворского позволяет, на наш взгляд, предельно сузить круг поисков адресата послания и из ряда возможных «кандидатур» выделить всего две — Вяземского и А.И.Тургенева. Исследователь предполагает, что пушкинское стихотворение было обращено к А.И.Тургеневу (Дворский, с. 172—173). По нашему мнению, адресатом был именно Вяземский, с которым Пушкин спорил по поводу значения польского восстания так долго и настойчиво, как ни с кем из современников.

В этих дискуссиях прослеживаются литературная и политическая стороны²⁶¹.

«Власть, государственный порядок, — писал Вяземский к Е.М.Хитрово в 1831 г., — часто должны исполнять печальные, кровавые обязанности; но у поэта, слава Богу, нет обязанности их воспевать [...] Поэзия вовсе не должна быть помощницей необходимости, и не ее дело вмешиваться в эту прозу действительности [...] Иначе почему бы [...] не воспевать всякое уголовное дело, всякий смертный приговор? [...] Такая поэзия — противный анахронизм»²⁶². А в письме Вяземского к А.И.Тургеневу от 27 сентября 1822 г. об эпилоге «Кавказского

пленника» читаем: «Что за герой Котляревский, Ермолов? [...] Поэзия не союзница палачей; политике они могут быть нужны [...] такой восторг — настоящий анахронизм» (ОА, т. 2, с. 274—275). Налицо неожиданное, еще не оцененное совпадение; «противный анахронизм» и «настоящий анахронизм» — выпады в сторону классицистической традиции, на которую Пушкин отчасти ориентировался в эпилоге «Кавказского пленника» и в «лирической трилогии». Так проясняется отношение Вяземского к одной из важных сторон творческих поисков Пушкина. Неслучайность этого отношения подчеркнута единством аргументации²⁶³. Показательно, что и в письме к Пушкину от 14 сентября 1831 г., неотправленном, но переписанном в записную книжку, Вяземский, резко отзываясь о стихах Жуковского, еще готов был свести спор к литературным разногласиям: «Охота ему была писать шинельные стихи [...] и не совестно ли Певцу во стане русских воинов и Певцу на Кремле сравнивать нынешнее событие с Бородином? [...] Это дело весьма важно в Государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии» (Записные книжки, с. 212). Расхождения Вяземского с Пушкиным в вопросе об отношении поэзии к действительности, существенные для истории их общения в целом, прослеживаются, как видим, с 1822 г. В полемике 1831 г. они сливаются с политическими.

В отличие от Пушкина Вяземский был убежден в необходимости независимости Польши: «Польшу нельзя расстрелять, нельзя повесить ее, следовательно силою ничего прочного, ничего окончательного сделать нельзя. При первой войне, при первом движении в России Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского человека при каждом поляке. Есть одно средство: бросить Царство Польское, как мы даем отпускную негодяю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты»²⁶⁴. При этом, конечно, Вяземский отдает себе отчет в том, что «[...] такая мысль слишком широка для головы какого-нибудь Нессельроде: она в ней не уместится и разорвет, как ветры разрывали жопу отца его» (Записные книжки, с. 213). Резкие суждения Вяземского о стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», несомненно, стали известны Пушкину²⁶⁵. Из них следовало, что Вяземского не занимали пушкинские опасения по поводу новой всевропейской войны («того и гляди, навяжется на нас Европа»), не интересовал его и важный для Пушкина вопрос о государственных границах («Наш Киев дряхлый, златогла-

вый, / Сей пращур русских городов, / Сроднит ли с буйною Варшавой ? Святыню всех своих горбов?»), не разделял он, наконец, и идею славянского единства, достаточно актуальную для Пушкина. Реакция Вяземского предельно эмоциональна: «Народные витии, если удалось бы им как-нибудь проведать о стихах Пушкина и о возвышенности таланта его могли бы отвечать ему коротко и ясно: мы ненавидим, или лучше сказать презираем вас, потому что в России поэту, как Вы, не стыдно писать и печатать стихи, подобные Вашим. — Мне так уж надоели эти Географические фанфаронады наши: от Перми до Тавриды и проч. Что же тут хорошего, чему радоваться и чем хвастаться, что мы лежим врастяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст, что физическая Россия Федора, а нравственная дура. [...] После этих стихов не понимаю, почему Пушкину не воспевать Орлова за победы его Старорусские, Нессельроде за подписание мира. Когда решишься быть поэтом событий, а не соображений, то нечего робеть и жеманиться, как непроебенная блядь. Пой, да и только.» (Записные книжки, с. 215; РГАЛИ.Ф.195. Оп.1. Ед.хр.1111. Л.38 об.). Фразеология подчеркивает раздражение Вяземского.

Имеющиеся материалы проясняют и позицию А.И.Тургенева. 8 декабря 1831 г. он записал в дневнике: «Спор Вяз[емского] с Пушк[инным]: оба правы»²⁶⁵. Эти слова свидетельствуют не только о том, что Тургенев первоначально колебался в выборе между позициями спорящих сторон, но и о том, что роль его самого в этом споре была гораздо менее значительной, чем роль Вяземского (ср.: Дворский, с. 171—172). Еще более важным представляется письмо А.И.Тургенева к Н.И.Тургеневу от 20 сентября 1832 г.: «Твое заключение о Пушкине справедливо: в нем точно есть еще варварство, и Вяз[емский] очень гонял его в Москве за Польшу [...]. Он [...] варвар в отношении к П[ольше]. Как поэт, думая, что без патриотизма, как он его понимает, нельзя быть поэтом, и для поэзии не хочет выходить из своего варварства. Стихи его “Клеветникам России” доказывают, как он сей вопрос понимает. Я только в одном Вяз[емском] заметил справедливый взгляд и на эту поэзию, и на весь этот нравственно-политический мир (или — безнравственно). Слышал споры их, но сам молчал, ибо Пушк[ин] начал обвинять Вяз[емского], оправдывая себя; а я страдал за обоих, ибо люблю обоих»²⁶⁶.

Это письмо, отражая уже сформировавшееся отношение его автора к дискуссии, содержит ряд важных подробностей. Во-первых, оно указывает на исключительность позиции Вяземского по отношению к Пушкину, еще раз уточняя роль А.И.Тургенева в полемике²⁶⁷. Становится ясно, что только в диалоге Пушкина с Вяземским послание оказалось бы адекватной репликой: в противном случае непонятно, почему, отвечая Тургеневу, Пушкин отказался от спора с Вяземским. Кроме того, неизвестны высказывания Пушкина о Тургеневе (как и о ком-либо другом из его оппонентов в дискуссии по польскому вопросу), подобные, скажем, дневниковой записи Н.А.Муханова от 5 июля 1832 г.: «О Вяземском. Он (Пушкин. — Д.И.) сказал, что он человек ожесточенный, ałgri, который не любит России, потому что она ему не по вкусу»²⁶⁸. Во-вторых, письмо А.И.Тургенева к брату не только содержит упоминание о пушкинской контраргументации, но и позволяет отчасти раскрыть ее содержание. В самом деле, в чем Пушкин мог обвинять Вяземского? Из письма Тургенева следует, что в основании этих обвинений было убеждение в том, что «без патриотизма нельзя быть поэтом». Но та же логика определяет построение рассмотренного нами послания, в котором прямо постулируется мысль о том, что любовь к своему народу есть слагаемое истины, что «без патриотизма» нельзя быть действительно «мудрым» и действительно просвещенным²⁶⁹.

Знаменательным оказывается и тот факт, что в польском общественном сознании 1830—1840-х гг. именно Вяземский предстал в качестве главного и единственного пушкинского оппонента по польскому вопросу. Приведем только один пример. Во втором томе журнала «Rocznik Literacki» 1844 г. опубликовано критическое обозрение П.Янковского «Puszkın na polach Elizejskich». В своем «видении на берегах Леты» Янковский счел уместным и важным представить Пушкина говорящим о Вяземском следующее: «Князь Вяземский не раз мне расхваливал любезность ваших варшавских литераторов. Обещал он [...] неисчислимые выгоды, если будет сломан лед, так долго препятствовавший взаимному обмену [...]»²⁷⁰.

Существуют, однако, и другие важные детали. Седьмой и восьмой строкам послания («И смертная борьба меж нами началась, / При клике Польска не згинела!») соответствует упоминание об этом «клике» Пушкина в письме к Вяземскому в связи с описанием сражения при Остроленке²⁷¹, что указывает, возможно, на продолжение некогда начатого диалога.

Психологически соответствует облику Вяземского, культивировавшего иронию, вообще «острое слово» в качестве составляющих своей литературной репутации, строка «С лукавым смехом слушал вести», ср.: «Язвительный поэт, остряк замысловатый» («Вяземскому», 1821; см. также: «К портрету Вяземского», 1820)²⁷².

Возможен, впрочем, вопрос (он возникает у А.Дворского²⁷³): мог ли Вяземский «пить здоровье Лелевеля» (эти слова, зачеркнутые Пушкиным, возможно, именно вследствие их психологической недостоверности, сохраняет в своей реконструкции Б.В.Томашевский), который к тому же в 20-е гг. выступил с критикой «Истории» Карамзина? Здесь, однако, важна предельная точность. Вяземский, как это видно из письма к нему А.И.Тургенева от 9 января 1823 г.²⁷⁴, вполне солидаризировался с Н.И.Тургеневым, ответ которого «Северному архиву», издававшемуся Ф.В.Булгариным, «метил не в Лелевеля, а в беспринципное поведение Булгарина, допустившего из конъюнктурных соображений ряд оскорбительных выпадов в адрес Карамзина»²⁷⁵. Во всяком случае нам неизвестны критические отзывы Вяземского о Лелевеле, а свидетельства о благосклонном, если не восторженном его отношении к польскому историку имеются²⁷⁶.

Приведенного материала, на наш взгляд, достаточно для обоснования гипотезы о том, что именно Вяземский был адресатом незаконченного пушкинского стихотворения «Ты просвещением свой разум осветил...». Изучение полемики по польскому вопросу между Пушкиным и Вяземским позволяет предположительно датировать послание осенью 1831 — концом 1832 г. Для окончательного решения этого вопроса, возможно, потребуются многолетние усилия. Сам же вопрос, однако, приобретает особое значение, ибо он связан не только с интерпретацией стихотворения, существенного для мировоззренческой эволюции Пушкина в 1830-е гг., но и с историей отношений его с Вяземским.

* * *

Но полемика по польскому вопросу, вызвавшая, конечно, определенное охлаждение отношений, не привела к разрыву. Свою роль сыграли не только давность приятельских отношений, но и близость литературных позиций, обусловивших во всяком случае известное взаимопонимание. При всех расхож-

днях едиными оставались общие контуры политических позиций.

Пушкинский свободный консерватизм с его принципами государственности и патриотизма, монархизма, обостренным вниманием к историческому прошлому и принципиальным отвержением революций не был совершенно уникальным. С.Л.Франк, характеризуя политические идеи Пушкина²⁷⁷, на самом деле говорил о фундаментальных основах мировоззрения целого кружка, в частности, Жуковского, А.И.Тургенева и Вяземского.

В известных суждениях Вяземского о политическом кредо Пушкина узнается и сам Вяземский: «В нем было более любви, нежели негодования; более благоразумной терпимости и здоровой оценки действительности и необходимости, нежели своевольного враждебного увлечения. На политическом поприще, если оно открылось бы пред ним, он, без сомнения, был бы либеральным консерватором, а не разрушающим либералом» (Пушкин в воспоминаниях — 2, т. 1, с. 120).

Невозможно обойти разногласия, как в случае с польским вопросом, вообще идеологией славянского единства²⁷⁸, но не менее важно отметить и единство позиций, — и, может быть, в более существенных вопросах.

Безусловное отрицание идеологии «замкнутой в семье России», в историках своих чисто карамзинистское, связывалось у Вяземского с пониманием значения русской государственности.

* * *

Вяземский был близок к Пушкину в оценке деятельности Петра I, не соглашаясь вполне ни с западниками, ни со славянофилами²⁷⁹. Понимание национального значения петровских преобразований отразилось прежде всего в отношении к Петербургу как культурному феномену, и уже в 1818 г. в первых краковских набросках стихотворения «Петербург» (Записные книжки, с. 99-101), которое, как кажется, входит в литературный фон «Медного всадника».

Характерно само указание на оживание статуи, возможность перехода от изваяния к жизни и обратно: «Се Петр, еще живой в меди красноречивой» (Вяземский-1986, с. 118). Перекликаются и некоторые мотивы. У Вяземского: «Народной чести страж и злобе страж немой» (там же). У Пушкина:

«Вражду и плен старинный свой / Пусть волны финские забудут / И тщетной злобою не будут / Тревожить вечный сон Петра!» (Акад. т. 5, с. 137).

Во втором примечании к поэме Пушкин отсылает читателя к стихотворению Вяземского «Разговор 7 апреля 1832 года (Графине Е.М.Завадовской»: Акад. Т. 5, с. 136, 150). Так Вяземский, участник прежних бесед с Пушкиным и Мицкевичем²⁸⁰, занимает свое место в продолжающемся диалоге²⁸¹. Интересно, что Пушкин указывает не на какой-либо конкретный стих произведения Вяземского, а на стихотворение в целом. Основная же мысль «Разговора...» выражена в следующих стихах: «Нет-нет, не верьте мне: я пред собой лукавил, / Когда я вас на спор безумный вызывал; / Ваш май, ваш Петербург порочил и бесславил / И в ваших небесах я солнце отрицал. / Во лжи речей моих глаза уликой были: / Я вас обманывал — но мог ли обмануть? / Взглянули б на меня, и первые не вы ли? К тому, что мыслю я, легко нашли бы путь» (Вяземский-1986, с. 241). И затем уже — «Я Петербург люблю, с его красою стройной [...]». Комментаторы обращали внимание на параллелизм пейзажных зарисовок, однако процитированные строки вступают в диалог со всей глубиной «Вступления», да и поэмы в целом. Трудно предполагать, что Пушкин не учел этого; по-видимому, именно прямая связь содержания стихотворения Вяземского с проблематикой «Медного всадника» и побудила его составить второе примечание к поэме.

В сложном мире «Медного всадника» находим не только панегирик Петру I — основателю новой России. Пушкин видит и трагические последствия его деятельности — и в двух частях «повести» не столько спорит, сколько сближается с Мицкевичем, используя тот же мотив, что и польский поэт²⁸² — мотив, подсказанный обоим поэтам Вяземским. На полях одного из изданий пушкинской повести, подле стихов «Не так ли ты над самой бездной, / На высоте, уздой железной / Россию поднял на дыбы», — Вяземский приписал: «Мое выражение, сказанное Мицкевичу и Пушкину, когда мы проходили мимо памятника. Я сказал, что этот памятник символический. Петр скорее поднял Россию на дыбы, чем погнал ее вперед»²⁸³.

Таким образом, диалог с Мицкевичем в «Медном всаднике» оказался в какой-то мере и продолжением диалога с Вяземским. И Вяземский в этом диалоге — единомышленник Пушкина.

В 30-е гг. Вяземского особенно сближали с Пушкиным занятия русской историей.

Они доставляют друг другу необходимые материалы. Пушкин получает от Вяземского письма А.И.Бибикова к Фонвизину 1773—1774 гг. Одно из этих писем Пушкин цитирует в пятой главе «Истории Пугачева» и сопровождает цитату примечанием: «Письмо сие, вместе с другими драгоценными бумагами, доставлено было родственниками и наследниками фон-Визина князю Вяземскому, занимавшемуся биографией автора Недоросля. Надеемся в непродолжительном времени издать в свет сие замечательное по всем отношениям сочинение»²⁸⁴. Это неосуществленное намерение Пушкина выступить издателем книги Вяземского²⁸⁵ особенно интересно, если учесть, что не все суждения, в ней высказанные, вызвали его безусловное одобрение²⁸⁶. Однако как и в продолжение полемики по польскому вопросу «прозападническая ориентация» Вяземского, отдалявшая его от Пушкина (Гиллельсон, с. 212—214), не исключала общности глубоких идейных установок. Особенно близкой Пушкину была принятая в «Фонвизине» концепция царствования Екатерины II как просвещенного и благодетельного²⁸⁷. Пушкину первому читал Вяземский в 1830 г. главы своей книги. «[...] помню, когда холера начала уже спадать, зисмоу Пушкин приехал к нам в Остафьево, — вспоминал Вяземский в письме к П.И.Бартеневу от 22 февраля 1867 г. — Я прочел ему несколько глав труда своего. [...] Пушкина вспомнил я потому, что ему одному случилось мне прочесть кое-что из Ф.-Визина. После в продолжение многих лет рукопись моя пролежала под спудом»²⁸⁸. Пушкин ближайшим образом участвовал в публикации отдельных глав книги в «Литературной газете»²⁸⁹. Во второй половине февраля 1836 г. Пушкин поздравлял Вяземского «с благополучным возвращением из-под цензуры»²⁹⁰ и делился новыми находками: «Знаешь ли ты, что Фонвизин написал феологический памфлет: «Аввакум Скитник»?»²⁹¹.

Вяземский оставил точную характеристику пушкинского подхода к историческому материалу: «В Пушкине было верное понимание истории; свойство, которым одарены не все историки. Принадлежностями ума его были: ясность, пронизательность и трезвость. Он был чужд всех систематических, искусственно составленных руководств; не только он им был чужд, он был им враждебен. Он не писал бы картин по мерке

и объему рам, заранее изготовленных, как то часто делают новейшие историки, для удобного вложения в них событий и лиц, предстоящих изображению. Он не историю воплощал бы в себя и в свою современность, а себя перенес бы в историю и в минувшее. Он не задал бы себе уроком и обязанностью во что бы то ни стало либеральничать в истории и философничать умозрительными анахронизмами» (Вяземский-1984, с. 326). Это внимание к минувшим эпохам, исключавшее аллюзии, намеки на современность в высшей степени было присуще самому Вяземскому²⁹².

Вместе с тем интерес Пушкина и Вяземского к истории был во многом различной природы. В отличие от Пушкина, Вяземский не был историком в собственном смысле; он был историком культуры, искал в истории полноты ощущения минувших культурных эпох: екатерининского царствования, времени Фонвизина, затем Карамзина и Дмитриева, допожарной Москвы, наконец, эпохи, которую сейчас называют пушкинской. Его мемуарные заметки чужды всякой монументальности; их задача — осветить отдельные участки уходящих и давно минувших времен в их целостности и обаянии. Его формы — фрагменты, отрывки, мелкие заметки, которые могут свободно соединяться, группироваться, не теряя своей автономности, в сложное полотно «Старой записной книжки». При этом отдельные анекдоты, остроты, афоризмы, оригинальные выходки московских чудаков, рассказы и переписка современников обладают не меньшим, а по-своему и большим значением, чем исторические происшествия: «Предания нередко бывают дороже и выше самих событий» (РА, 1868, ст. 436); и те, и другие — лишь звенья в сложной цепи явлений культурной жизни. Вяземский по-своему влиял на Пушкина; «Старая записная книжка» вызвала к жизни «Table-Talk». Но то, что у Вяземского на первом плане, у Пушкина — на втором: как историк он исследователь «событий», и лишь во вторую очередь — «преданий».

Показательна двойственность оценок Вяземским пушкинских исторических сочинений. Воздавая должное точности и объективности Пушкина в «Истории Пугачева» и «Истории Петра Великого», Вяземский отмечал, что Пушкин «почти не вникнул» в «историю события», «в глубь его» (Вяземский-1984, с. 327). Вяземскому ближе «Арап Петра Великого» и «Капитанская дочка», к которым он подходит прежде всего как к картинам состояния русского общества в различные эпохи.

«Возьмите, например, главы, к сожалению, не законченного романа “Арап Петра Великого”, — писал Вяземский в 1874 г. — Как живо и верно обрисованы легкие очерки Петра и современного и, так сказать, насильственно создаваемого им общества. Как увлекательно и могущественно переносят они читателя в эту эпоху. Истории прагматической, истории политической, учебной истории здесь нет. Здесь мимоходом только, так сказать, случайные прикосновения к истории. Но сколько нравственной и художественной истины в этих произведениях. Это дополнительные и объяснительные картины к тексту истории. Петр выглядывает, выходит из них живой [...]. Тут нет ни одной черты, которая изменила бы очертанию и краскам современного быта [...]. Везде верный колорит, везде верный диапазон. [...] Оставляем в стороне прелесть романтического рассказа, также живого отголоска того, что есть и быть могло. Здесь имеем в виду одни свойства будущего историка, одни попытки, в которых он умел схватить, так сказать, мимоходом, несомненные приметы исторического лица». И далее, о другом романе: «В “Капитанской дочке” история Пугачевского бунта или подробности о нем как-то живее, нежели в самой истории. В этой повести коротко познакомишься с положением России в эту странную и страшную годину» (Вяземский-1984, с. 328—329).

Составляя свои мемуарные заметки, собирая записки, письма, рассказы очевидцев и участников исторических происшествий, Вяземский стремился к воссозданию духа минувших эпох, «индивидуальности и физиономии времен» (Записные книжки, с. 180), «дополнительных и объяснительных картин к тексту истории», необходимость которых была ясно осознана еще в послепожарной Москве. Он с сочувственным вниманием относился к пушкинским опытам «в историческом роде» — и двигался в то же время своею дорогой.

Глава XI.

«Современник»

Вяземский — А.И.Тургеневу, 29 декабря 1835 г.: «Я читал твое письмо в субботу у Жуковского, который сзывает по субботам литературную братью свою на свой олимпийский чердак. Тут Крылов, Пушкин, Одоевский, Плетнев, барон Розен *ets., ets.* Все в один голос закричали: “Жаль, что нет журнала, куда бы выливать весь этот кипяток, сочный бульон из животрепещущей утробы настоящего!”» (ОА, т. 3, с. 381). Выразителем мнений этого кружка и сделался «Современник»: все исчисленные только что авторы, за исключением одного Крылова, стали активными вкладчиками журнала.

Если в «Литературной газете» доминировал кружок Дельвига и отчасти Пушкина, а круг Вяземского, круг старших арзамасцев представляли лишь Давыдов с четырьмя стихотворениями и В.Л.Пушкин, с посланием «К В.А.Жуковскому», то в «Современнике» печатаются, помимо Давыдова, и Жуковский, и Тургенев. Конечно же, это не означало изменения курса, напротив, преемственность подчеркивалась специально: «[...] “Современник”, по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнения о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением “Литературной газеты”» (Современник, т. 3, с. 331).

Участие Вяземского в пушкинском журнале обстоятельно исследовано М.И.Гиллельсоном²⁹³. Оно было весьма интенсивным. Том 1: «Роза и кипарис». Том 2: статьи «Наполеон и Юлий Цезарь», «Новая поэма Э.Кине», «Разбор комедии Г.Гоголя “Ревизор”», заметка «От редакции». Том 3: «Kennst du das Land?», «Подражания испанским сегидильям», «Ответ». Том 4: заметка «От редакции». Вяземский доставил в журнал статьи кн. П.Б.Козловского (т. 1, 3), Тургенева (т. 1, 4), стихи Тютчева (т. 3, 4). Наконец, само название журнала было связано с Вяземским, его нереализованным журнальным замыслом 1827 г.²⁹⁴.

Полемика об аристократии, в которой приняла живое участие «Литературная газета», не была совершенно забыта в «Современнике». В третьем томе журнала Пушкин поместил — вопреки благоразумным советам Вяземского — стихотворение «Родословная моего героя (Отрывок из сатирической поэмы)», демонстративно направленное против новой аристократии и демократической журналистики: «Мне жаль, что тех родов боярских / Бледнеет блеск и никнет дух; / Мне жаль, что нет князей Пожарских, / Что о других пропал и слух, / Что их поносит и Фиглярин, / Что Русский ветреный боярин / Считает грамоты Царей / За пыльный сбор календарей, / Что в нашем тереме забытом / Растет пустынная трава, / Что геральдического льва / Демократическим копытом / Теперь лягает и осел: / Дух века вот куда зашел!» (Современник, т. 3, с. 156).

В том же третьем томе было помещено «Письмо к Издателю», в котором Пушкин задевал «Северную пчелу», подчеркивая ее коммерческий характер: «“Северная Пчела” газета, а доход газеты составляют именно объявления, известия и проч., без разбора печатаемая. [...] Не за объявления должно было укорять “Северную Пчелу”, но за помещение скучных статей с подписью: Ф.Б.» (Там же, с. 326—327).

Вяземский также, хотя и вскользь, затрагивает эту проблематику в статье о «Ревизоре»: «Писатели наши живут слишком вне общества; они чужды общежитийским отношениям, понятиям, мнениям, нравственности высшего круга читателей, то есть образованнейшего; между тем не довольно положительны, добросовестны, чтобы действовать с пользою на классы читателей, нуждающихся в пище простой, но сытой и здоровой» (Современник, т. 2, с. 286). Литература отошла от света, но именно он («гостиные») воплощает действительную глубину и основательность мнений: «[...] в разговорах Русских гораздо более ума, нежели в журнальных Русских статьях. Вообще ум наш натуры известной, а не письменной. К тому же в споре гостиных речь идет о мнениях: в споре журналов — о личности. С журналами спорить нельзя, по той же причине, по которой Карамзин не отвечал ни на одну критику, хотя он и любил спорить. Есть люди, которые жаркие спорщики в своем кругу и вместе с тем миролюбивы и безответны на толкучем рынке» (Там же, с. 289). От более детального и специального развития темы и Пушкин, и Вяземский уклоняются и, как можно судить по письму Вяземского к Тургеневу

от 8 апреля 1836 г., вполне сознательно. «Политика, то есть газетная политика, — писал Вяземский, возможно, намекая здесь на политический аспект полемики “Литературной газеты”, — не годится, или умеренно, потому что дозволен только журнал литературный, но историческую политику милости просим»²⁹⁵.

Сближала Пушкина и Вяземского и продолжающаяся борьба вокруг Карамзина²⁹⁶, в русле которой оба они восприняли философическое письмо Чаадаева²⁹⁷, и сочувственное внимание к Гоголю, и сдержанное отношение к французскому романтизму, стилистическим излишествам которого они противопоставили требования простоты и естественности формы исторически ориентированного романтизма. Интерес к истории (эпоха Георгия Конисского, Екатерины II и Пугачева, 1812 год и Наполеон, война с Турцией — это еще отнюдь не все исторические эпохи, затронутые в «Современнике») связывался в их сознании с вниманием к литературе факта, к хронике и документу, наконец, к жанру научной статьи.

Все это актуализировало давно осознанную ими проблему русского метафизического языка. Еще в 1825 г. Пушкин писал к Вяземскому: «Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай Бог ему когда-нибудь образоваться на подобии французского (ясного точного языка прозы — т.е. языка мыслей)»²⁹⁸.

Приступая к изданию «Современника», Пушкин думал о необходимости «[...] показать пример, каким образом можно об ученых предметах говорить простым человеческим языком [...]. Мысль начать наконец вульгаризацию (популяризацию. — Д.И.) в русской литературе весьма интересовала Пушкина, и в кн. Козловском, бывшем тогда в Петербурге, Пушкин нашел человека, вполне способного к такому делу. — Кн. Козловский был и человек светский и вместе с тем человек положительно ученый [...]»²⁹⁹. В истории знакомства Пушкина с Козловским роль посредника принадлежала Вяземскому. «[...] получил я из Парижа, — вспоминал он, — “Annuaire du bureau des longitudes”, издаваемый под особенным надзором ученого Араго. Я предложил князю Козловскому написать на эту книгу рецензию для “Современника”. Охотно и горячо ухватившись за мое предложение, продиктовал он несколько страниц, которые, без сомнения, памятливы читателям “Совре-

менника". Это была первая попытка его на русском языке и попытка самая блистательная. [...] Новый писатель с первого раза умел найти и присвоить себе слог, что часто не дается и писателям долго упражняющимся в письменном деле. Ясность, краткость, живость были отличительными чертами сего слога. Нет сомнения, что Пушкину со временем удалось бы завербовать князя Козловского в постоянные писатели и сотрудники себе. Жаль, что это не сбылось, он одарил бы нас писателем именно в таком роде, в котором у нас недостаток: писателем мыслящим, практическим, переносящим в литературу впечатления, опытность, так сказать, нравы и живое выражение общежития, писателем сочувствующим и соответствующим обществу. В нашей литературе почти вовсе нет того, что у французов в излишестве» (Вяземский, т. 2, с. 293).

* * *

Между тем при всей более или менее очевидной близости к Пушкину в целом ряде литературных и политических вопросов, при всем своем деятельном участии в «Современнике» Вяземский не был склонен оценивать его слишком высоко. «Пушкин [...] на веку своем, — читаем в статье Вяземского “Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина”, — написал несколько острых и бойких журнальных статей; но журнальное дело не было его делом. Он не имел ни достойных качеств, ни погрешностей, свойственных и даже нужных присяжному журналисту. [...] Журналист — поставщик и слуга публики. А Пушкин не мог быть ничьим слугою. Срочная работа была не по нем. Он принялся за журнал вовсе не из литературных видов, а из экономических. Ему нужны были деньги, и он думал, что найдет их в журнале. Думал он, что совладеет с журнальным предприятием не хуже другого. Не боги же обжигают горшки. Нет, не боги, а горшечники; но он именно не был горшечником. Таким образом он ошибся и в литературном отношении. Пушкин тогда не был уж повелителем и кумиром двадцатых годов. По мере созревания и усиливающейся мужественности таланта своего он соразмерно утрачивал чары, коими опаивал молодые поколения и нашу бессознательную и слабоголовую критику»³⁰⁰. Так неожиданно у Вяземского сказалося о «Современнике» то, что говорил он некогда о литературных промышленниках и коммерсантах. «Современник» с его точки зрения — неудача в денежном и

«в литературном отношении». Этот последний приговор заставляет искать свидетельства разногласий или несовпадений Вяземского с Пушкиным во время их сотрудничества в «Современнике»: помимо очевидного читательского неуспеха журнала и, как казалось Вяземскому, некоторого нарочитого пушкинского небрежения своим детищем, должны были быть более существенные основания для размежевания.

«Что это за письмо Пушкина к Нащокину будто бы с поручением пригласить Белинского на журнальное сотрудничество? Укажите мне, если можно», — писал Вяземский к П.И.Бартеневу 20 апреля/2 мая 1873 г. из Хомбурга (РГАЛИ. ф. 46. оп. 1. ед.хр. 564. л. 327 об.). Речь шла, вероятно, о письме Пушкина от 27 мая 1836 г., в котором говорилось: «Я оставил у тебя два порожних экземпляра “Современника”. Один отдай кн. Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей, №) и вели сказать ему, что очень жалею, что не успел с ним увидеться» (Акад., т. 16, с. 121). Впрочем, предложение о сотрудничестве Белинского в «Современнику» исходило не от Пушкина, а от Нащокина³⁰¹. Пушкин какое-то время и в самом деле интересовался статьями Белинского в «Телескопе» и «Молве» и, вероятно, действительно сказал как-то о нем, что у него «[...] есть чему поучиться и тем, кто его ругает»³⁰². Относилось ли это к Вяземскому, не знаем, как не знаем и того, доходили ли до него в 1836 г. какие-то сведения о намерениях Пушкина познакомиться с Белинским лично. Но если известие о намерении Пушкина с ним сотрудничать, как мы видели из письма к Бартеневу, сделалось известным Вяземскому только под конец жизни, то он во всяком случае не мог не заметить следующее замечание в пушкинском «Письме к издателю»: «Жалею, что вы, говоря о “Телескопе”, не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом, более зрелости: то мы бы имели в нем критика весьма замечательного» (Современник, т. 3, с. 327—328).

А между тем Белинский успел к этому времени написать о Вяземском: «[...] избавь нас, Боже, от его критик, как и от его стихов»³⁰³. Белинский имел в виду, по предположению М.И.Гиллельсона, «выступления Вяземского в газете Дельвига в защиту литературной аристократии» (Гиллельсон, с. 238). В

примечании к статье о «Ревизоре» Вяземский отвечал на это похвалой в адрес полемизировавшего с «Телескопом» и Белинским «Московского наблюдателя» и иронически цитировал выпад в свой адрес: «Не лзя не желать для пользы литературы нашей и распространения здравых понятий о ей, чтобы сей журнал сделался у нас более и более известным. Особенно критика его замечательно хороша. Не выгодно подпасть под удары ея, но по крайней мере оружие ея и нападения всегда благородны и добросовестны. Понимаем, что и при этом случае издатели Телескопа и другие могут в добродушном и откровенном испуге воскликнуть: “избавь нас Боже от его критик!” Но каждый молится за свое спасение: это натурально» (Современник, т. 2, с. 289—290). В рецензии на второй том «Современника» Белинский отмечал содержащиеся в нем «похвалы светским людям», назвал «светским» критиком Пушкина и в особенности обрушился на Вяземского: «Но увы! вторая книжка [...] показала явно, что “Современник” есть журнал “светский”, что это петербургский “Наблюдатель”»³⁰⁴. Из этого ясно, что реакция Вяземского на процитированный выше фрагмент пушкинского «Письма к издателю» не могла быть особенно снисходительной³⁰⁵.

Существовали, вероятно, и другие разногласия, о которых мы можем только догадываться³⁰⁶. Но так или иначе едва ли случаен тот факт, что в пушкинском «Современнике» Вяземский не поместит более своих статей: в третьей книжке он напечатает несколько стихотворений, в четвертой его сочинений не будет вовсе, если не считать редакционной заметки, в которой публика ставилась в известность о выходе в свет в новом 1837 г. сборника «Старина и новизна», подготовленного и издаваемого Вяземским.

Сказывались не только литературные, но и жизненные проблемы. Начинали развиваться события, которые в конце концов привели Пушкина к его последней дуэли. Вяземский в это время отдаляется от него совершенно.

Глава XII.

Последняя дуэль Пушкина

В день последней дуэли Пушкина С.Н.Карамзина писала: «Дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных»³⁰⁷. Отсюда ясно, почему в письме своем к В.К.Михайлу Павловичу от 14 февраля 1837 г. Вяземский говорил: «Пушкин был не понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти»³⁰⁸.

Об интриге, предшествовавшей дуэли Пушкина с Дантесом, Вяземский размышлял до конца жизни³⁰⁹, однако выводы, к которым он пришел, не были ни слишком определенными, ни окончательными.

В Остафьевском архиве сохранились не озаглавленные заметки Вяземского о второй книжке «Русского архива» 1872 г. В их числе — своеобразная рецензия на статью «Михаил Юрьевич Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников (из «Воспоминаний В.П.Бурнашева, по его ежедневнику в период времени с 15 сентября 1836 по 6-е марта 1837 г.»)³¹⁰. Вот текст этой заметки.

«Статья о Лермонтове

Эта статья не так гнусна, как предыдущая, но еще гораздо ее глупее. О самом Лермонтове тут мало, а более выставляются на показ сам автор и глупые его приятели. Впрочем все, что выходит из уст, из пера автора, делается глупым. Я никогда не был большим охотником до Лермонтова, но уверен, что он не был в состоянии сказать тех пошлостей, которые приписывает ему автор при первой встрече с ним и по поводу гусарской шинели и гражданского хитона и проч. и проч. Нового о Лермонтове узнаем только, что он сорил пеплом сигарки своей рододендрон Афанасия Ивановича. Это показалась автору такая характерная черта, что он почти целиком приводит ее два раза в рассказе своем. Если бы автор был

мало-мальски знаком с средою, которую он описывает, как бы не знать ему то, что все знали т: е: что Стальпина прозвали Монго по имени собаки его. Все, что сказано о смерти Пушкина, также вранье. Юханцев не мог дня за два до смерти Пушкина полутаинственно говорить Гречу о подметных письмах, полученных Пушкиным, потому что и Греч и весь город давно знали о них. Эти письма были разосланы за два месяца, если не более, до дуэли. Все это давно известно печатными статьями и не за чем давать место вранью Бурнашева. Укоризны Греча Пушкину за то, что он как аристократ не захотел быть на похоронах сына, также вранье. Греч при мне говорил со слезами на глазах, что Пушкин может быть часа за два до дуэли своей писал или послал через кого-то сказать (хорошо не помню) о живейшем участии, которое он принимает в его горе и извинялся перед ним, что по каким-то непредвиденным обстоятельствам сам быть у него не может. Во время болезни Пушкина никакой полиции на улице не было и никому не мешали ходить в дом наведываться о состоянии больного. Многие тысячи перебивали тут в эти два дня. Полицейские и жандармские меры были приняты уже позднее, при выносе тела в церковь и при самом погребении. Ура никогда не кричали³¹¹. Все сказанное Арендтом тоже лож[ь]. И к тому же он верно никогда не рассказывал всего, что происходило в доме Пушкина в эти два дня, потому что он только навещал больного, а постоянно при нем не был. Даль — это другое дело; он не отходил от Пушкина ни днем, ни ночью. Все эти проклятья к Дантесу как французу³¹², тоже ничто иное, как напыщенная чепуха. Разумеется, я не защищаю Дантеса, да и никогда не любил его, даже и до катастрофы. Но все же не мешает быть справедливым. Дантес был виноват перед Пушкиным, как и многие виноваты во всех слоях общества, как и сам Пушкин бывал не раз виноват: т: е: Дантес волочился за замужнюю женщиною. Участвовал ли он в подметных письмах, это осталось неизвестным, да и всего вероятнее, что не участвовал, потому что никакой пользы в этом иметь не мог. Известное же письмо Пушкина к Гекерену Голландскому посланнику исполненное самых невыносимых ругательств для Дантеса таково, что будь Дантес и не француз, а русский, сто раз русский и прямой потомок Гостомысла, то все же по обычаям существующим в обществе, он не мог не вызвать Пушкина. Остальные же последствия вызова и поединка, уже дело случая и входят в разряд обыкновенных явлений этого

рода. Сказано, что Пушкин искал смерти; вовсе нет; он и смертельно раненный искал смерти Дантеса. Да и сам Лермонтов поднявши стихотворением своим всю эту бурю патриотических проклятий, не французом же был убит, а русским. Между тем и он признается многими славою России. Стало быть и в этом отношении никакого особенного святотатства со стороны Дантеса не было. В первую минуту, в пылу первых впечатлений и сгоряча Лермонтов мог дать смерти Пушкина некоторое политическое и общественное значение: к тому же он сам был очень молод и можно было тогда простить ему его поэтическую запальчивость; но теперь снова подымать шум по этому делу ничто иное, как ребяческое, хотя и патриотическое пустословие. В том-то и беда, что расказики об общественных событиях часто были сами совершенно вне той среды, в которой эти события совершались, а знали о них из седьмых и десятых рук: из этого выходит кисель на десятой воде. Бурнашева, который служил у нас в Департаменте Внешней торговли, и теперь рассказывает о Бибикове и обо мне разные басни, я никогда не видывал ни у себя ни у Бибикова. Такие расказики в случае уличения их во вранье и ссылаются на свидетельство того или другого умершего лакея»³¹³.

Посмотрим теперь, как соотносятся эти итоговые (1872 г.) суждения Вяземского о дуэли Пушкина с Дантесом с его же мнениями о ней в 1837 г.

1872 год: «Дантес был виноват пред Пушкиным, как и многие виноваты перед многими, во всех слоях общества, как и сам Пушкин бывал не раз виноват: т. е. Дантес волочился за замужнюю женщиною. Участвовал ли он в подметных письмах, это осталось неизвестным, да и всего вероятнее, что не участвовал, потому что никакой пользы в этом иметь не мог».

1837 год: «[...] чтобы объяснить поведение Пушкина нужно бросить суровые обвинения против других лиц, замешанных в этой истории [...] двух актеров, покинувших Россию»³¹⁴; «Если бы на другой стороне был только порыв страсти или хотя бы честное ухаживание, я, продолжая оплакивать Пушкина, не осудил бы и его противника. В этом отношении я не такой уж ригорист. Всякому греху — милосердие... да, но не всякой низости!»³¹⁵

Расхождение разительно, но, как кажется, не следует недооценивать неоднократные признания Вяземского в том,

что обвинения против Дантеса и его приемного отца «[...] не могут быть обоснованы положительными фактами: моральное убеждение в виновности двух актеров этой драмы, только что покинувших Россию, глубоко и сильно, но юридические доказательства отсутствуют»³¹⁶. Это, отметим, написано 7 апреля, то есть уже после наиболее эмоционального, но вместе с тем лишено каких-либо фактов письма к Мусиной-Пушкиной. Ср. в письме к В.К. Михаилу Павловичу от 14 февраля: «[...] он (Пушкин. — Д.И.) заподозрил в их (пасквилей. — Д.И.) сочинении старого Геккерена и умер с этой уверенностью. Мы так никогда и не узнали, на чем было основано это предположение, и до самой смерти Пушкина считали его недопустимым. Только неожиданный случай дал ему впоследствии некоторую долю вероятия. Но так как на этот счет не существует никаких юридических доказательств, ни даже положительных оснований, то это предположение надо отдать на суд Божий, а не людской»³¹⁷.

Очевидно, что истина осталась скрытой от Вяземского. Подозрения 1837 г. и в 1872 г. оставались только подозрениями: почти четыре десятилетия, прошедшие со времени смерти Пушкина, не принесли подтверждений этим подозрениям. В конце жизни Вяземский более на них не настаивает.

Отрицая «политическое и общественное значение» смерти Пушкина, в полемическом задоре Вяземский в 1872 г. обнаружил то же непонимание Пушкина, что и в 1836 году. Лермонтов, вовсе не знакомый с ним лично, понял его лучше.

* * *

История взаимоотношений Вяземского с Пушкиным закончилась драматически. Последние эпизоды ее — Вяземский, «отвращающий лицо свое» и Вяземский, рыдающий на полу в Конюшенной церкви. В этой истории было все: и светская легкость, и дружеское участие, и философская глубина; сознательное стремление к консолидации и осознание ее невозможности; единомыслие и расхождение, взаимное разочарование. Значение этой истории вместе с тем выходит за рамки общения двух авторов, она представляет собой не только реальный или реалистический комментарий к теме дружеского союза поэтов, этого *sine qua non* литературы романтизма. Она еще и, может быть, неполное, но оригинальное отражение целой эпохи русский литературной жизни.

Примечания

Курсив в цитатах, за исключением особо оговоренных случаев, везде принадлежит авторам текстов. Прямыми скобками отмечены сокращения в цитатах, а также все случаи конъюктур. Особенности орфографии и пунктуации пушкинской эпохи в цитатах сохранены. Тексты записных книжек Вяземского (Вяземский П.А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963) заново сверены с оригиналом. При этом расхождения с текстом указанного издания, как правило, не оговариваются.

¹ Гиллельсон М.И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 103.

² Гиллельсон М.И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. С., 1977. С. 12.

³ Азадовский К.М., Осповат А.Л. Из дневников и писем А.И.Тургенева (Уточнения к публикациям) // ВПК. Вып. 21. С. 137.

⁴ Весьма актуальными представляются суждения ряда исследователей о недопустимости игнорирования того, что разделяло писателей «пушкинского круга», в том числе Пушкина и Вяземского. (Гордин Я.А. Три повести. Л., 1983. С. 180; Кулешов В.И. Жизнь и творчество А.С.Пушкина. М., 1987. С. 362—364; Эйдельман Н.Я. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826—1837. М., С. 305—309).

⁵ Переписка А.С.Пушкина. В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 135.

⁶ Дерюгина Л.В. Эстетические взгляды П.А.Вяземского // Вяземский-1984, С. 7.

⁷ Модзалевский. Т. 1. С. 178.

⁸ См., например: Черейский. С. 88.

⁹ Вяземский П.П. Собрание сочинений. 1876—1887. СПб., 1883. С. 472, 474.

¹⁰ Вацуро В.Э. Вяземский // Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. С. 380; Он же. Пушкин в сознании современников // Пушкин в воспоминаниях-1. Т. 1, С. 6.

¹¹ См. об этом: Гиллельсон. С. 353—354; Вяземский-1984. С. 41.

¹² Пушкин в воспоминаниях-2. Т. 1. С. 138. Писано в 1874 г.

¹³ Вяземский. Т. 7. С. 88 (из статьи «Допотопная или допожарная Москва», 1865).

¹⁴ См. о нем: Жихарев С.П. Записки современника. М.; Л., 1955; Бартенев П.И. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии // Московские ведомости, 1854. № 117, от 30 сентября. С. 19 отд. отт.; Летописи государственного литературного музея. Книга первая. Пушкин. М., 1936. С. 459—460.

¹⁵ Мать Вяземского, Евгения Ивановна О'Рейли, умерла еще в 1802 г.

¹⁶ См. об этом в «Автобиографическом введении» к полн. собр. соч. Вяземского. См. также Гиллельсон. С. 12—13; Летописи государственного литературного музея. Книга первая. Пушкин. М., 1936. С. 460.

¹⁷ «Вяземский ратовал за то, чтобы в это заведение (иезуитский пансион. — Д.И.) был отдан и старший сын Сергея Львовича», — говорит В.В.Кунин (Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. В 2 т. Т. 1. М., 1985. С. 382). Не знаем, на чем основано это утверждение.

¹⁸ Вяземский-1982. Т. 2, С. 246; Гиллельсон. С. 18.

¹⁹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 289, л. 1—2. Цит. по: Арзамас. Сборник в двух книгах. М., 1994. Кн. 1. С. 172. «Атмосфера литературных страстей и пристрастий, в которой жил Василий Львович [...] охватывала и двенадцатилетнего поэта», — замечает Т.Г.Цявловская (ПИИМ, т.4, с. 35).

²⁰ Московский наблюдатель, 1835. Август. Кн. 2. С. 621. Цит. по Вацуру В.Э. И.И.Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века // XVIII век. Сборник 16. Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989 (далее — Вацуру-1989). С. 160.

²¹ См. письмо Милорадовича от 14 августа 1812 г. к Вяземскому // РА, 1866. № 2, ст. 221; Вяземский П.А. Воспоминания о 1812 годе // Эстетика. С. 270; РА, 1869. № 1. Ст. 181—216.

²² Летопись жизни П.А.Вяземского, составленная П.П.Вяземским // РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3777, л. 7.

²³ РА, 1866. № 2, Ст. 233—234.

²⁴ РА, 1866. № 2. Ст. 238. См. также письмо к Вяземскому В.Л.Пушкина от 14 декабря 1812 г. из Нижнего Новгорода: «Я вижу из письма твоего, что ты грустишь по Москве...» // РА, 1866. № 2. Ст. 241.

²⁵ Впервые опубликовано: Труды общества любителей российской словесности при Московском ун-те. М., 1816. Ч. 6.

²⁶ Российский Музеум. 1815. Ч. 1. С. 6.

²⁷ Цит. по: Вяземский. Т. 3. С. 91—93 (здесь приведен текст первой публикации).

²⁸ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Изданное Обществом любителей Отечественной Словесности. Часть шестая. СПб., 1817. С. 213—221 (стих-е Пушкина), 221—224 (стих-е Вяземского); то же — во втором издании (СПб., 1822. С. 191—198, 198—200).

²⁹ Пушкин, можно полагать, прочел стихотворение Вяземского в № 1 «Российского Музеума» 1815 г. сразу после выхода журнала в свет: в том же № 1 напечатаны его собственные произведения: послание «К Батюшкову»

(«Философ резвый и пиит» — С. 8—10) и «Эпиграмма» («Супругою твоей я так пленился...» — С. 13), однако к тому времени готовы были две редакции «Воспоминаний...». Последующие исправления (см. также список в «Тетради Всеволожского») невозможно связать с воздействием стиля Вяземского (Акад. Т. 1. С. 447; Летопись, С. 66, 68).

³⁰ См., например, у Пушкина в стихотворении «Принцу Оранскому» (1816) («Узрел он в пламени Москву — / И был низвержен ужас мира» — Акад. т. 1. С. 182); «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году» (1815) («Меч огненный блеснул за дымною Москвою!» — и далее — Акад. т. 1. С. 145); ср.: «Померкни, солнце Австерлица! / Пылай, великая Москва! / Настали времена другие: / Исчезни, краткий наш позор!» (Наполеон (1821), Акад. т. 2. С. 215); ср. также в «Воспоминаниях...» «Утешься, мать градов России, / Воззри на гибель прищлеца».

³¹ «Вторую половину похода на Россию трудно было предвидеть, — напишет Вяземский к П.И.Бартеневу 3 апреля 1869 г., — и не было бы благодарно рассчитывать на нее безусловно» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 581, л. 240 об.).

³² См.: Описание праздника, данного в Москве 19 мая 1814 Обществом благородных людей, по случаю взятия Российскими войсками Парижа и щастливых происшествий, последовавших за занятием сей Столицы. Соч. А.В.....м (А.П.Вельяшевым. — Д.И.). Москва, 1814 (далее — Описание...). Цензурное разрешение, подписанной Иваном Геймом, было дано 1 июня 1814 г. Краткий отчет о празднике см.: «Северная почта», 1814. № 44, отдел «Известия внутренние», под заглавием «Из Москвы, от 21 мая» («некоторые особы из благородного сословия давали здесь третьего дня великолепный праздник, на приготовление которого употреблено было немало времени и знатная сумма. Праздник сей, имевший предметом славу Великого Государя нашего в России, был дан в доме Г. Статского Советника Полторацкого»). См. также в «Русском инвалиде»: «19-го прошлого мая некоторое благородное Общество в Москве, в доме Ст. Сов. Д.М.Полторацкого, праздновало торжество в честь Его Величества Императора АЛЕКСАНДРА, по вкусу, великолепию и расположению самое изящнейшее. (На пригласительных билетах были следующие слова: "Общество благородных людей, усердно желая праздновать славу Государя Императора и России, просит сделать ему честь, пожаловать на сей праздник 19 мая в 9 часов по полудни в дом Г. Статск. Сов. Д.М.Полторацкого у Калужских ворот". — примеч. автора заметки. — Д.И.). Никогда чувствования благодарности, любви и высокопочитания к обожаемому Монарху не могли быть выражены живее и трогательнее, как при сем благонамеренном празднике» (Русский инвалид, 1814. № 44. С. 324). См. также: «Выписка из описания праздника, данного в Москве 19 мая 1814 Обществом благородных людей по случаю взятия Российскими войсками Парижа» // Русский инвалид 1814. № 46. С. 338—340).

³³ Описание... С. 34—35; Храм бессмертия, пролог мелодрамою. М., 1814 (далее — Храм бессмертия). С. 11; СО, Ч. XIV. С. 280; Пантеон русской поэзии. Ч. 5. СПб., 1815. С. 163; Собрание образцовых русских

сочинений. Изд. 2. Ч. 1. СПб., 1821. С. 257; Вяземский. Т. 3. С. 46. Приведем несколько строк из очерка А.П.Вельяшева: «Между тем как в доме начался бал Польским [...], сад в коем был сожжен фейерверк, вдруг иллюминировался; — он отворен был для благородного сословия и купечества, по билетам коих роздано было до 5.000. — В саду по разным местам поставлены были разные музыки, песельники и рожешники. — Различные огни, коими усыпаны были деревья, а равно и берега прудов, ударяя в воду, составляли восхитительное зрелище. — Пущенные на воды ботики иллюминированы разноцветными огнями придавали вид совершенного очарования» (Описание... С. 20).

³⁴ Северная почта, 1814. № 39; Русский инвалид, 1814. № 44. С. 324; Описание... С. 14; Храм бессмертия... С. 9; СО. 1814. № 22. С. 98; Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Ч. 2. М., 1814. С. 221; Пантеон русской поэзии. Ч. 1. СПб., 1814. С. 138; РА, 1866. № 6. Ст. 888; Вяземский. Т. 3. С. 45 (по тексту «Описания...», с незначительными отклонениями в пунктуации).

³⁵ Об этом см.: Северная почта, 1814. № 60, отдел «Известия внутренние», под заголовком «Санктпетербург, 29 июля»; там же, 1814. № 61, отдел «Известия внутренние», под заголовком «Санктпетербург, 1 августа»; Русский инвалид, 1814. № 63. С. 441—442; Хроника недавней старины, из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876 (далее — Хроника недавней старины...). С. 208—211; Павловск. 1777—1877 (далее — Павловск). С. 168—182; Веневитинов М.А. Празднество в Павловске 27 июля 1814 года по возвращении императора Александра Павловича из покоренного Парижа (Неизданные стихи К.Н.Батюшкова) // РА, 1887. № 7 (далее — Веневитинов). С. 343—366. Этому празднику предшествовал другой, устроенный Марией Феодоровной в честь В.К. Константина, привезшего известия о заключении мира с Францией, также в Павловске (см.: Праздник мира в Павловске // Русский инвалид, 1814. № 51. С. 374—375; Павловск. С. 166—168; Хроника недавней старины... С. 207—208). И приезд Константина, «благовестителя мира» с Францией, и праздник 17 июля в Павловске, как кажется должны быть отмечены в Летописи жизни Пушкина; события эти служили живейшим предметом разговоров и никак не могли пройти незамеченными в Лицее.

³⁶ РА, 1866. № 6. Ст. 886.

³⁷ РА, 1866. № 6. Ст. 888—889; Веневитинов. С. 359.

³⁸ Северная почта, 1814. № 39. Имя Вяземского в этой публикации не упомянуто.

³⁹ РА, 1866. № 6. Ст. 888.

⁴⁰ РА, 1866. № 6. Ст. 891—892.

⁴¹ ОР РГБ, ф. 233 (С.Д.Полторацкого). № 20, ед. хр. 16. В тексте здесь и далее указываются лишь листы рукописи.

⁴² Стихотворение было напечатано в СО под заглавием: «Надпись к портрету Государя Императора Александра Павловича», воспроизведено Полторацким точно.

⁴³ См., например, уже цитировавшееся нами вслед за Полторацким четверостишие Н.Семивского, а также «Хор, петый во время ужина» на стихи В.Л.Пушкина: «Хвала Тебе, о Царь-Отец! / Десницей сильной Ты своею / Свершил всем подвигам конец. / Конец всемирному злодею! / Красуйся пышная Москва! / Се Александр тебя спасает! / Парижа гордая глава / Пред Ним смиренно упадет. / В восторге все сердца текут / К Тебе, Монарх, податель мира! / Спаситель Света! вопиют; / Цвети, цвети Твоя порфира!» // Описание... С. 37; «Восстановитель царств и мира» — читаем о царе у гр. Д.И.Хвостова (Александр I в Париже. Апреля 16 дня 1814 года. Сочинение графа Дмитрия Хвостова. СПб., 1814. С. 3 — далее — Хвостов); см. также: Радостная песнь во славу бессмертных подвигов Великого Государя Императора Александра Первого, восстановителя царей и царств, покоя и благоденствия Европы, на низложение всеобщего врага и низвержение его с похищенного им трона. Сочиненная Павлом Голенищевым-Кутузовым и изданная мая в 5-й день 1814 года. М., 1814 (далее — Голенищев-Кутузов) и т.п.

⁴⁴ См., например: Рылеев К.Ф. На погильбь врагов (1814): «О Враг кичливой, дерзновенной! / Булатный меч тебя смирит. / Пришел, и, всюду разоряя, / Опустошения творя, / И грады, веси попяляя, / Ты мнил тем устрашить царя. / Но, о исчадь злбно Ада, / Российский царь велик душой; / А все его полнощны чада / Как бы взлелеены войной» (Впервые: Маслов В.И. Литературная деятельность К.Ф.Рылеева. Киев, 1912. Приложение); Жуковский В.А. Императору Александру: «Гром русский берега Секваны огласил — / И над Парижем стал орел Москвы и мщенья! / Тогда, великого исполнен изумленья, / Узрел величие невиданное свет: / О русская земля! спасителем грядет / Твой царь к низринувшим царей твоих столицу; / Он распростер на них пощады багряницу» и т.п. (Жуковский. Т. 1. С. 207); Глинка Ф.Н. 1812 год: «Наш Александр благословенный / Перед Парижем уж стоял / И за Москву ему прощал!» (Галатея, 1839); ср.: Голенищев-Кутузов. С. 5.

⁴⁵ «О година русской славы! / Как теснились к нам державы! / Царь наш с нами к чести шел! / Как спасительно он ввел / Рать Москвы к врагам в столицу! / Как незлобно он десницу / Протянул врагам своим!» (Жуковский. Т. 1. С. 402).

⁴⁶ У Пушкина:

В Париже Росс! — где факел мщенья?

Поникни, Галлия, главой.

Но что я зрю? Герой с улыбкой примиренья

Грядет с оливою златой.

Еще военный гром грохочет в отдаленьи,

Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,

А он — несет врагу не гибель, но спасенье

И благотворный мир земле.

(Воспоминания в Царском Селе (1814) // Акад. Т. 1. С. 82). Мотив внешне внезапного, но внутренне закономерного перехода от мести к милости применительно к действиям Александра I — освободителя Европы

у Вяземского практически отсутствует. Можно указать, да и то не без некоторой натяжки, лишь на слова «скромный победитель» в упоминавшейся выше «Надписи...» и следующие стихи:

Союз Царей! — любви святой союз!
Уснули ненависть и мщенье, —
Все празднуют освобожденье
От бремени позорных уз.

(На открытие в Москве дома Российского Благородного собрания // СО, 1815. Ч. 19. С. 105; Вяземский. Т. 3. С. 89).

⁴⁷ Этой именно теме специально посвящено «Послание к Жуковскому из Москвы, в конце 1812 года» (Вяземский-1986. С. 64—65). Понимание бесповоротности гибели старой Москвы, устойчивость мыслей о мщении и радостное осознание победы русского оружия — вот, кажется, главные составляющие раздумий Вяземского о войне 1812 г. в то время. В этом отношении показательна и его заметка, посвященная празднику в Москве по случаю взятия Парижа: «... в одной Москве, освященной великими событиями, мог сей праздник сделать впечатление, которое врезано в меня навсегда. Развалины, нас окружающие, воспоминания о тех ужасах, которые свирепствовали за два года на них, на сих прежних свидетелях наших бедствий и нынешних празднеств и ликований, мысль, радостная мысль, что

Знамсна, мстители Москвы,
Шумят над Сеной горделивой!

Все вместе придавало празднику 19-го мая нечто торжественное и священное; отлучающее его от всех праздников, которые мы видели и видеть будем» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 989, л. 17—17 об.).

⁴⁸ См. его «Песнь на день рождения государя императора Александра I» (СО, 1815, Ч. 19, С. 104; Вяземский. Т. 3. С. 87) и «Многолетие, летое во время ужина, при питье за здравие государя» (Храм бессмертия..., С. 16; Описание..., С. 21; СО, Ч. 14. С. 284; Вяземский. Т. 3. С. 48). Эти ликующие и предельно общие по содержанию стихотворения, кажется, совершенно невозможны у Пушкина.

⁴⁹ В пользу принадлежности этой эпиграммы Пушкину высказался столь авторитетный исследователь, как М.А.Цявловский (Летопись, С. 45; Цявловский. С. 48).

⁵⁰ Гаевский В. Пушкин в Лице и лицейские его стихотворения // Современник, 1883. № 8 (далее — Гаевский). С. 367—368).

⁵¹ «Тебя, текуща ныне с бою, / Врата победы не вместят!» (Песнь Александру Великому, победителю Наполеона и восстановителю царств // Собрание стихотворений Анны Буниной. СПб., 1819. Ч. 1, С. 25. См. также отдельное издание 1814 г.).

⁵² Гаевский. С. 368.

⁵³ Стихотворение было опубликовано стараниями В.Л.Пушкина в ТОЛРС, 1817. Ч. 9. С. 25—28.

⁵⁴ Об этих переделках, конечно, много писали. См., например: Мейлах Б.С. Пушкин и его эпоха. М., 1958. С. 224—225 и др.

⁵⁵ Акад. Т. 3. С. 432. «Если предположить, что Пушкин имел в виду первую встречу лицейстов с Александром I, когда он проезжал через Царское Село по дороге из Острова, то можно уверенно утверждать, что это было после 11 июля 1814 г. Таким образом, уточняется еще одна деталь в биографии Пушкина», — писал по поводу только что процитированного нами фрагмента из стихотворения «Была пора: наш праздник молодой...» Г.М.Дейч (Дейч Г.М. Все ли мы знаем о Пушкине? М., 1989. С. 32—33). Представляется, однако, что для такого предположения нет оснований: проезд в ранние утренние часы и «проведение досуга» имеют мало общего. Очевидно, что Пушкин имел в виду последующий приезд Александра и, прежде всего, праздник 27 июля — именно тогда и «раздался» восторг. Давно установлено, отметим здесь же, что император проезжал через Царское Село 13 июля («после 11 июля», следовательно, ничего не уточняет) ранним утром (Летопись, С. 60, 730).

⁵⁶ Дерюгина Л.В. Эстетические взгляды П.А.Вяземского // Вяземский-1984. С. 7.

⁵⁷ «Для Вяземского победа над Наполеоном означает вступление России в круг европейских государств и выдвижение ее на важнейшее место среди них» (там же, С. 8).

⁵⁸ Арзамас и арзамасские протоколы. С. 134—135. Впрочем, в члены общества Вяземский был избран «заочно» еще 15 октября 1815 г. (Гиллельсон. С. 30).

⁵⁹ Арзамас и арзамасские протоколы, С. 140—142; Гиллельсон-1974. С. 80—88.

⁶⁰ Карамзин и Вяземский выехали из Москвы 30 января. На следующий день М.А.Волкова писала к В.И.Ланской: «Ты скоро увидишь нашего милого князя. Он вчера уехал в Петербург по делам и пробудет там до первой недели поста. Пожалуйста, не задерживайте его. Это наше сокровище самое драгоценное, мы все его ревнуем» (ВЕ, 1875. № 3. С. 232). В Петербург выехали 2 февраля в шесть часов вечера (Неизданные сочинения и переписка Карамзина. Ч. 1. СПб., 1862. С. 141). Карамзина в лице ждали; известно было, что он интересовался Пушкиным (см. письмо А.Д.Илличевского к П.Н.Фуссу от 20 марта 1816 г.: Грот Я. Извлечения из писем Илличевского к Фуссу // РА, 1864. № 10. С. 1072; См. также: Грот К.Я. Пушкинский лицей (1811—1817). СПб., 1911. С. 64—65). 23 апреля А.М.Горчаков писал к Е.Н.Пешуровой: «Я имел удовольствие видеть впервые этого выдающегося человека (Карамзина. — Д.И.). Просзжая через Царское, чтоб ехать в Москву, он остановился в лице с Пушкиным (Василий Львович) и Вяземским, которые уехали с ним. Не знаю, дошло ли до дядюшки (т.е. до сенатора А.Н.Пешурова, двоюродного дяди Горчакова. — Д.И.), что Вяземский будет печатать свои стихи в Москве, что составит прекрасное маленькое произведение» (Светлова М.К. Лицейские письма Горчакова А.М. 1814—1818 гг. // Красный архив, 1936. № 6. С. 186—187).

Существует еще довольно странная запись И.В.Малиновского на полях статьи П.И.Бартенева «Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии. Глава 2-я. Лицей» (Московские ведомости, 1854. № 117—119), относящаяся к словам Бартенева «Столь же рано узнал Пушкин и Батюшкова» (С. 45): «Я помню, как с покойным отцом моим пришли в Лицей во время классов Карамзин, Жуковский, Тургенев — и Карамзин, вызвав Пушкина, сказал: “Пари, как орел, но не останавливайся в полете”. — И он с раздутыми ноздрями — выражение его лица при сильном волнении — сел на место при общем приличном приветствовании товарищей» (Цявловский М. Заметки о Пушкине // ПиЕС, Вып. 38—39. С. 214). Приведя эту запись Малиновского, М.Я.Цявловский комментирует ее: «Здесь память изменила Малиновскому: при его отце, скончавшемся 23 марта 1814 г., в лицее не могли быть ни Карамзин, ни Батюшков. Малиновский, очевидно, говорит о посещении лицея Карамзиным с кн. П.А.Вяземским и В.Л.Пушкиным числа 23 марта 1816 г. (там же). К этому следует добавить лишь то, что в марте 1816 г. в лицее не могло быть Батюшкова. Приведем здесь еще запись Я.К.Грота: “В лицее Карамзин увидел Пушкина в 1816 г., на обратном пути из Петербурга в Москву. Карамзина сопровождали два поэта: Вас.Льв.Пушкин и князь П.А.Вяземский, который тогда и познакомился с даровитым юношей. Рассказывают, что Карамзин, прочитав в Лицее какие-то стихи Пушкина, сказал: “В нем зреет великий поэт”. По отъезде гостей наш лицеист вступил в переписку с князем Вяземским и Василием Львовичем”» (Грот Я.К. Первенцы Лицея и его предания // Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Саратовской губернии. СПб., 1874. С. 366).

Известная неопределенность имеющихся свидетельств привела к путанице с датой встречи в лицее. В ряде исследований называется 23 марта (см., например, Цявловский. С. 107), в других — 25 марта (Летопись, С. 94, 96; Черейский. С. 88). На основании заметок современников, их переписки и т.п. нельзя отдать предпочтение одной из этих дат. Более того, есть некоторые основания считать, что именно 23 марта является верной датой: в письме Карамзина к жене от 21 марта читаем: «Выеду, как надеюсь, в четверг» (Неизданные сочинения и переписка Н.М.Карамзина. Ч. 1. СПб., 1862. С. 182), который и приходился на 23 марта. Можно предположить, однако, что именно вследствие этого письма Вяземского ждали в Москве еще 25 марта, тогда как приехал он с Карамзиным лишь 27-го («Вяземский вернулся нынче в ночь, — читаем в письме М.А.Волковой к В.И.Ланской от 27 марта. — [...] Мы ждали его в субботу, и потому вчера намеревались праздновать его возвращение» ВЕ, 1875. № 3. С. 237). Во всяком случае, вопрос решает запись о посещении лицея Карамзиным, Жуковским, А.И.Тургеневым, С.Л. и В.Л.Пушкиными и Вяземским 25 марта в «Ведомостях состояния лицея» за 1816 г. (Летопись, С. 94).

⁶¹ Старина и новизна. Кн. 19. М., 1915. С. 5—6.

⁶² Бартенев П.И. Александр Сергеевич Пушкин. Материалы для его биографии. Глава 2 // Московские ведомости, 1854. № 118. С. 1476.

⁶³ Письмо Вяземского к Батюшкову от конца января или начала февраля 1815 г. Цит. по: Измайлов Н.В. Пушкин в переписке и дневниках современников // ВПК, Вып. 1. 1962. М.; Л., 1963. С. 30. Впервые опубликовано Ю.М.Лотманом (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 98. Труды по русской и славянской филологии. III. 1960. С. 311—312) с датировкой «вероятно, сентябрь 1815 г.»

⁶⁴ ЛН, 1952. Т. 58. С. 33.

⁶⁵ Сиповский В.[В.] Пушкин и романтизм // ПиЕС, Вып. 23—24. СПб., 1916. С. 242. Ср.: «Из русских писателей особенно значительными оказались влияния Батюшкова и Вяземского, но мы найдем (хотя бы в понимании сущности поэзии) заметные следы влияния и Карамзина, и Жуковского» (там же, С. 249, 265).

⁶⁶ См. еще в послании «К Батюшкову» (1816): «И не заманит сеть / Меня слепой богини!» (Вяземский-1986. С. 99).

⁶⁷ Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 91; Левяц Ю.Д. Оссиан в русской литературе. Конец XVIII — первая треть XIX века. 1980. С.96—98.

⁶⁸ Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978. С. 174—203.

⁶⁹ Там же, с. 203.

⁷⁰ Арзамас и арзамасские протоколы, С. 10, 95, 114, 241. Любопытно характерно-арзамасское полемическое противопоставление Вольтера П.М.Карабанову в послании Вяземского 1816 г. (Вяземский-1986. С. 91). См. об этом: Заборов П.Р. П.А.Вяземский и Вольтер // Россия и Запад. Из истории литературных отношений. Л., 1973. С. 190.

⁷¹ «К г-же дю Шатле» (1741).

⁷² Херасков М.М. Творения. М. Ч.7. С. 396—397 (под заглавием: «Стихи (подражание французским)»).

⁷³ «Стансы» (Из Вольтера) // Акад. Т. 1. С. 248.

⁷⁴ Впервые стихотворение было опубликовано Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина (1841. Т. IX. С. 293—294).

⁷⁵ Вяземский П.А. Заметка о переводе стансов Вольтера А.С.Пушкиным и М.М.Херасковым. Автограф с пометами рукою С.Д.Полторацкого // ОР РГБ, ф. 233, ед. хр. 9, № 41. л. 1.

⁷⁶ Любопытный штрих к литературной репутации Вяземского в лице: сохранилось свидетельство, что «Тень Баркова» Пушкин первоначально выдавал за сочинение Вяземского (Гаевский В.П. Пушкин в лице // Современник, 1863. № 7. С. 155).

⁷⁷ Песков А.М. Буало в русской литературе XVIII — первой трети XIX века. М., 1989. С. 66.

⁷⁸ Старина и повизна. Кн. 1, М., 1897. С. 11.

⁷⁹ Сборник ОРЯС, Т. 42. № 4. 1987. С. 277.

⁸⁰ Гиллельсон. С. 30—33; Гиллельсон-1974. С. 127—134.

- ⁸¹ По предположению Б.П.Городецкого это заседание состоялось 26—27 сентября (Городецкий. С. 191).
- ⁸² Это письмо не сохранилось.
- ⁸³ Старина и новизна. Кн. 22. М., 1917. С. 261.
- ⁸⁴ Т.е. Жуковского (ОА, Т. 1. С. 119, письмо Тургенева к Вяземскому от 4 сентября 1818 г.).
- ⁸⁵ Эйдельман Н.Я. Карамзин и Пушкин. Из истории взаимоотношений // ПИИМ, Т. XII. С. 291 (далее — Эйдельман).
- ⁸⁶ Речь Карамзина (СО, 1819. № 1. См. также: Гиллельсон-1974. С. 107—112).
- ⁸⁷ Дмитриев. Соч. С. 389.
- ⁸⁸ О Пушкине и Дмитриеве см.: Письма последних лет, С. 398; АБТ, Вып. 6. С. 42.
- ⁸⁹ Письма Н.М.Карамзина к кн. П.А.Вяземскому // Старина и новизна. Кн. 1. М., 1897. С. 63.
- ⁹⁰ Речи Карамзина требовал в это время от Тургенева и Дмитриев (Дмитриев. Соч. С. 389—390, 393).
- ⁹¹ Письма Александра Тургенева Булгаковым: М., 1939. С. 167.
- ⁹² Старина и новизна. Кн. 1. М., 1897. С. 43.
- ⁹³ Вацуро; Гиллельсон-1986. С. 39.
- ⁹⁴ В письме к Вяземскому уже из Михайловского от конца марта — начала апреля 1825 г. Пушкин, может быть, не без умысла, ошибается, говоря: «...отроду ни для кого ничего не переписывал, даже для Голицыной...» (Акад. Т. 13. С. 159).
- ⁹⁵ Пушкин в воспоминаниях-2. С. 144—145.
- ⁹⁶ Слова о Сибири, впрочем, еще не вся самооценка. В том же письме читаем о «Петербурге»: «Теперь — ни слова, но надеюсь скоро кончить и тогда пришлю тебе свой законносвободный и законноположительный восторг» (там же, С. 117). Здесь речь идет о последних пяти стихах (Вяземский и-1986. С. 121).
- ⁹⁷ См. письмо Вяземского к А.И.Тургеневу от 7 января 1824 г. (ОА, Т. 3. С. 1); А.А.Бестужеву от 20 января того же года (РС, 1888. № 11. С. 323) и ответное Бестужева от 28 января (ЛН, Т. 60. С. 213).
- ⁹⁸ Впрочем, в заметке А.А.Фукс «А.С.Пушкин в Казани» находим любопытное изложение эпизода, о котором Пушкин рассказывал казанской поэтессе 7 сентября 1833 г.: «Раз пошел я с Н.В.В. (Всеволожским. — Д.И.) ходить по Невскому проспекту, и из проказ зашли к кофейной гадальнице [...] “Вы, — сказала она мне, — на этих днях встретитесь с вашим давнишним знакомым, который вам будет предлагать хорошее по службе место” [...] Без сомнения, я забыл в тот же день и о гадании и о гадальнице. Но спустя недели две [...] и опять на Невском проспекте, я действительно встретился с моим давнишним приятелем, который служил в Варшаве при великом князе Константине Павловиче и перешел служить в Петербург; он мне предлагал и советовал занять его место в Варшаве,

уверяя меня, что цесаревич этого желает» (Пушкин в воспоминаниях-2. С. 258). Понятно, что этим «давнишним знакомым» мог быть только Вяземский. Но не решаемся утверждать, что Вяземский в январе 1819 г. предлагал Пушкину службу в Варшаве и звал его занять собственное место: изложение Фукс не совпадает ни с рассказом о том же посещении гадалки Соболевского, который говорил, что о службе у Пушкина был разговор с А.Ф.Орловым (Пушкин в воспоминаниях-2. Т. 2. С. 11), ни с воспоминаниями Л.С.Пушкина, где также называется Орлов (там же, Т. 1. С. 51). К тому же само посещение гадалки состоялось, видимо, позднее, в ноябре 1819 г. (Летопись, С. 194). Вряд ли о Вяземском присочинила Фукс; скорее, ее мистифицировал Пушкин, возможно, стремясь обратить разговор на Вяземского.

⁹⁹ Шибунин А.Н. Пушкин и «Общество Елизаветы» // Пушкин. Временник, Т. 1. С. 53—90.

¹⁰⁰ Сказывался общий для Пушкина и Вяземского интерес к философскому скептицизму XVIII столетия, в особенности к Вольтеру (Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978. С. 174—203).

¹⁰¹ РА, 1867. № 7. С. 1108.

¹⁰² Тот же мотив — в письме В.Л.Пушкина к Вяземскому от 16 марта: «Я восхищаюсь дарованиями моего племянника, но сердечно сожалею, что он посещает таких вандалов, как воспетый мною Шаховской. Не мудрено с волками завывать волком» (Ильин-Томич А.А. А.С.Пушкин в письмах В.Л.Пушкина // ВЛ, 1979. № 6. С. 152).

¹⁰³ «Орлову» и «В.В.Энгельгардту».

¹⁰⁴ Позже Вяземский засвидетельствует, что «Пушкин очень любил Энгельгардта», т.к. тот «охотно играл в карты» и очень удачно играл словами» (Вяземский. Т. 1. С. 17).

¹⁰⁵ Об И.С.Сибирякове см.: Вяземский-1958, С. 439. О Вяземском и Сибирякове см. также И.С.Сибиряков. Письмо к Вяземскому от 22 сентября 1833 г. РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2472). В Остафьевском архиве сохранились документы, связанные с выкупом Сибирякова: «Приглашение к подписке на выкуп из рабства природного русского стихотворца Ивана Сибирякова»; письмо М.А.Милорадовича владельцу Сибирякова Д.Н.Маслову и ответное письмо последнего — не позднее 1821 г. (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5541). См. также: РА, 1873. № 4. Ст. 638—643).

¹⁰⁶ Т.е. составляет т.н. «тетрадь Всеволожского»; издание не состоялось.

¹⁰⁷ Сочинения Озерова. Ч. 1. СПб., 1816. С. 37. Замечание Катенина см.: СО, 1820. № 5.

¹⁰⁸ СО, 1820. Ч. 59. № 2. С. 84—85; там же, № 5. С. 227—231.

¹⁰⁹ Вяземский обыгрывает здесь катенинский «Ответ...», начинавшийся словами: «Есть в народе пословица: от салной свечки Москва сгорела [...]» (СО, 1820. № 5. С. 227).

¹¹⁰ Богословский Н. Спор Пушкина с Вяземским об Озерове // Красная новь, 1937. № 1. С. 98—104.

- ¹¹¹ Старина и новизна, 1897. Кн. 1. С. 101.
- ¹¹² ОА, Т. 2. С. 36, 37.
- ¹¹³ ОА, Т. 1. С. 122. Эпиграмма Пушкина «Бессмертною рукой раздавленный зоил» (Акад. Т. 2. С. 61).
- ¹¹⁴ По его настоянию, несмотря на отсутствие каких-либо цензурных ограничений, и было осуществлено изъятие 22 стихов (Литературная мысль. Пг., 1923. Кн. 2. С. 234).
- ¹¹⁵ Речь идет о переводе части текста «Негодования» на французский язык, осуществленном самим Вяземским.
- ¹¹⁶ Лотман Ю.М., Паперно И.А. Вяземский — переводчик «Негодования» // Учен. зап. ТГУ. Вып. 369. Тарту, 1975. С. 130—131 (далее — Лотман, Паперно).
- ¹¹⁷ Оксман Ю.Г. Агитационная песня «Царь паш — немец русский» // ЛН, Т. 59. Кн. 1. С. 84.
- ¹¹⁸ Барсуков Н.П. Князь Вяземский и Пушкин // Старина и новизна. Кн. 8. М., 1904. С. 34.
- ¹¹⁹ Городецкой Б.П. Лирика Пушкина. М.; Л., 1962. С. 62—66.
- ¹²⁰ Гиллельсон. С. 270. Налицо и параллели со стихотворением Державина «Властителям и судиям».
- ¹²¹ Кутанов Н. [Дурылин С.Н.]. Декабрист без декабря // Декабристы и их время. Т. 2. М., 1932 (далее — Дурылин). С. 214.
- ¹²² Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 2. С. 388.
- ¹²³ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2951, л. 39—41 об.
- ¹²⁴ Если Вяземский действительно почерпнул сравнение с Радищевым у Фовицкого, то замечания последнего писаны в ноябре — декабре 1820 г.
- ¹²⁵ Упомянув о Радищеве в письме к Тургеневу, Вяземский тем не менее, невзирая на сомнения Фовицкого в возможности напечатать стихотворение, отдает его Бестужеву для «Полярной звезды». Стихи не увидели свет (письмо Бестужева к Вяземскому от 13 октября 1823 г. и январское 1824 г. // ЛН, Т. 60. Кн. 1. С. 208, 210), однако сама попытка Вяземского напечатать их свидетельствует о том, что он допускал возможность цензурного разрешения. В 1829 г. в альманахе «Северная звезда» был напечатан фрагмент «Негодования» (стихи 94—97, 100—103, 108—111) под заглавием «Элегия» и с указанием на авторство Пушкина.
- ¹²⁶ РС, 1887. Т. 53, январь, С. 239; Томашевский. Т. 1. С. 155.
- ¹²⁷ Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву. СПб., 1866. С. 286—287.
- ¹²⁸ Записные книжки. С. 158—159. Последняя фраза не допускает произвольных толкований: «Из рядов правительства очутился я невольником и не тронувшись с места в ряду ... будто оппозиции. Дело в том, что правительство перешло на другую сторону» (там же, С. 151).
- ¹²⁹ 19 января, вскоре после получения письма Вяземского с текстом стихотворения от 7 января 1821 г., Тургенев писал к нему: «Негодование — лучшее твоё произведение. Сколько силы и души!» (ОА, Т. 2. С. 102).

¹³⁰ Старина и новизна, 1897. Кн. 1. С. 109.

¹³¹ Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву. С. 286—287.

¹³² «... заключительные строки ("Вольности". — Д.И.), — говорит Б.В.Томашевский, — звучат как очень умеренное изложение политических целей: вольность народов объявляется не только совместимой с тронами, но даже и их опорой» (Томашевский. Т. 1. С. 153). «... в "Негодование" ясно видно, сколь умеренны были политические требования Вяземского, его практическая программа», — читаем у Л.Я.Гинзбург (Вяземский-1986. С. 13; ср.: Ланда. С. 226).

¹³³ Этот стих (Акад. Т. 2. С. 47; разрядка здесь и ниже моя. — Д.И.) — прямая цитата из «Оды на разрушение Вавилона» (1801) А.Ф.Мерзлякова, в которой читаем: «Не се ли ужас наших дней? / Не ссй ли варварской десницей / Соделал цельный мир темницей, / Жилищем глада, бед, смертей» (Мерзляков А.Ф. Стихотворения. Л., 1958. С. 218). Мерзляков писал о Павле и его времени. Пушкин, демонстративно переосмысляя известный текст, говорил о постыдном и ужасном убийстве Павла.

¹³⁴ Бонди С.М. Черновики Пушкина. М., 1971. С. 114—115).

¹³⁵ Но, конечно, речь может идти прежде всего и исключительно о близости идейной, т.к. прямых текстуальных совпадений или заимствований нет.

¹³⁶ СО, 1820. № 34. С. 12—32; № 35. С. 66—83; № 36. С. 97—114; № 37. С. 145—155.

¹³⁷ № 34 журнала увидел свет 21 августа, № 35 — 28 августа, № 36 — 4 сентября (Летопись, С. 237, 239, 341). Однако № 36, по-видимому, еще не успел в Варшаву ко времени этого письма Вяземского.

¹³⁸ Ср. в письме Пушкина к Гнедичу от 4 декабря 1820 г.: «Кто такой этот В., который хвалит мое целомудрие, укоряет меня в бесстыдстве, говорит мне: красней, несчастный? (что, между прочим, очень неучтиво) [...]» (Акад. Т. 13. С. 21).

¹³⁹ Старина и новизна, 1898. Кн. 2. С. 141.

¹⁴⁰ См. об этом: Лотман Ю.М. «Сады» Делиля в переводе Войскова и их место в русской литературе // Делиль Жак. Сады. Л., 1987. С. 207—209.

¹⁴¹ Об этом см. выше, в главе четвертой.

¹⁴² ОА, Т. 2. С. 107—109. При этом в окончательном тексте Вяземский не упускает случая выйти за рамки любовной темы: «Везде свет гордый хладным смехом / Души поэзию встречал / И суд его был рабским эхом / Продажных сплетней и похвал» (Вяземский-1935. С. 164).

¹⁴³ Письма эти частью опубликованы (ОА, Т. 5. Вып. 2; Звенья, Т. III—IV, VI, IX). Об отношениях В.Ф.Вяземской и Пушкина см.: Алексеев М.П. Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина // Пушкин. Статьи и материалы. Т. III. Одесса, 1926. С. 48—50; Вересаев В.В. Пушкин и княгиня Вяземская // Звенья, Т. VI. С. 171—176; Модзалевский. Т. 1—3; Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой

талисмап...» // Прометей. Т. 10. М., 1974. С. 37—34; Она же. Записка к В.Ф.Вяземской // Там же, С. 160—166.

¹⁴⁴ Письмо Вяземского к жене от 18 апреля 1828 г. // Литературно-художественный сборник «Красной панорамы». 1929. Ноябрь. С. 48.

¹⁴⁵ Лернер Н.О. Таинственные щепочки (Из истории отношений Пушкина к декабристам) // Каторга и ссылка, 1931. № 6. С. 179—181; Прометей. Т. 10. М., 1974. С. 222 (фотография ящика); Февчук Л.П. Портреты и судьбы. Из ленинградской пушкинианы. Л., 1990. С. 205—206.

¹⁴⁶ РА, 1901. Кн. 2. С. 206.

¹⁴⁷ Фризман Л.Г. Декабристы и русская литература. М., 1988. С. 76.

¹⁴⁸ Акад. Т. 13. С. 259. О Пушкине и движении декабристов см.: Эйдельман Н.Я. Пушкин и декабристы. М., 1979; Невелев Г.А. «Истина сильнее царя...» (А.С.Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985.

¹⁴⁹ Вяземский. Т.2. С. 218.

¹⁵⁰ ЛН, Т. 16/18. С. 606; Гиллельсон. С. 246.

¹⁵¹ Любопытно, что О.С.Пушкина в приписке своей к письму Вяземского не удержалась от замечания: «Вяземскому не терпится с его тарабарщиной, он прислал мне письмо незапечатанным, как бы нарочно предоставив мне полную свободу прочесть его, — но убей меня бог, если я могла пойти дальше 4-го куплета» (Акад. Т. 13. С. 290, 557).

¹⁵² Вяземский П.А. Приписка к статье «О жизни и сочинениях В.А.Озерова» // Пушкин в воспоминаниях-2. Т. 1. С. 112—115; Майков Л.Н. Пушкин. СПб., 1899. С. 266—283; Богословский Н. Спор Пушкина с Вяземским об Озерове // Красная новь, 1937. № 1. С. 98—104; Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 140; Медведева И.Н. Владислав Озеров // Озеров В.А. Трагедии. Стихотворения. Л., 1960. С. 66—71.

¹⁵³ В Летописи-2 — ошибочная дата: 1 июня (С. 310). Верная дата: Летопись, С. 341; см. также: Хронологический справочник (XIX и XX века). Л., 1984. С. 7, 15).

¹⁵⁴ Об окончании «Кавказского пленника» А.И.Тургенев сообщил Вяземскому еще 26 апреля 1821 г. (ОА, Т. 2. С. 187).

¹⁵⁵ Текстом поэмы Тургенев не располагал (ОА, Т. 2. С. 260). Следовательно, он либо прочел «Кавказского пленника» в присутствии Гнедича, либо «отпросил» список на несколько часов.

¹⁵⁶ Старина и новизна. Кн. 1. СПб., 1897. С. 131.

¹⁵⁷ Из собрания автографов Императорской Публичной библиотеки. Письма и записки к Н.И.Гнедичу. Письма князя П.А.Вяземского. СПб., 1898. С. 52.

¹⁵⁸ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 2611, л. 136; Летопись-2. С. 323.

¹⁵⁹ Ср. ответ А.И.Тургенева: ОА, Т. 2. С. 275.

¹⁶⁰ СО, 1822. № ХІХ. С. 115—126.

¹⁶¹ См., например: Из писем А.Я.Булгакова к брату // РА, 1901. № 3. С. 468 (письмо от 18 декабря 1822 г.).

¹⁶² Заметим здесь, что, конечно, Вяземского, Жуковского, А.И.Тургенева литературные круги Москвы и Петербурга занимают в это время не только поэмы Пушкина, но и его лирические стихотворения: «Черная шаль» (ОА, Т. 2. С. 253, 254, 256, 257), «Муза» (Базанов В. [Г.] Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 378), «Послание к цензору» (ОА, Т. 2. С. 278), «Война» (там же, С. 282, 287), не дошедшее до нас стихотворение «Прощание с жизнью» (Барсуков С. 31; ОА, Т. 2. С. 325, 327). Обсуждаются также «Братья разбойники», у Вяземского встретившие прохладный прием (Акад. Т. 13. С. 70; ОА, Т. 2. С. 327).

¹⁶³ «[...] припиши к Бахчисараю предисловие или послесловие, [...]»; прилагаю при сем полицейское послание, яко материал; почерпни из него сведения (разумеется, умолчав об их источнике). Посмотри также в Путешествии Апостола-Муравьева статью Бахчи-сарай, выпиши из нее что поспешнее — да заворижи все это своею прозою [...]» (Акад. Т. 13. С. 73). Вяземский предварил текст пушкинской поэмы своим предисловием, не вполне соответствовавшим тому, о чем просил его Пушкин (Томашевский. Т. 2. С. 130), а в конце издания — выписку из «Путешествия по Тавриде» И.М.Муравьева-Апостола.

¹⁶⁴ 9 марта Вяземский писал к А.А.Бестужеву: «“Фонтан” выйдет завтра [...]» (РС, 1888, ноябрь, С. 330). 9-м марта, на наш взгляд, следует датировать записку Вяземского к А.Я.Булгакову: «Скажи мне, любезный Булгаков, можешь ли ты по обещанию своему отправить завтра в Одессу десять книжек Бахчисарайского фонтана автору? и в таком случае, как и в котором часу тебе их прислать? Да можно ли отправить безденежно ради Поэта? Ты одолжишь меня разрешением этих вопросов и облегчением затруднений. Будешь ли у Моисея? До свидания. Воскресение. — Что нового из Питера?» (РГАЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 31, л. 110). Основания датировки: 9-е марта и приходилось на воскресенье; до следующего воскресенья, 16 марта, Вяземский, кажется, должен был успеть обсудить с Булгаковым «вопрос», касающийся до способов отправки послания к Пушкицу, и едва ли спрашивал бы о том.

¹⁶⁵ 5-й № «Вестника Европы» вышел 27 марта (Летопись-2. С. 403). На статью М.А.Дмитриева опрокинулся обратный визит публики Булгарин (Литературные листки, 1824. Ч. 2. № 7. С. 277—278; цензурное разрешение этого № «Листков» — 15 апреля 1824 г.).

¹⁶⁶ СО, 1824. № 18. С. 181—182 («Письмо к И. дателю “Сына Отечества”»).

¹⁶⁷ Ошибся, впрочем, не один только Вяземский — ошибся и Пушкин, написавший в апреле эпиграмму против Каченовского («Охотник до журнальной драки»), полагая его автором «Второго разговора» (Летопись-2. С. 407). Сходным образом расценили начавшуюся полемику многие современники. «По случаю появления сей прекрасной пьесы (“Бахчисарайского фонтана”. — Д.И.), — читаем в письме В.А.Муханова к Н.А.Муханову

от 27 марта 1824 г., — возгорелась здесь литературная война между Вяземским и Каченовским» (Щукинский сборник. Вып. 5. М., 1906. С. 271). Об авторстве М.А.Дмитриева как о только что полученном известии говорит 24 апреля А.Я.Булгаков в письме к брату (РА, 1901, № 5. С. 53). 7-й № «Дамского журнала» вышел 14 апреля (Летопись-2. С. 410).

¹⁶⁸ Летопись-1. С. 412.

¹⁶⁹ Летопись-2. С. 413. У Вяземского неточность или опечатка: «Второй разговор...» был помещен в 5 № «Вестника Европы».

¹⁷⁰ Дамский журнал, 1824. № 7. С. 36.

¹⁷¹ Отметим лишь, что против Вяземского выступил также А.И.Писарев со статьями «Особая переписка» (Вестник Европы, 1824. № 5. С. 76—78, подпись: Бывший журнальный клевет), «Еще разговор между двумя читателями “Вестника Европы”» (там же, № 8. С. 307—313, подпись: Александр Писарев). В том же, восьмом номере «Вестника Европы» в разделе «Краткие выписки, известия и замечания» за подписью «А.» (в изданиях «Летопись», С. 465 и «Летопись-2», С. 416 — ошибочно: «А.С.») помещено стихотворение «Je voulais faire la critique» (С. 323—324), задевавшее Вяземского. См. об этом еще: Литературные листки, 1824. № 7. С. 280—282; № 8. С. 322—323; № 11 и 12. С. 432; Дамский журнал, 1824. № 11. С. 195—196. См. также: Томашевский. Т. 2. С. 128—135; Мордовченко. С. 202—208; Гиллельсон. С. 100—110.

¹⁷² О значении этого слова в полемиках 1820-х гг. см.: Полевой Кс. Записки. М., 1888. С. 98—99; Полевой Николай. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 153—154.

¹⁷³ Вестник Европы, 1824. № 9. С. 61—62.

¹⁷⁴ Вестник Европы, 1824. № 7. С. 196, 197, 201, 209; № 8. С. 271—272, 308 и проч.

¹⁷⁵ Там же, С. 239. Ср.: Дамский журнал, 1824. № 7. С. 35 («[...] потому что я свойства нетерпеливого»).

¹⁷⁶ См., например, оценку полемики в письмах Я.И.Сабурова к А.И.Сабурову от 12 мая (ЛН, Т. 58. С. 44), В.А.Муханова к А.А.Муханову того же числа (Щукинский сборник. Вып. 5. С. 272—273). См. также: Полевой Ксенофонт. Записки о жизни и сочинениях Николая Алексеевича Полевого // Полевой Николай. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 159.

¹⁷⁷ ОА, Т. 5. Вып. 2. С. 113.

¹⁷⁸ Вяземский П.П. А.С.Пушкин (1816—1825). По документам Остафьевского архива // Берег, 1880. 6 июня. № 74.

¹⁷⁹ В альманахе помещена будет и статья А.А.Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов», в которой Вяземский сможет прочитать хвалебный отзыв о «Цыганах».

¹⁸⁰ Своей просьбы Вяземский не возобновлял — да и некогда было, собирався в Петербург. Отметим здесь же, что Вяземский, не видевший полного текста поэмы, успел высказаться об отрывках из нее, напечатанных в «Полярной звезде»: 4 мая вышел 8 № «Московского телеграфа» со статьей

«Полярная звезда на 1825 г.» за подписью: А., как иногда подписывался Вяземский (Летопись-2. С. 530, 679).

¹⁸¹ Цыганы. (Писано в 1824 году). Москва. В типографии Августа Семена. 10 мая 1827 г. Вяземский писал к А.И.Тургеневу: «На днях послал я вам через наше министерство и Цыганов [...]» (ОА, Т. 3. С. 160).

¹⁸² МТ, 1827. Ч. 15. Отд. 1. С. 111—122. См. также: Вяземский. Т. 1. С. 313—325; Вяземский-1984, С. 72—82; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, 1183, л. 378—395.

¹⁸³ Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву. СПб., 1866. С. 370—371 (письмо от 7 апреля 1824 г.).

¹⁸⁴ Литературные листки, 1824. № 4. С. 148.

¹⁸⁵ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Л., 1978. С. 29.

¹⁸⁶ Показательно, что здесь смещается значимость жанроуказания: для Вяземского существенна не собственно жанровая разновидность («поэма», «послание»), а характер ее реализации («описательная», «описательное»).

¹⁸⁷ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. С. 61, 78, 85 и др.

¹⁸⁸ Томашевский. Т. 2. С. 130—132.

¹⁸⁹ Об актуальности суждения Вяземского свидетельствуют хотя бы два письма П.А.Катенина к Н.И.Бахтину. В письме от 28 января 1823 г. читаем: «[...] прочтите князя Вяземского; он восхваляет характер Черкешенки за неопределенность! Я чаю, это в первый раз считается за достоинство в характеристике» (Катенин П.А. Размышления и разборы. М., 1981. С. 226). 13 июля 1824 г. Катенин писал: «... “Полярную звезду” и “Бахчисарайский фонтан” я читал; “Звезда” дряная композиция, а “Фонтан” что такое и сказать не умею; смыслу вовсе нет. Вначале Гирей курит и сердится, потом встал и пошел куда-то, вероятно на двор, ибо — после об этом ни слова, а начинается описание внутренности гарема, где, по мнению Пушкина, заперты невольницы, пылкие грузинки и пр. сидят, беспечно ожидая хана!!! Что за Мария? Что за Зарема? Как они умирают? Никто ничего не знает, одним словом, это *gotantique*» (там же, С. 246).

¹⁹⁰ Вестник Европы, 1824. № 5. С. 61—62.

¹⁹¹ Сонеты Адама Мицкевича вышли в свет в 1826 г. в Москве отдельным изданием на польском языке (Ланда С.С. «Сонеты» Адама Мицкевича // Мицкевич Адам. Сонеты. Л., 1976. С. 225—300). К названной статье Вяземского в МТ прилагались некоторые из этих сонетов в его прозаическом переводе на русский язык. Статья Вяземского была перепечатана в качестве предисловия к «Сонетам» в переводе И.И.Козлова (СПб., 1829). См.: Польская художественная литература в русской и советской печати. Библиографический указатель. Т. 3. Адам Мицкевич. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1988.

¹⁹² Вяземский-1984. С. 73. Любопытно, что здесь налицо даже сходство синтаксиса («не по моде, не по прихоти, но» — «не от лени, не от неумения..., но»).

¹⁹³ А.И.Тургенев полагал иначе — и отвечал Вяземскому 28 апреля: «Очень ты меня обрадовал строками о стихах Козлова, и я тотчас их ему передал; но с тобой не согласен. В них, конечно, много глубокого чувства, но разве это не трое в одном, то есть Жуковский, Пушкин и Батюшков в Козлове, или лучше он из них, а те самостоятельны. Замечание сие не мешает Козлову иметь гораздо больше истинной чувствительности и души, нежели в Пушкине, но воображения меньше. Те творят; он кроит из готового, т.е. из них, хотя с привесом, и большим, своего» (ОА, Т. 3. С. 117).

¹⁹⁴ Пушкин в воспоминаниях-2. Т. 2. С. 45. Ср.: Майков Л. Пушкин. СПб., 1899. С. 349.

¹⁹⁵ Это со всей определенностью удовлетворяет пушкинское «Письмо к издателю Сына Отечества» (СО, 1824. № 18).

¹⁹⁶ По-видимому, речь должна идти о письме Пушкина к В.Ф.Вяземской, написанном в конце октября 1824 г., дошедшем до нас лишь в черновых фрагментах (Акад. Т. 13. С. 113—114). Последние известные слова этого письма («Le prince a ...»), открывающие новый абзац, свидетельствуют о том, что Пушкин предполагал заключить письмо суждениями о Вяземском. Об этих суждениях, как следует предположить, Вяземский и говорит в письме своем к Пушкину от 6 ноября.

¹⁹⁷ Вестник Европы, 1824. № 7. С. 197 (примеч. Каченовского); Дамский журнал, 1824. № 9. С. 117 (примеч. П.И.Шаликова).

¹⁹⁸ 10-й № «Дамского журнала» вышел 29 мая (Летопись-2. С. 422).

¹⁹⁹ Ниже следуют цитаты из письма Пушкина к Вяземскому от начала апреля 1824 г. (Акад. Т. 13. С. 91—92).

²⁰⁰ 12-й № «Вестника Европы» вышел 17 июля (Летопись-2. С. 439).

²⁰¹ Литературные листки, 1824. Ч. 1. № 4. С. 147—148 (4-й № «Листков» вышел 3 марта: Летопись-2. С. 397).

²⁰² См. об этом: Томашевский. Т. 2. С. 132—133.

²⁰³ Лернер Н.О. Распутанное недоразумение (из истории одной дружбы) // Лернер Н.О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 116.

²⁰⁴ Ср.: там же, С. 113.

²⁰⁵ Распространенное мнение о том, что в эпиграмме «Прозаик и поэт» речь идет исключительно о противопоставлении поэзии и прозы как двух типов речи словесного искусства, кажется нам неверным. Мнение это опровергает Вяземский самим характером своего восприятия пушкинской эпиграммы: ведь если речь идет о поэзии и прозе, и только о них, непонятно, отчего он задет и переживает.

²⁰⁶ Томашевский Б.В. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925. С. 111. Рукою Пушкина. С. 238—239.

²⁰⁷ Сближение Вяземского с Полевым было связано, в частности, с тем, что последний принял сторону Вяземского в полемике вокруг «Бахчисарайского фонтана» и даже отослал в «Сын Отечества» статью против Дмитриева (ОА, Т. 3. С. 38; Гиллельсон. С. 128).

208 О «Московском телеграфе» и участии в нем Вяземского см.: Попова Н.А. Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. Указатель содержания. Выпуск I. 1825—1828; Выпуск II. 1829—1834; Выпуск III. Вспомогательные указатели. Саратов, 1984, 1987; Сухомлинов М.Н. Н.А.Полевой и его журнал «Московский телеграф» // Исторический вестник, 1886. № 3; Козмин Н. «Московский телеграф»: иностранная журналистика и литература // Известия ОРЯС АН, 1900. Т. 5. № 1; Орлов В.Н. Николай Полевой и его «Московский телеграф» // Орлов В.Н. Пути и судьбы. Л., 1962. С. 181—311; Гиллельсон. С. 128—169.

209 Приводим заглавия, под которыми пушкинские произведения были напечатаны в «Телеграфе».

210. Здесь и выше примечания Н.П.Барсукова.

211 Юбилей М.А.Максимовича. Киев, 1871. С. 62—63; Барсуков, Т. 2, С. 96.

212 Пушкин в воспоминаниях-2. Т. 2. С. 40.

213 РА, 1865. № 1. С. 95—108.

214 РГАЛИ, ф. 373 (М.П.Погодина), оп. 1, ед. хр. 119, лл. 2—2 об.

215 Ср. в письме Пушкина к А.А.Бестужеву от 8 февраля 1824 г.: «Об моей поэме нечего и думать — если когда-нибудь она и будет напечатана, но верно не в Москве и не в Петербурге» (Акад. Т. 13. С. 88).

216 «Поклонись за меня хорошенько нашему умному Вяземскому», — говорил Туманский (Акад. Т. 13. С. 81).

217 Ср. в письмах к брату Льву Сергеевичу от 13 июня (Акад. Т. 13. С. 98), А.А.Бестужеву от 29 июня (там же, С. 101). А.И.Тургеневу от 14 июля (там же, С. 103).

218 ОА, т. 5. Вып. 2. С. 112—113. Ср.: «Не говори ему о Байроне раньше, чем он кончит своего Онегина; он ничего не сделает, даже если и обещает тебе» (там же, С. 115, письмо от 4 июля).

219 Акад. Т. 13. С. 110; Летопись-2. С. 457, 485.

220 Вяземский П.П. А.С.Пушкин (1816—1825). По документам Остафьевского архива // Берег, 1880. 6 июня. № 74.

221 Там же, С. 67.

222 См.: Модзалевский. Т. 1. С. 419—420.

223 Об отношениях Пушкина и Ф.И.Толстого-Американца см.: Толстой С.Л. Федор Толстой Американец. М., 1990. С. 31—35; Модзалевский. Т. 1—3; Письма последних лет, С. 473—474; Черейский. С. 438—439.

224 Текст эпиграммы Толстого на Пушкина см.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 750.

225 Акад. Т. 13. С. 285 (приписка к письму Вяземского к Пушкину от 12 июня).

226 Вяземский. Т. 2. С. 23.

227 Лонгинов М. [Н.] Из современных записок // Русский вестник, 1861. № 4. С. 127—130. Вяземский прочел статью Лонгинова: экземпляр

ее сохранился в Остафьевском архиве (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 6425).

²²⁸ Розанов, С. 7—14; Бицилли П.М. Пушкин и Вяземский // Годичник на Софийския университет. Историко-филологически факултет, 1939. Кн. 35. № 15. С. 30—31; Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 213—214; Мейлах Б.С. Талисман. Книга о Пушкине. М., 1975. С. 122—123; Макогоненко Г.П. Избранные работы. О Пушкине, его предшественниках и наследниках. Л., 1987. С. 392—393; Гиллельсон. С. 278—282; Соколова К.И. Элегия П.А.Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С.Пушкина // Проблемы пушкиноведения: Л., 1975. С. 67—82.

²²⁹ Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 213.

²³⁰ Фридендер Г.М. Поэтический диалог Пушкина с Вяземским // ПИИМ, Т. XI. С. 169.

²³¹ Михайлова Н.И. Роман «Евгений Онегин» и ораторская культура первой трети XIX в. // ПИИМ, Т. XIII. С. 61.

²³² Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 259.

²³³ И.Н.Розанов имел в виду стих Вяземского «Весны роскошныя смиренная сестра» и замечал о нем: «[...] но если уж речь зашла о смирении, то осень еще смиреннее, чем зима. Она настолько смиренна, что Вяземскому, посвятившему ее описанию 14 строчек в своем “Первом снеге”, даже и в голову не пришло допустить ее к конкурсу на место любимой поры года» (Розанов. С. 13).

²³⁴ Марин С.Н., Милонов М.В. Стихотворения. Драматические произведения. Письма. Воронеж, 1983. С. 206.

²³⁵ Баратынский Е.А. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957. С. 89—90.

²³⁶ См. также: Записные книжки. С. 208 (запись от 19 декабря 1830 г.).

²³⁷ «[...] меня давило какое-то предчувствие», — записывал Вяземский 3 октября (Записные книжки. С. 194), имея в виду приближающуюся «заразу»).

²³⁸ Видимо, правильное будет сказать, что воздействие Вяземского наложилась на собственный пушкинский опыт: образ обреченной на смерть девушки обнаруживаем в стихотворении 1820 г. «Увы, зачем она блистает...» / Муравьева О.С. Образ «мертвой возлюбленной» в творчестве Пушкина // ВПК, Вып. 24. С. 22). Другое дело, что образ начал ассоциироваться с темой осеннего умирания природы позднее, быть может, под влиянием Вяземского, сумевшего обновить элегический штамп.

²³⁹ Показательно, что «яхонт и янтарь» присутствуют и в «Осени» 1874 г.; одном из лучших стихотворений Вяземского (Вяземский-1986. С. 405).

²⁴⁰ Языков Н.М. Сочинения. Л., 1982. С. 47.

²⁴¹ Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Л., 1983. С. 119.

²⁴² Отметим еще, что один мотив из «Станции» отразился в пушкинских «Дорожных жалобах». В «Станции» читаем: «Голодный, стол окинув взглядом, / И видя в разных племенах / Живой обед со мною рядом / На двух и четырех ногах, / Голодный, видя к злой обиде, / Как по ногам моим со сна, / С испуга, в первобытном виде / Семейно жмется ветчина, / Я не грущу: пусть квас и молод, / А хлеб немного пожилой, / Я убаюкиваю голод / Надеждой, памяти сестрой. / Постясь за полдником крестьянским, / Отраднo мне себе сказать: / Я трюфли запивал шампанским, / Бог даст, и буду запивать» (Вяземский-1986, С. 175). В «Дорожных жалобах» 1829 г.: «Долго ль мне в тоске голодной / Пост невольнo соблюдать / И телятиной холодной / Трюфли Яра поминать» (Акад. Т. 3. С. 178). Сходные мотивы — в строфе XXXIV седьмой главы «Евгения Онегина» (Акад. Т. 6. С. 153—154).

²⁴³ И.Н.Розанов даже предположил, что Вяземский отказал в романе влияние на дальнейшую судьбу Татьяны: «... следует отметить, что именно благодаря Вяземскому на Татьяну было обращено внимание в свете завидными женихами. Вяземский явился невольным сватом, т.е. косвенно повлиял на дальнейшую судьбу Татьяны» (Розанов. С. 5).

²⁴⁴ Гинзбург Л.Я. П.А.Вяземский // Вяземский-1958. С. 34; Гиллельсон. С. 284. Об отклике на «Станцию» и «Зимние карикатуры» Вяземского в седьмой главе «Евгения Онегина» см.: Алексеев М.П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 130—132. Об эпиграфе из «Станции» к «Станционному смотрителю» см.: Виноградов. С. 465—468; Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М., 1974. С. 158; Фридлиндер Г.М. Поэтический диалог Пушкина с П.А.Вяземским // ПИИМ, Т. XI. С. 170—171.

²⁴⁵ Вяземский-1986, С. 200. Ср.: Акад. Т.6. С. 3.

²⁴⁶ Впервые отмечено в кн.: Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А.Дельвига и А.С.Пушкина. М., 1966. С. 158.

²⁴⁷ Вяземский-1986. С. 177; Акад. Т. 6. С. 18—19.

²⁴⁸ Адольф. Роман Бенжамен-Констана. СПб., 1831, посвящение.

²⁴⁹ Там же, С. VII.

²⁵⁰ В конце февраля 1828 г. Баратынский писал к Пушкину: «Я очень люблю обширный план твоего Онегина; но большее число его не понимает.. Ищут романической завязки, ищут обыкновенного и, разумеется, не находят. Высокая поэтическая простота твоего создания кажется им бедностию вымысла» (Акад. Т. 14. С. 6).

²⁵¹ Акад. Т. 11. С. 87. О романе Констан в творчестве Пушкина и об отношении Пушкина к переводу Вяземского см.: Ахматова А.А. «Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина. // Ахматова Анна. О Пушкине. М., 1989. С. 51—89; см. также: Eugene Onegin. A novel in Vers by Alexander Pushkin. Translated from the Russian with a Commentary, by V.Nabokov. New York, 1964. Т 3. P. 94—102; Гиллельсон. С. 180—185.

²⁵² Томашевский Б.В. Пушкин. Работы разных лет. М., 1990. С. 566.

²⁵³ Баратынский Е.А. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1987. С. 194. Приведенные выше цитаты из писем 1829 г. см. там же, С. 185, 193.

²⁵⁴ Пушкинская заметка о переводе Вяземского вызвала полемическую заметку М.П.Погодина в «Московском вестнике» (Гиллельсон. С. 183). Не исключено, что Вяземский, сближая некоторые формулировки в своем предисловии с суждениями Пушкина, демонстративно подчеркивал единство теоретических установок.

²⁵⁵ См. об этом: Записные книжки. С. 211—215; Спасович В.Д. Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства // Сочинения В.Д.Спасовича. Том 8. СПб., 1896. С. 35—38; Kucharska E. Piotr Wiazemski a kwesta polska // Zeszyty naukowe WSP w Opolu. Filologia rosyjska. T. 5. Opole, 1967. С. 46—50; Dworski A. Puszkina w kręgu kultury polskiej // Acta Universitatis Wratislaviensis. № 720. Slavica Wratislaviensis. T. XXX. Wrocław, 1983 (далее — Дворский). S. 160—164. Литература о польских отношениях Вяземского приведена в изд.: Torogowski M. Puszkina w Polsce. Warszawa, 1950; Mickiewicz A. Zarys bibliograficzny. Warszawa, 1957; Адам Мицкевич в русской печати. 1825—1955. Библиографические материалы. М.; Л., 1957; Bibliografia rusycystyki polskiej. 1945—1975. Literaturoznawstwo. Warszawa, 1976; Bibliografia rusycystyki polskiej. 1976—1981. Literaturoznawstwo. Warszawa — Łódź, 1991; Польская художественная литература XVI — начала XX вв. в русской и советской печати. Т. 3. Адам Мицкевич. Указатель русских переводов литературно-критических работ о нем на русском языке, изданных в 1825—1981 гг. Warszawa — Wrocław — Kraków — Gdańsk — Łódź, 1988.

²⁵⁶ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1957. Т. 3. С. 391 (реконструкция Б.В.Томашевского); Акад. Т.3. С. 444 (реконструкция Т.Г.Цявловской). Мы принимаем во внимание оба варианта реконструкции.

²⁵⁷ Черновая, впоследствии утраченная, рукопись послания была опубликована (как можно предполагать, с дефектами) в изд.: Шляпкин И.А. Из неизданных бумаг Пушкина. СПб., 1903. С. 28.

²⁵⁸ Литературу вопроса см.: Дворский. С. 160—164.

²⁵⁹ Дворский. С. 168. Здесь и далее перевод мой. — Д.И.

²⁶⁰ Акад. Т. 3. С. 444.

²⁶¹ На литературную сторону дискуссии, абсолютизовав, впрочем, ее значение, впервые указал А.Дворский (Дворский. С. 161).

²⁶² РА, 1895. Кн. 2. С. 112.

²⁶³ См. еще в письме Пушкина к Вяземскому от 1 сентября 1822 г. о печатных выпадах против Ф.И.Толстого: «Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии; я не согласен. Куда не достает меч законов, туда достает бич сатиры» (Акад. Т. 13. С. 43).

- ²⁶⁴ Записные книжки. С. 212. Последняя фраза в этом издании опущена (Ср.: РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1111, л. 36 об).
- ²⁶⁵ Вопрос о том, почему Вяземский не отправил Пушкину письмо о «шинельных стихах», представляется не вполне проясненным. В дневнике это объясняется боязнью перлюстрации (Записные книжки. С. 212), но ведь было же отправлено отнюдь не «подцензурное» письмо к Е.М.Хитрово (РА, 1895. Кн. 2. С. 110—113). Письмо могло быть отправлено и с оказией. Думается, Вяземский стремился прежде всего к широкому общественному резонансу своего спора с Пушкиным. Указание на невозможность отослать письмо по почте подчеркивало значение разногласий.
- ²⁶⁶ Тургенев А.И. Политическая проза. М., 1989. С. 158—159.
- ²⁶⁷ См. также запись А.И.Тургенева в дневнике от 31 октября 1831 г. (Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825—1826). М.; Л., 1964. С. 520—521).
- ²⁶⁸ Пушкин в воспоминаниях-2. Т. 2. С. 221.
- ²⁶⁹ В этом отношении показательно следующее признание Вяземского: «При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в суждениях его о чужеземных писателях. Этого чувства я не знал и не знаю» (Пушкин в воспоминаниях-2. С. 110—111).
- ²⁷⁰ Zwierciadlo pracy. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1982.
- ²⁷¹ Акад. Т. 14. С. 169.
- ²⁷² Отмечено в изд.: Дворский. С. 162.
- ²⁷³ Дворский. С. 163.
- ²⁷⁴ ОА, Т. 2. С. 296.
- ²⁷⁵ Ланда С.С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России // Пушкин и его время. Л., 1962. С. 108.
- ²⁷⁶ В статье «Мицкевич о Пушкине» Вяземский называет Лелевеля одним из «пламеннейших и глубоко убежденных деятелей польского восстания» (Вяземский-1984. С. 296). Существовало, что эти слова были написаны в 1873 г., когда Вяземский уже вполне определенно поддерживал политику русского правительства по отношению к Польше (см. его очерк, выпущенный в 1864 г. без подписи под названием: «La question Polonais et Mr. Pelletan»).
- ²⁷⁷ Франк С.Л. Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX вв. М., 1990. С. 396—422.
- ²⁷⁸ Впрочем, взгляды Вяземского и на этот вопрос отличались достаточной сложностью. Во всяком случае, его позиция в 1830-е гг., безусловно, далекая от идеи славянского единства, допускала возможность внутренней эволюции к своеобразному увлечению этой идеей в 40—50-е гг. (см., например: Кишкин Л.С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. Разыскания, исследования, сообщения. М., 1983. С. 194—197). В 60—70-е гг. Вяземский вновь противник славянской идеи.

279 О позиции Пушкина см.: Франк С.Л. Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Пушкин в русской философской критике. С. 453—456.

280 См., например: G omolicki Leon. Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji 1824—1829. Warszawa, 1949.

281 Своеобразное завершение этого диалога — статья Вяземского «Мицкевич о Пушкине» (РА, 1873. Ст. 1057—1090; датирована 14/26 апреля 1873 г. (см. о ней: Mickiewicz W. Piotr Wiazemskij o Mickiewiczu // Tygodnik ilustrowany. 1915. Т. 1. № 9; Lednicki W. Puszkini — Mickiewicz. Mickiewiczowy nekrolog Puszkina. Krakow, 1935. См. также нашу заметку «Из истории публикации и комментирования статьи Адама Мицкевича “Пушкин и литературное движение в России”» (Przegląd rusycystyczny. 1989. № 2. С. 43—49).

282 Ср.: «Отрывок» III части «Дядюв», стихотворение «Памятник Петра Великого», стих 31; «Медный всадник», стих 423.

283 Старина и новизна, 1904. № 8. С. 40. Ср. в статье «Мицкевич о Пушкине» // РА, 1873, ст. 1061. См. об этом: Lednicki W. Studium // Jezdziec Miedziany. Opowieść petersburska Aleksandra Puszkina. Warszawa, 1932. С. 59—67; Klejner J. Mickiewicz. Т. 2. Ч. 1. Lublin, 1948. С. 451—452. См.: Ивинский Д.П. Александр Пушкин и Адам Мицкевич в кругу русско-польских литературных и политических отношений. Вильнюс, 1993. С. 99—100.

284 Акад. Т. 9. С. 110. Ср.: там же, С. 456.

285 См. об этом: Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Из пушкинских маргиналий. (Пометы на книге Вяземского о Фонвизине) // Прометей. Вып. 10. М., 1974. С. 116—117.

286 Гиллельсон. С. 211—214; Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Из пушкинских маргиналий. С. 123—129; Новонайденный автограф Пушкина. Заметки на рукописи книги П.А.Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» / Подготовка текста, статья и комментарий В.Э.Вацуро и М.И.Гиллельсона. М.; Л., 1968.

287 Вяземский. Т. 5. С. 6 и др. См. об этом: Гиллельсон. С. 208—210.

288 Звенья, Т. 6. С. 151—152. Пушкин приезжал в Остафьево 16—17 декабря 1830 г. См.: Записные книжки. С. 208; Вяземский. Т. 1. С. 11; Вяземский П.П. А.С.Пушкин (1816—1837). По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям // РА, 1884. № 4. С. 415—416.

289 ЛГ 1830. Т. 1. № 2. С. 11—14. См. об этом: Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Из пушкинских маргиналий. С. 115.

290 Акад. Т. 16. С. 127. П.А.Корсаков подписал разрешение печатать «Фонвизина» 15 февраля 1836 г. См.: Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Новонайденный автограф Пушкина. М.; Л., 1968. С. 3, 68; Переписка, Т. 1. С. 319.

291 Пушкин говорит о памфлете «Жизнь некоторого мужа и перевоз его курioзной души через Стикс-реку» (1780), автором которого был, вероятно,

М.Д.Чулков (Светлов Л. М.Д.Чулков — автор памфлета «Жизнь некоторого мужа и перевоз его курьезной души через Стикс-реку» // РЛ, 1963. № 2. С. 188—197; Алексеев М.П. Незамеченный фольклорный мотив в черновом наброске Пушкина // ПИИМ, Т. IX. С. 39).

²⁹² «В «Фонвизине» Вяземский стремился «воскресить» XVIII век, — говорит М.И.Гиллельсон, — а в своих публикациях, мемуарных статьях, отрывках из «Старой записной книжки» — золотой век русской литературы» (Гиллельсон. С. 362). При этом Вяземский, конечно, оставался чужд столь распространенному и как бы само собою разумеющемуся предпочтению настоящего перед прошлым. Прошлое для него не менее реально, чем настоящее и тем более чем будущее: «Легко может статься, что многое из ныне животрепещущего и господствующего не переживет века и дня своего. Другое, ныне старое и забытое, может очнуться позднее» (Вяземский. Т. 1. С. 11).

²⁹³ Гиллельсон. С. 231—258; Гиллельсон М.И. Пушкинский «Современник» // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным, Приложение к факсимильному изданию. М., 1987. С. 3—39; Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И. Сквозь «умственные плотины»: «Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. М., 1986. С. 266—351.

²⁹⁴ Вяземский-1982. С. 350. Пушкин в воспоминаниях. Т. 1. С. 136.

²⁹⁵ ОА, Т. 3. С. 313. Тургенев отвечал не без некоторого недоумения: «[...] хотя я давно знал, что наша журналистика, как девица-красавица, во селе, селе Покровском «без политики росла», но как-то странно будет, если Пушкин совершенно исключит этот элемент из своего «Современника»: литература без политики не будет уже современною нам литературою» (ЛН, Т. 58. С. 122—123).

²⁹⁶ Гиллельсон. С. 242—248.

²⁹⁷ «Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — писал Пушкин к Чаадаеву в неотправленном письме от 19 октября 1836 г., — но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой Бог ее дал» (Переписка. Т. 2. С. 290). Вяземский: «Письмо Чаадаева не что иное в сущности своей, как отрицание той России, которую с подлинника списал Карамзин» (Вяземский. Т. 2. С. 221).

²⁹⁸ Акад. Т. 13. С. 187. Ср.: «[...] ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует» (Акад. Т. 11. С. 34).

²⁹⁹ Френкель В.Я. Петр Борисович Козловский: 1783—1840. Л., 1978. С. 99 (записки В.Ф.Одоевского).

³⁰⁰ Вяземский. Т. 2. С. 365. «Пушкин не только не заботился о своем журнале с родительскою нежностью, — прибавляет Вяземский, — он почти пренебрегал им. Однажды прочел он мне свое новое поэтическое произведение. Что же, спросил я, ты напечатаешь его в следующей книжке?»

Да, как бы не так, отвечал он, *pas si bcie*: подписчиков баловать нечего. Нет, я поберегу стихотворение для нового тома сочинений своих» (там же). Ср.: «Пушкин когда издавал Современник говаривал, что подписчиков баловать не надобно и лучших стихотворений своих не печатал в своем журнале» (Вяземский — Бартеневу, 19 сентября 1869 г. // РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 561 (7), л. 453).

³⁰¹ См. его письмо к Пушкину от конца октября — начала ноября 1836 г.: Акад. Т. 16. С. 181. См. также: Абрамович С.Л. Пушкин. Последний год: Хроника: Январь 1836 — январь 1837. М., 1991. С. 220, 399.

³⁰² Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 115.

³⁰³ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2. С. 183.

³⁰⁴ Там же, с. 237.

³⁰⁵ Между тем, вероятно, и Пушкин имел основания огорчиться комплиментами Вяземского в адрес «Московского наблюдателя». «Наблюдатели меня не жалуют», — читаем в письме Пушкина к жене от 14—16 мая 1836 г. (Акад. Т. 16. С. 116), отношения его с ними, таким образом, в это время переживали не лучший период.

³⁰⁶ Гиллельсон. С. 252—253.

³⁰⁷ Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1967. С. 69.

³⁰⁸ Цит. по изд.: Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. М., 1987 (далее — Щеголев). С. 226.

³⁰⁹ О Вяземском и последней дуэли Пушкина см.: РА, 1888. Кн. 2. № 7 (письмо Вяземского к А.О.Смирновой); РА, 1879. Кн. 2. № 6 (письма к А.Я.Булгакову от 5, 6, 10, 15 февраля 1837 г. и к Д.В.Давыдову от 9 февраля 1837 г.); Щеголев, С. 221—231 (письмо к В.К. Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 г.); РА, 1900. Кн. 1 (письмо к Э.К.Мусиной-Пушкиной от 16 февраля 1837 г.); РА, 1888. Кн. 2. С. 303—304 (письмо к А.О.Смирновой от 2 марта 1837 г.); Красный архив, 1929. Т. 33. № 2 (письма к О.А.Долгоруковой от 7 апреля 1837 г. и к А.Я.Булгакову от 29 марта 1837 г.); Вяземский П.П. Собр. соч. СПб., 1893. С. 562 (письмо к А.Я.Булгакову от 8 апреля 1837 г.); Новый мир, 1931. № 11 (письмо В.Ф.Вяземской от нач. февраля 1837 г.); Русская старина, 1875. № 9. С. 92—96 (письмо к неизвестному от 5 февраля 1837 г.); Вяземский. Т. 10. С. 289; Записные книжки. С. 274—276; Пушкин в воспоминаниях-2. Т. 1. С. 145—146, 151, 152; Т. 2. С. 179—184; РА, 1868, стлб. 455 (письмо С.Л.Пушкина к Вяземскому от 22 апреля 1837 г.); РА, 1900. Кн. 3. С. 399 (записка Д'Аршиака Вяземскому); ЛН, Т. 58. С. 148 (письмо А.И.Тургенева к Вяземскому от 4/16 августа 1837 г.). Имя Вяземского часто встречается в воспоминаниях современников о дуэли и смерти Пушкина (см. записки К.К.Данзаса, Н.М.Смирнова, И.Т.Спасского, А.И.Тургенева, Д.Ф.Фипкельмои: Пушкин в воспоминаниях-2. Т. 2. С. 376, 272, 386, 216, 155). См. также: Ашукин Н. Смерть Пушкина по записям современников // Красная нива, 1926. № 6. С. 18—19; Светлова М.К. Кому было написано письмо кн. П.А.Вяземского о кончине Пушкина // Московский

пушкинист. Кн. 2. М., 1930; Бельчиков Н. Из записной книжки архивиста. П.А.Вяземский и смерть Пушкина // Красный архив, 1937. № 1. С. 248—251; Бельчиков Н.Ф. П.А.Вяземский об авторе анонимного пасквиля на Пушкина // Из истории русских литературных отношений XVIII—XIX вв. М.; Л., 1959. С. 117—131; Кибальник С.А. Письма Вяземского о гибели Пушкина (Об одном заседании пушкинской группы ИРЛИ АН СССР (30 сент. 1982)) // Русская литература, 1983. № 1. С. 257—260; Абрамович С.Л. Пушкин в 1836 году. Л., 1985; Абрамович С.Л. «Во всем его поведении было одно благородство, великодушие, деликатность...» Письма П.А.Вяземского о гибели поэта // Литературная газета, 1987. 28 января. С. 5; Абрамович С.Л. Пушкин: последний год. Хроника. Л., 1989. Абрамович Стелла. Предыстория последней дуэли Пушкина. СПб., 1994. С. 305—325.

³¹⁰ РА, 1872. Ст. 1770—1850.

³¹¹ См. там же, ст. 1806—1807.

³¹² Там же, Ст. 1802—1803.

³¹³ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1094, л. 3—4 об. Оpubл. впервые: Ивинский Д.П. П.А.Вяземский о дуэли и смерти Пушкина // *Dziesięć wieków związków wschodniej słowiańszczyzny z kulturą zachodu. Część pierwsza: Literaturoznawstwo*. Lublin, 1990. S 89—101.

³¹⁴ Вяземский — О.А.Долгоруковой, 7 апреля 1837 г. // Красный архив, 1929. Т. 22. № 2. С. 232.

³¹⁵ Вяземский — Э.К.Мусиной-Пушкиной, 16 февраля 1837 г. // Нева, 1982. № 6. С. 87—88.

³¹⁶ Вяземский — О.А.Долгоруковой, 7 апреля 1837 г. // Там же.

³¹⁷ Щеголев, С. 223.

Список сокращений

- АБТ, вып. 6 — Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Переписка А.И.Тургенева с князем П.А.Вяземским. Т. 1. 1814—1833 годы. Пгр., 1921. Акад. — Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937—1949. Т. 1—16; 1959. Т. 17 (справочный).
- Блинова — Блинова Е.М. «Литературная газета» А.А.Дельвига и А.С.Пушкина. 1830—1831. Указатель содержания. М., 1966.
- Вяземский — Полное собрание сочинений князя П.А.Вяземского. СПб., 1878—1896. Т. 1—12.
- Вяземский-1935 — Вяземский П.А. Избранные стихотворения / Ред., статья и комментарий В.С.Нечаевой. М.; Л., 1935.
- Вяземский-1958 — Вяземский П.А. Стихотворения / Вступительная статья, подготовка текста и примечания Л.Я.Гинзбург. Л., 1958.
- Вяземский-1982 — Вяземский П.А. Сочинения в двух томах / Составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарий М.И.Гиллельсона. М., 1982.
- Вяземский-1984 — Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / Составление, подготовка текстов, вступительная статья и комментарий Л.В.Дерюгиной. М., 1984.
- Вяземский-1986 — Вяземский П.А. Стихотворения / Вступительная статья Л.Я.Гинзбург. Составление, подготовка текстов и примечания К.А.Купман. Л., 1986.
- Батюшков — Батюшков К.Н. Сочинения: В двух томах. М., 1989.
- Барсуков — Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина. СПб., 1888—1901. Кн. 1—22.
- ВЕ — Вестник Европы.
- Виноградов — Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941.
- ВЛ — Вопросы литературы.
- ВПК — Временник пушкинской комиссии. Вып. 1—24. Л., 1963—1991.
- Гиллельсон — Гиллельсон М.И. П.А.Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.
- Городецкий — Городецкий Б.П. Лирика Пушкина. М.; Л., 1962.
- Дмитриев — Дмитриев И.И. Сочинения. М., 1986.
- Жуковский — Жуковский В.А. Собр. Соч.: В 4 т. М.; Л., 1959.
- Записные книжки — Вяземский П.А. Записные книжки (1813—1848) / Под ред. В.С.Нечаевой. М., 1963.
- Звенья — Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. М., 1932—1951. Т. 1—6, 8—9.

Ланда — Ланда С.С. Дух революционных преобразований... Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов. 1816—1825. М., 1975.

Летопись — Цявловский М.А. Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. М., 1951. Т. 1.

Летопись-2 — Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина. 1799—1826 / Составитель М.А.Цявловский. 2-е изд., исправленное и дополненное. Л., 1991.

ЛГ — Литературная газета.

ЛН — Литературное наследство.

МВ — Московский вестник.

МТ — Московский телеграф.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899—1909. Т. 1—5.

Полевой — Полевой Н.А., Полевой К.А. Литературная критика. Статьи и рецензии. 1825—1842. Л., 1990.

Письма последних лет — Пушкин А.С. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969.

ПИИМ — П. Исследования и материалы. М.: Л., 1956—1991. Т. 1—14.

ПиЕС — Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб.; Л., 1903—1930. Вып. 1—39.

Пушкин — Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974—1978.

Пушкин в воспоминаниях-1 — А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1, 2.

Пушкин в воспоминаниях-2 — А.С.Пушкин в воспоминаниях современников. 2-е изд. М., 1985. Т. 1, 2.

Пушкин. Временник — Пушкин. Временник пушкинской комиссии. М.; Л., 1936—1941. Т. 1—6.

Розанов — Розанов И.Н. Кн. Вяземский и Пушкин. (К вопросу о литературных влияниях) // Беседы. Сборник общества истории литературы в Москве. Т. 1. М., 1915. С. 57—76.

Рукою Пушкина — Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935.

РА — Русский архив.

РС — Русская старина.

РО РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

Сборник ОРЯС — Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1867—1928.

СН — Старина и новизна.

СО — Сын отечества.

Черейский — Черейский Л.А. Пушкин и его современники. 2-е изд. Л., 1989.

Цявловский — Цявловский М.А. Статьи о Пушкина. М., 1962.

Томашевский — Томашевский Б.В. Пушкин. М., 1990. Т. 1—2.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамович С.Л.* 164—165
Азадовский К.М. 139
Аладын Е.В. 95
Александр I 9, 10, 13—17, 37, 41, 42, 44, 56, 141—145
Алексеев М.П. 151, 159, 162
Анненков П.В. 6, 8
Арендт Н.Ф. 136
Аристофан 35
Аракчеев А.А. 36
д'Аршиак О. 164
Ахматова А.А. 159
Ашукин Н.С. 164
Базанов В.Г. 153
Байрон Д.-Н.-Г. 34, 49, 51, 62—72, 85, 86, 91, 102—104, 155, 157
Баратынский Е.А. 4, 91—94, 97, 99, 103, 104, 107, 110, 158—160
Барсуков Н.П. 39, 83, 92, 150, 153
Бартенева П.И. 53, 77, 126, 133, 140, 141, 146, 164
Батюшков К.Н. 8, 19, 20, 27, 75, 108, 114, 142, 147, 156
Бахтин Н.И. 155
Белинский В.Г. 111, 133, 134
Бельчиков Н.Ф. 169
Бенкендорф А.Х. 80
Бестужев А.А. 65, 76, 148, 150, 153, 154, 157
Бибиков А.И. 126
Бибиков Д.Г. 137
Бируков А.С. 59
Вицилли П.М. 98, 158
Влшнова Е.М. 106, 109
Богданов А.И. 7
Богданов П.И. 7
Богословский Н. 149, 152
Бонди С.М. 151
Бортнянский Д.С. 13, 14
Буало Н. 21, 147
Булгаков А.Я. 25, 27, 37, 148, 153, 154, 164
Булгарин Ф.В. 65, 76, 82, 95, 107, 108, 110, 113, 114, 123, 153
Бунина А.П. 16, 144
Вацууро В.Э. 6, 9, 28, 55, 66, 139, 140, 148, 162, 163
Вельяшев А.П. 141, 142
Веневитинов А.В. 83
Веневитинов М.А. 142
Вересаев В.В. 151
Вигель Ф.Ф. 60, 94
Виельгорский М.Ю. 81, 84
Вильгельм, принц Оранский 16, 141
Виноградов В.В. 20, 46, 152
Воейков А.Ф. 32, 45, 76, 107
Волкова М.А. 145
Волконский С.Г. 86
Вольтер (Мари Франсуа Арузэ) 8, 20, 32, 147
Воронцов М.С. 50, 60
Всеволожская П.Н. 94
Всеволожский Н.В. 148
Вяземская В.Ф. 49—51, 65, 66, 74, 86, 87, 93, 102, 151, 152, 156, 164
Вяземская Е.И. (урожд. О'Рейли) 140
Вяземский А.И. 8
Вяземский Н.П. 89
Вяземский П.П. 6, 37, 94, 95, 139, 154, 157, 162, 164
Гагарин И.С. 5
Гагарин Ф.Ф. 133
Гавевский В. 144—147
Галич А.И. 19
Гейм И. 141
Геккерн Л.-Б. 136—138
Гете И.-В. 63
Гиллельсон М.И. 4, 8, 28, 37, 40, 41, 55, 58, 81, 98, 104, 106, 108, 111, 126, 129, 134, 139, 140, 145, 147, 148, 160, 162—164
Гинзбург Л.Я. 159
Гинтер (Гюнттер) И.Х. 63, 64
Глаголев А.Г. 47
Глинка Ф.Н. 143

- Гнедич Н.И. 27, 58, 59, 114, 151, 152
 Гоголь Н.В. 129
 Голенищев-Кутузов П.И. 9, 18, 143
 Голицын А.Н. 22
 Голицына Е.И. 26—28, 30, 33, 148
 Голубцов Ф.А. 40
 Гомер 35, 48
 Гомолицкий Л. 162
 Гордин Я.А. 139
 Городецкий Б.П. 148, 150
 Горчаков А.М. 145
 Греч Н.И. 46, 110, 136
 Грот К.Я. 145
 Грот Я.К. 145, 146
 Гуковский Г.А. 97, 158
 Гюго В. 99
 Давыдов Д.В. 5, 21, 25, 129, 164
 Даль В.И. 136
 Данзас К.К. 164
 Дантес Ж. 135—138
 Дворский А. 118, 119, 123, 160, 161
 Дейч Г.М. 145
 Делиль Ж. 46, 151
 Дельвиг А.А. 4, 85, 87, 90, 92, 106, 110, 113, 114, 134, 159
 Державин Г.Р. 39, 67, 89, 108
 Дерюгина Л.В. 6, 139
 Дмитриев И.И. 7, 13—14, 17, 26, 31, 35, 41, 43, 46, 88, 95, 96, 106, 108, 114, 127, 140, 148, 150, 151, 155
 Дмитриев М.А. 60—64, 68, 70, 74, 75, 107, 153, 154
 Долгорукая Е.Ф. 9
 Долгорукова О.А. 165
 Дурюлин С.Н. 40, 41, 53, 150
 Евгений — см. Казанцев Е.
 Екатерина II 14, 126, 131
 Елагина А.П. 37
 Елизавета Алексеевна, имп. 30
 Ермолов А.П. 59, 120
 Жирмунский В.М. 155
 Жихарев С.П. 84, 140
 Жуковский В.А. 6, 8, 10, 11, 15, 18—22, 24—28, 31—33, 47, 49, 53, 59, 60, 67, 75, 81, 87, 88, 94, 107, 108, 114, 120, 124, 129, 143, 144, 146, 147, 156
 Заборов П.Р. 20, 147, 149
 Завадовская Е.М. 125
 Завалиевский Н.С. 125
 Зернов А.П. 16
 Измайлов А.Е. 68
 Измайлов Н.В. 19, 147
 Илличевский А.Д. 145
 Ильин-Томич А.А. 149
 Инзов И.Н. 36, 41
 Казанцев Е. 93
 Капнист В.В. 108
 Каподистрия И.А. 41
 Карабанов П.М. 147
 Карамзин Н.М. 7, 10, 17, 18, 22, 25—28, 31, 36, 41, 43, 45, 55, 59, 60, 63—65, 68, 75, 88, 106, 108, 111, 112, 114, 123, 127, 130—132, 145, 146, 148, 150, 151, 155, 163
 Карамзина Е.А. 10, 22, 28, 93, 146
 Карамзина С.Н. 135
 Карташева И.В. 3
 Катенин П.А. 5, 35, 36, 59, 82, 106, 155
 Каховский П.Г. 52
 Каченовский М.Т. 26, 36, 61, 64, 74, 153, 154, 156
 Кибальник С.А. 165
 Кине Э. 129
 Киреевский И.В. 19, 72
 Кишкин Л.С. 161
 Клопшток Ф.Г. 63
 Кляйнер Ю. 162
 Козлов В.И. 67
 Козлов И.И. 20, 66, 91, 155
 Козловский П.В. 129, 131, 163
 Козьмин Н. 157
 Козьмина М.А. 3
 Конисский Г. 131
 Констан Б. 102—104, 159
 Константин Павлович, в.к. 142, 148
 Корсаков П.А. 162
 Корф М.А. 7, 22
 Котляревский П.С. 59, 120
 Крылов И.А. 81, 129
 Кулешов В.И. 3, 139
 Купман К.А. 37
 Кунин В.В. 140
 Кухарская Е. 160
 Кюхельбеккер В.К. 4, 85, 89
 Ланда С.С. 54, 151, 155, 161
 Ланская В.И. 145
 Лафайет М.-Ж.-П. 118

- Лафонтен Ж.* 59
Левин Ю.Д. 147
Ледницкий В. 162
Лелевель И. 118, 123, 161
Лемонте П.-Э. 81
Лермонтов М.Ю. 135, 137, 138
Лернер Н.О. 78, 152, 156
Ливий Тит 59
Ломоносов М.В. 63, 64, 108
Ломоносов С.Г. 23, 24, 94
Лонгинов М.Н. 97, 157
Лотман Ю.М. 37, 39, 98, 147, 150, 151, 158
Людвик ХУІ 44
Майков Л.Н. 152, 156
Макаров М.Н. 9
Макогоненко Г.П. 98, 158
Максимович М.А. 157
Малиновский И.В. 146
Марин С.Н. 158
Мария Федоровна, имп. 13, 142
Маслов В.И. 143
Маслов Д.Н. 149
Медведева И.Н. 152
Мейлах Б.С. 98, 145, 158
Мерзляков А.Ф. 75, 151
Милонов М.В. 90, 158
Милорадович М.А. 10, 140, 149
Мильвуа Ш.-Ю. 99
Мильтон Д. 113
Михаил Павлович, в.к. 135, 138, 164
Михайлова Н.И. 158
Мицкевич А. 29, 70—72, 125, 155, 160—162
Мицкевич В. 162
Модзалевский Б.Л. 6, 55, 91, 139, 151
Мойер И.Ф. 52
Мордовченко Н.И. 152, 154
Моцарт В.-А. 96
Муравьев Н.М. 96
Муравьев-Апостол И.М. 60, 153
Муравьев-Апостол С.И. 52
Муравьева О.С. 158
Мусина-Пушкина Э.К. 138, 164, 165
Муханов В.А. 153
Муханов Н.А. 122, 153
Муханов П.А. 66
Мятлев И.П. 115
Набоков В.В. 159
Наполеон I 12, 16, 17, 44, 129, 131, 141
Нацоккин П.В. 133
Нелединский-Мелецкий Ю.А. 13, 14
Нессельроде К.В. 50, 120, 121
Нечаева В.С. 37
Николай I 55
Новосильцов Н.Н. 24, 29
Нотбек А.В. 95
Одоевский В.Ф. 129
Озеров В.А. 4, 35, 36, 149, 152
Оксман Ю.Г. 38, 150
Ольдекоп Е.И. 66
Орлов А.Ф. 32, 121, 149
Орлов В.Н. 157
Орлов М.Ф. 23
Осват А.Л. 139
Остолопов Н.Ф. 12, 15
Павел I 44
Папов С.И. 3
Паперно И.А. 37, 39, 150
Парни Э.Д. 20
Песков А.М. 3, 147
Петр I 29, 109, 124, 127, 162
Пещуров А.Н. 145
Пещурова Е.Н. 145
Писарев А.И. 154
Плетнев П.А. 47, 67, 69, 87, 88, 93, 129
Плещеев А.А. 24
Погодин М.П. 73, 80, 83, 84, 92, 157, 160
Полевой К.А. 82, 154
Полевой Н.А. 81—84, 92, 107, 108, 110, 112, 154
Полторацкий Д.М. 12, 141
Полторацкий С.Д. 14—16, 20, 142, 147
Попкова Н.А. 156
Потоцкая М. 60
Пугачев Е. 126, 127, 131
Пушкин А.М. 6, 12
Пушкин В.Л. 6, 9, 12, 15, 18, 21, 24, 25, 29, 32, 33, 50, 59, 129, 140, 143—146
Пушкин Л.С. 65, 87, 89, 90—92, 149, 156, 157
Пушкин С.Л. 7, 18, 19, 140, 146, 164
Пушкина Н.Н. 135—137
Пушкина Н.О. 55, 56

- Пуцин И.И. 23, 88, 89
 Радищев А.Н. 40, 41, 150
 Раич С.Е. 108
 Розанов И.Н. 48, 98, 100, 158, 159
 Розен Е.Ф. 129
 Рылеев К.Ф. 48, 52, 66, 143
 Сабуров А.И. 154
 Сабуров Я.В. 22
 Сабуров Я.И. 154
 Салтыков С.В. 9
 Сальери (Салиери) А. 96
 Светлов Л. 162
 Светлова М.К. 145, 164
 Свинын П.П. 36
 Северин Д.П. 5, 10
 Семен А. 155
 Семивский Н. 14, 143
 Сибиряков И.С. 33, 149
 Сипицын А.И. 135
 Сиповский В.В. 19, 147
 Сленин И.В. 86
 Смирнов Н.М. 164
 Смирнова О.А. 164
 Соболевский С.А. 90
 Соколова К.И. 98, 158
 Сомов О.М. 106
 Спасович В.Д. 160
 Спасский И.Т. 164
 Сталь Ж. 81
 Строганов М.В. 3
 Столыпин А.А. 136
 Стурдза А.С. 33
 Суворов А.В. 89
 Сухомлинов М.И. 150, 157
 Сушков Н.В. 83
 Татищев Д.П. 9
 Татищев В.Н. 97
 Толстой С.Л. 157
 Толстой Ф.И. 90, 157, 160
 Томашевский Б.В. 23, 43, 44, 46,
 47, 80, 104, 117, 118, 123, 147,
 150, 151, 154—156, 159, 160
 Топоровский М. 160
 Тредиаковский В.К. 108
 Туманский В.И. 85, 157
 Тургенев А.И. 5, 9, 12, 18, 21, 22,
 25—34, 36—38, 41—43, 45, 46,
 49, 50, 58—60, 65, 66, 73, 85, 86,
 88, 90, 91, 94—96, 105, 119,
 121—124, 129, 131, 146, 147,
 150, 152, 155, 161, 164
 Тургенев Н.И. 23, 26, 31, 33, 41, 56,
 121—123
 Тютчев Ф.И. 129
 Убри П.Я. 22
 Уваров С.С. 55
 Феачук Л.П. 152
 Фовицкий И.М. 40—41, 150
 Фоназизин Д.И. 114, 126, 127, 163
 Франк С.Л. 124, 161
 Френкель В.Я. 163
 Фриблендер Г.М. 98, 158, 159
 Фризман Л.Г. 53, 152
 Фукс А.А. 148, 149
 Фусс П.Н. 145
 Хвостов Д.И. 9, 90—91, 143
 Хемницер И.И. 51, 108
 Херасков М.М. 20, 39, 147
 Хитрово Е.М. 95, 119, 161
 Цезарь Ю. 129
 Цявловская Т.Г. 38—39, 117, 118,
 140, 151, 160
 Цявловский М.А. 6, 22, 34, 42, 144,
 146
 Чаадаев П.Я. 22, 131, 163
 Черейский Л.А. 7, 139, 146, 157
 Чулков М.Д. 162
 Шаликов П.И. 73—76, 89, 156
 Шпель К.-Э.-Л. 21
 Шатобриан Ф.-Р. 1-2
 Шаховской А.А. 4, 23, 31, 35
 Шибунин А.Н. 149
 Шекспир У. 54
 Шепинг О.Д. 9
 Шишков А.С. 9, 88
 Шляпкин И.А. 160
 Шторх А.К. 22
 Щеголев П.Е. 164—165
 Щербинин М.А. 32
 Эйдельман Н.Я. 26, 27, 55, 139,
 148, 152
 Энгельгардт А.Л. 93
 Энгельгардт В.В. 32, 149
 Энгельгардт Е.А. 23
 Эсхил 35
 Юханцев Н.И. 136
 Языков Н.М. 4, 100, 158
 Янковский П. 122

Оглавление

	От автора	3
	Предисловие	4
Глава I.	В допожарной Москве	6
Глава II.	Отечественная война	10
Глава III.	«Арзамас»	18
Глава IV.	В Варшаве и в Петербурге	25
Глава V.	Опальное поприще	48
Глава VI.	Романтические поэмы и критические статьи	58
Глава VII.	«Московский телеграф» и «Московский вестник»	81
Глава VIII.	Роман в стихах	85
Глава IX.	«Литературная газета»	106
Глава X.	Политические полемики и исторические изыскания	117
Глава XI.	«Современник»	129
Глава XII.	Последняя дуэль Пушкина	135
	Примечания	139
	Список сокращений	166
	Именной указатель	168

Научное издание

**Ивинский Дмитрий Павлович
Князь П.А.Вяземский и А.С.Пушкин**

Художественный редактор *А.В.Дьяченко*

Набор *И.В.Лоскутников*

Технический редактор, оригинал-макет *В.А.Лосева*

Подписано в печать 1.95. Гарнитурa Школьная. Формат 60x90/16.
Уч.изд.л 11,0. Тираж 1000 экз.

119899, Москва, Воробьевы горы, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, филологический факультет — ИЧП «Филология»

Отпечатано в ТОО «ГЕО—ТЭК»

